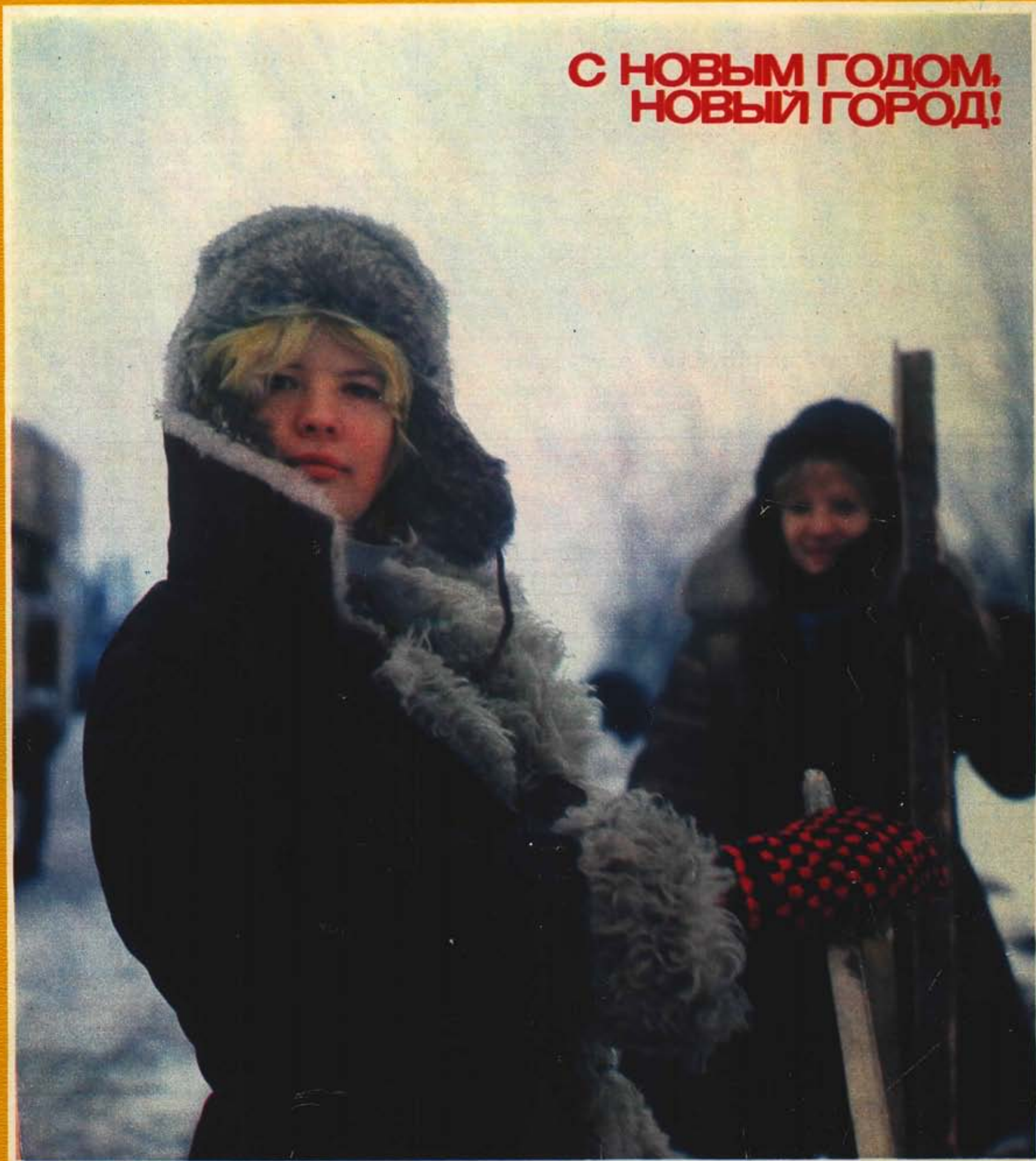

СМЕНА

№ 1 ЯНВАРЬ 1980

**С НОВЫМ ГОДОМ,
НОВЫЙ ГОРОД!**

«Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достигающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз Советских республик...»

В. М. Мухоморов (Ленин)

СОВЕТСКИЕ КАК КАТЕГОРИЯ

Смена

Коллективный критический анализ: работа в тягость, работа в радость

Мы продолжаем разговор об экономике и нравственности, о качестве нашей работы и рабочей чести, поднятый в № 17 «Смены» 1979 года. Поддержанный читателями в последующих номерах, он обретает особое звучание в нынешнем, завершающем году десятой пятилетки. Значение этого года в жизни страны четко сформулировано ноябрьским (1979 г.) Пленумом ЦК КПСС.

Совесть рабочего человека — в чем она? Каковы ее мерки? Можно ли говорить о работающей совести, то есть о приносящей реальные плоды на реальном производстве?

Работать по совести — что это значит? Выполнять свою норму, даже перевыполнять ее, не нарушать дисциплину — достаточно ли всего этого — только этого! — чтобы иметь право считать, что ты работаешь на совесть? Конечно, это совсем немало, но если рядом с тобой люди не умеют или не хотят так работать, можно ли с чистой совестью закрывать глаза на такое?

«Совесть как категория экономическая» — тема, которая не исчерпывается материалами этого номера, она должна быть и будет продолжена на страницах «Смены» с вашей помощью, дорогие читатели. Мы ждем от вас писем.

Леонид БЕРЖЕМИНСКИЙ, сборщик автопокрышек Омского ордена Ленина шинного завода, лауреат премии Ленинского комсомола

Д а зачем? Зачем она вообще нужна?! — не понимали одни. — Какой в ней смысл?

— Тебе-то самому это на кой? — удивлялись другие.

На сколько вопросов пришлось отвечать мне после того собрания! Я тогда в первый раз предложил попробовать создать в цехе бригаду... Отвечал на совещаниях, в курилке, до смены, после нее — где только не отвечал! Убеждал, объяснял. Уставал от этих объяснений хуже, чем от любой работы. И ведь понимал, что убедить по-настоящему можно только делом. Но для этого надо было настоять на своем — создать бригаду. За это и воевал.

— Отроду ни у нас, ни у других шинников сборщики бригадами не работали. Не будет от нее никакой пользы.

— Ясное дело, не нужны в нашей работе бригады. Нелепая затея.

Шесть лет уже прошло с тех пор. С марта семьдесят третьего...

Я сборщик. Сборщик автомобильных покрышек. Суть работы в общем-то проста: из деталей-полуфабрикатов — браслетов, крыльев, брекеров, протекторов — собираю на станке покрышки для грузовых автомобилей. Как, бывает, шутят: «Подумаешь, сборка, главное — запомнить, что с чем соединять». Что ж, это, конечно, тоже необходимо. Правда, полуфабрикаты наши хотя и из резины и корда, но весят вполне прилично, да и размеры у них достаточные... А если серьезно, то, чтобы действительно классной сборке научиться, нужен не один год. Я вот на заводе уже двенадцать лет, а сказать, что все в сборке постиг, не могу.

Труд сборщика автопокрышек — сугубо индивидуальный. У станка стоит один человек и собирает покрышку от начала до конца — от первого браслета

до протектора. Нашу работу нельзя разложить: ты делаешь такие-то операции, я такие — и вместе мастерим покрышку. Невозможно это на сборке, да и смысла никакого нет. Вот и получалось, что работали сборщики поодиночке, да к тому же сдельно, и такая работа как-то незаметно приучала думать только о себе, видеть в цехе только свой станок, свою норму.

А соревновались мы попарно, что называется, по спортивному принципу — сильный с сильным. Те же, кто послабее — понятно, в основном новички, — соревновались сами по себе, на собственных ошибках учились. Учеба такая — дело долгое, не у каждого на нее терпения хватало. Для ребят, прав-

ПОИСК РЕШЕНИЯ

ИДТ

да, существовали школы передового опыта, вещь, вне всякого сомнения, полезная и очень нужная. Это я могу смело утверждать — самому приходилось в такой школе обучать новичков. Но ведь это только эпизод в становлении молодого сборщика — поучился не больше двух месяцев, а там опять самостоятельное плавание. И опять неизвестно, чем оно кончится? На работе-то у молодых каждый день возникают вопросы, ответ на которые только прямо у станка или на самом станке дать можно. Потому что мало знать, как выполнить тот или иной рациональный прием сборки, надо, чтобы он по-настоящему твоим стал.

Или такое бывает: рассказали молодому сборщику о приеме, опытный мастер показал его ему на деле — а у самого парня он не пошел. Раз не вышло, два, вместо экономии времени — брак. Подумает человек, подумает, да и махнет рукой на передовые методы — не для меня... И вот уже что-то сломалось в человеке. Он уже к любому новшеству с опаской подходит, с готовностью отступить чуть что. И к себе как к сборщику он уже без всякого восторга относится, потому что рядом

МОЖНО ЛИ ОБ ЭТОМ НЕ ДУМАТЬ?

Никак не идет у меня из головы эта встреча. Встреча в моей родной деревне, где я родился, вырос...

Но сначала немного о своей работе, о нашей бригаде. Она у нас комсомольско-молодежная, из шести человек. Работаем мы в инструментальном цехе Красноярского комбайнового завода. Делаем штампы.

Понимаю, что могу показаться хвастуном, но все-таки скажу прямо: работать мы умеем. В доказательство назову такие факты: уже три года наш коллектив носит звание бригады комсомольской гарантии качества. Пять человек из нас работают на самоконтроле — то есть не предъявляя свою продукцию ОТК. Прибавьте сюда высокие разряды — у всех пятое, — освоенные смежные специальности... Кроме того, трое парней у нас учатся в институтах, один в техникуме. Поэтому сказать, что работать мы умеем, у нас право есть.

Вместе мы уже четвертый год; можно сказать, вместе и начинали. Когда-то нам казалось, что потери рабочего времени на производстве — дело неизбежное. Постепенно уяснили, что нет. Перекуры долгие, опоздания, прогулы — будем ли мы здесь терять, зависит от нас. На этом мы сейчас не теряем. Теряем на том, что, как говорится, от нас не зависит. Не дал заготовительный участок вовремя и в нужном количестве заготовки — мы простаиваем. Но часто простаиваем и тогда, когда заготовки есть. Почему? Да потому, что на весь наш участок всего один кран. Он за всеми не поспевает, а сам тоже не поднесешь — заготовки наши не один килограмм весят. Затем: оборудование у нас старое, станки часто выходят из строя. Если свободен чужой станок — переходишь на него. Это тоже потеря времени, но еще больше теряется его, когда свободного станка в цехе не оказывается, жди тогда, пока твой отремонтируют.

В общем, посчитали мы, оказалось, что в среднем в сутки

наша бригада теряет полтора часа рабочего времени. А от нас шесть цехов зависят. Чем для них наши потери оборачиваются?

А с другой стороны, тут ломай голову не ломай, а силами одной нашей бригады эти проблемы не решить, правильно?

Вот теперь, наверное, и пришло время рассказать о той встрече в моей родной деревне летом... Идем мы как-то вместе с отцом по улице, навстречу — сосед. Остановились, разговорились о жизни, о семьях...

— Славка, а работаешь-то ты где? — интересуется сосед.

— В Красноярске, — отвечаю, — на комбайновом заводе.

Стоит рядом отец, слушает.

— На комбайновом?

— Да.

— Так почему же ты там такие комбайны делаешь?

— Какие? — не понял я.

— Какие?! Плохие!

И пошел разговор, сколько сам сосед с нашим комбайном в поле простоял, сколько другой комбайнер новый наш комбайн в поле ремонтировал... — А ты же понимаешь, что такое в страду стоять, ты же наш! —

Вот такой пошел разговор. Получалось, что я вроде своим землякам уборку срываю. Что тут скажешь? Стоял, молчал. Отец рядом.

Так я оказался один в ответе перед земляками за работу целого завода. Сказать, что я ни в чем этом не виноват, что наша бригада работает хорошо, а за весь завод мы не ответчики? Но ведь они-то, земляки мои, не говорят, что мы за хлеб не отвечаем, что я вот пахал хорошо, а почему хлеб не собрали, я не отвечаю! Что же мне говорить? Что хотя и на комбайновом заводе работаю, но делаю всего только штампы, а не сами комбайны? Почему-то не хотелось так говорить

Ведь завод мне по-настоящему родным стал. Пришел я сюда после армии, здесь научился специальности, здесь друзей настоящих встретил. Как же мне теперь от него отрещиваться?!

И ведь не в первый раз я такое услышал. Приходилось уже слышать, что поступают наши «Сибиряки» к хлеборобам с многими производственными дефектами, что на стороне их уходят не часы, а дни. И спокойно такое слышать у нас никто в бригаде не может. Газетные статьи, где встречаются совсем не лестные отзывы по адресу наших машин, мы между собой до хрипоты обсуждаем... Но мы-то сами не виноваты, что конструкторы недодумали, поставщики и смежники подвели, сборка и другие цехи плохо сработали...

Да, все это действительно так. Но как же быть нам? Продолжать делать с чистой совестью свою работу, свои штампы и не думать о том, какими наши машины в готовом виде уходят с завода?.. Но как же об этом не думать!

В силах ли бригады оказать влияние на работу всего предприятия? Кому-нибудь такой вопрос покажется нелепым. Но вспомните, например, бригаду Злобина. Разве ее метод улучшения дела только на участке бригады? Разве все найденное, освоенное в других наших знаменитых бригадах не становилось достоянием многих, не вынуждало совершенствовать организацию труда на других участках?

Значит, сила коллектива не заканчивается за границами его рабочего места. Значит, может он больше, чем делать хорошо только свою работу.

Вячеслав ДАНИЛЕНКО,
бригадир комсомольско-молодежной бригады Красноярского комбайностроительного объединения по зерноуборочным машинам

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

работают всю передовики и от сравнения никуда не денешься...

Конечно, не с каждым такое случится. Другой, с характером посылнее, своего добьется — пойдет у него прием. Тот, что поспособнее, просто сразу его схватит. Но ведь нужно-то, чтобы случилось это с каждым. Речь-то тут — о рабочей судьбе! А такими вещами не разбрасываются.

Зайдем с другой стороны. Что выгоднее предприятию: когда разом подтягивается на 20—30 процентов выработка нескольких человек или когда один дает 150, а остальные что-то около нормы? Ясно же, что первое положение сулит предприятию гораздо больше. А как этого добиться?

ки, самого, как говорится, горячего! А еще это жизненная школа. «Все это одни эмоции, и ничего больше». Эмоции... Но если для расстановки станков и достаточно одной технологической обоснованности, хватит ли ее для людей за станками? Они-то живые, и температура у них повыше. Да еще имеет обыкновение меняться...

Но по-настоящему убедительно на эти «зачем?» можно было ответить только работой в составе бригады, экономическими показателями — про них не скажешь: «Эмоции!» А вот другие «зачем?» просто выводили из себя — я не мог понять, как они в голову людям приходят?

Впрочем, начались они раньше. Я

ли» — чтобы награды снимать, быть на виду. С бригадой же совсем лишнее... Да, конечно, все это было приятно — победить в соревновании, выдать больше всех продукции. И можно было бы наверняка шагать еще дальше — к следующим победам, наградам, премиям и т. п. Но я же видел: не то это будет. Не то. Какой я буду победитель социалистического соревнования, если рядом со мной человек, чаще всего молодой, напрягаясь и выбиваясь из сил, не может дотянуть даже до нормы? Хотя, может, научи его тому, что ты знаешь, и он догонит тебя, а может, и обойдет. Как же у меня может хватить совести получить все эти награды? Как? И что тут непонятного? Что тут объяснять?

Основную часть прибавки должна была дать наша молодежь. Поэтому начала мы с тщательнейшего анализа работы каждого. Раскладывали «по косточкам» каждую операцию — как не надо делать, где есть угроза брака, где ритм сборки теряется. В общем, головами работали. Весь процесс сборки покрышек 240—508 расчленен на десятки операций. Конечно, необходимо научиться выигрывать секунды на каждой — проводить их с максимальной быстротой и четкостью. Но самые-то большие резервы у сборщика где? Ясно — в совмещении этих операций там, где это возможно. Например, абсолютно реальное дело — синхронная прикатка протектора и заворот бортовых лент. Показывая ребятам свои приемы, я все время держал в уме уроки, которые давал мне лучший наш ас сборки Дмитрий Авдеевич Иванов. Вот кто умел не просто придумать прием, а обосновать, оценить со всех сторон, научить ему других! Раскладывал Дмитрий Авдеевич приемы так, что каждому становилось понятно — этот годится для всех, а вот для этого нужен особый темперамент, особый склад характера. Да-да, тут буду настаивать: именно — характера. Потому что, к примеру, можно показать человеку, что, когда надеваешь на барабан первый браслет, его удобно подерживать снизу коленом левой ноги — браслет не свисает, не загрязняется о пол. А вот будет ли иной сборщик этим приемом пользоваться? Колоно-то в какой-то момент устают...

В общем, самым важным было, чтобы ребята не просто механически затвердили приемы, а прежде всего поняли смысл их, идею. Почему, надев брекер, я центрую его иначе, чем другие сборщики — вращаю барабан и «на себя» и «от себя»? Потому что при таком вращении видна большая часть поверхности брекера, а значит, выравнивать возможный перекоп и легче и быстрее. Осознав прием, его куда проще освоить. Только тогда и что-то свое в него внести можно. Потому что классный сборщик — тот, кто к сборке творчески подходит, а не тот, кто какую-то сумму приемов затвердил. Вот есть у меня в Баку друг и соперник по соревнованию Фирудин Рзаев. Сборщик он отличный, но некоторые приемы у нас с ним не

И А НЕ ТОПТАТЬСЯ

Я задал себе этот вопрос. И мне не пришлось слишком долго искать ответ на него. Обычно в таких случаях говорят, что идея носилась в воздухе. Здесь было несколько иначе: просто эта идея — совместного, коллективного труда — часть нашего образа жизни. Ну а бригадная форма организации работы — вещь давно известная. Словом, я предложил создать бригаду.

Вот тогда мне и «дали бой».

«Сугубо индивидуальный характер нашего труда». Все. Другие аргументы мои «противники» даже не находили нужным искать. Да, работают бригадами, но когда есть технологическая необходимость, не иначе. А у нас ее нет. Нет!

По их логике из отсутствия такой необходимости непременно вытекало, что никакого толку в бригаде сборщиков быть не может. Да ведь смысл рабочей бригады не исчерпывается только тем, оправдано это технологией или не оправдано! В чем он еще? А в том, что бригада сближает людей. Человек в ней начинает думать не только о себе. Это и ответственность друг перед другом. Разве все это прямо не помогает в работе!? И потом бригада — это же постоянная школа передового опыта сбор-

тогда вернулся на завод после службы в армии. До конца девятой пятилетки оставалось чуть больше трех лет, но я решил выполнить задание пятилетки целиком. Для этого мне нужно было давать каждую смену почти две нормы. Стал искать пути максимального ускорения сборки. Изучал, отбирал самые эффективные приемы всех наших асов, кое-что придумывал сам. Еще надо было научиться самому ремонтировать станок, освоить его наладку... Прошло какое-то время, и мне удалось сделать за смену две нормы. Однако означало это лишь одно — что я на верном пути, но что путь этот пройден в лучшем случае наполовину. Потому что в отдельные дни многие кадровые сборщики добивались того же. А вот сделать такую работу обычной, нормальной... И сразу «зачем»? «Что это тебе дает?» Как что дает! А как же иначе можно делать свое дело?

С бригадами опять «зачем?». Ведь можешь спокойноенько работать один, делать свои большие проценты, больше ни о чем и не беспокоясь. Те же успехи, те же награды, только затрат меньше. Зачем мне двести процентов, они, как видно, к этому времени уже «поя-

И еще о бригаде. Она была нужна мне самому. Не только другим хотел я помочь. Трудно работать одному. Трудно, непривычно. И трудно работать, если рядом нет единомышленников, друзей, относящихся к работе не только как к обязанности — жить-то, мол, надо... Любый из нас привык с детства быть в коллективе, отвечать не просто за себя, но за себя среди людей. И за товарищей. Так было в школе, так было в армии. Без такого вот товарищества и завод «ощутить» трудно...

Состояла наша бригада, первая на заводе бригада сборщиков, из пяти человек. Трое из нас — Александр Бежигитов, Михаил Жилонкин, я — были сборщиками со стажем. Двое — Николай Панов, Виктор Кулятов — учениками. И еще почти целый год была наша бригада на заводе единственной.

Тогда мы сразу решили подсчитать: какой у нас средний процент выработки по бригаде? Оказалось, 118. Неплохо вроде бы. Но объединились-то мы для того, чтобы поднять его. Сразу поставили перед собой цель: довести среднюю выработку до 125 процентов. За счет чего?

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 1 (1263) ЯНВАРЬ 1980

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
ТАТЬЯНА
МУХОРТОВА —
ТРАССОВИЦА
ИЗ НАДЫМА.

Фото
Альберта
ЛЕХМУСА

Фотоочерк «Мечта, любовь и ошибки» на 12-й странице.

- 1** КОЛЛЕКТИВНЫЙ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ:
РАБОТА В ТЯГОСТЬ. РАБОТА В РАДОСТЬ.
«СОВЕСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ».
Письма, статьи, высказывания.
- 6** «А ЧТО У ВАС?»
Информационная страница «Смены».
- 8** Стихи Бориса ГАГИЕВА, Владимира МИХАНОВСКОГО,
Владимира ЧЕРНЫША.
Рассказы Асты ПЫЛЬДМЯЭ «ШМЕЛЬ» и «НЕВЕСТКА».
- 12** МОЛОДЫЕ ГОРОДА.
«МЕЧТА, ЛЮБОВЬ И ОШИБКИ».
- 14** НОВОЕ ИМЯ.
Стихи Галины СИРОЙ.
- 15** Стихи Феликса ЧУЕВА и Леонида ВЬЮНИКА.
- 18** АВТОБИОГРАФИИ.
Галина УЛАНОВА, народная артистка СССР,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии.
«ДУША ДВИЖЕНИЯ — ДВИЖЕНИЕ ДУШИ».
- 20** КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ...
«РОСТОВСКАЯ ФИНИФТЬ».
- 22** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Роман Жана АРНО «СОЖГИТЕ ВСЕХ!».
- 24** ОЛИМПИЙСКИЕ ЭСКИЗЫ.
Лев ЯШИН, заслуженный мастер спорта,
чемпион Олимпийских игр 1956 года.
«ИГРА И ХАРАКТЕР».
- 27** «ОЛИМПИЙСКИЙ ТУРНИР ЗНАТОКОВ».
Стихи Светланы СОЛОЖЕНКИНОЙ.
- 28** Петр АБРАСИМОВ. «ОДНА У ЧЕЛОВЕКА РОДИНА».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

совпадают — каждому удобнее свой. Еще, конечно, важно, чтобы ты искал действительно новое, а не изобретал велосипед, на котором все вокруг уже ездят. Если уж и изобретать велосипед, так другой. И бригада как раз от таких ошибок бережет.

А между тем показатели наши росли, и чем дальше, тем больше азарта у нас появлялось — решили давать за смену по 135 процентов. До этого за нами многие так скептически следили: мол, пыжьтесь, пыжьтесь... А тут не выдержали — за живое задело. Валера Гуржий, хороший наш сборщик, спорил:

— Не даст бригада столько. Не должна!..

Ошибся он тогда.

Ну, тут, конечно, стали интересоваться, за счет чего же у нашей бригады достижения, которых по технологии никак не должно быть.

Были и такие, что объяснение всему сразу нашли: надрываются ребята, все чего-то доказать хотят, да долго они так не протянут. Собственно, они этого объяснения и не искали — оно у них всегда наготове. Есть такие рабочие — они могли бы и сами давать больше, да не хотят — им это не нужно. Общий план цеха — это тоже явление не из их жизни. И как девиз — нелепейшая прибаутка: «Пусть трактор вкалывает — он железный». Дает человек не больше нормы — им понятно: чтобы в отстающие не записали, не «проработывали». Дал больше — надрывается. А зачем? Здоровье-то важнее. И вот ведь что обидно: зачастую это способные люди. И новое придумать вполне могут. Только им это не нужно. Правда, иногда придумывают. Но для чего? Чтобы в сэкономленное время у станка отдохнуть. А норму они никогда не перешагнут. За нее их интересы не перебирают. И получается, что о своем новшестве им выгоднее молчать. Такая вот невидимая миру «рационализация».

Да, труд сборщика автопокрышек — дело такое, что тут обязательно силу надо положить. Самую обыкновенную физическую. Нельзя без этого. И очень редко, когда на сборке дорабатывают до пенсии — с годами все труднее даются операции, требующие одновременно и физической силы и высокой точности. Поэтому со временем большинство сборщиков уходит на другие участки, где работа не так тяжела. Но мы-то в бригаде не тем брали, что «жилы рвали». Да и сами посудите: шесть лет на одних «жилах» мы бы никогда не протянули, тем более постоянно прибавляя. А мы это время прошли нормально, и надорвавшись себя вовсе не чувствуем. Потому что не на «жилы» была наша ставка. На них мы бы не увеличили среднюю производительность в бригаде на 60 процентов. (У других за это время она возросла на 7.) На них мы бы не смогли работать на самоконтроле — каждый в бригаде получил право на личное клеймо. У нас резервы другие. Были и есть. Это рациональные приемы сборки, отработанные сообща. 29 октября 1978-го года собрались мы и решили дать самую высокую выработку — такое было у всех настроение. И выдали по 201 проценту. Вот была работа! Правда, пока это возможно только по настроению...

Где-то через год, когда стало ясно, что работа бригадой обеспечивает лучшие производственные показатели, стали комплектоваться и другие комсомольско-молодежные бригады. Среди бригадиров оказались и те, кто когда-то бурно протестовал против этой «затеи». И Валера Гуржий стал бригадиром. Со временем руководство цеха решило объединить в такие бригады большинство сборщиков. Все бы хорошо, но... некоторые комсомольско-молодежные просто разваливались, кое-как протянув несколько недель. Снова возрождались, казалось бы, уже разрешенные споры. Не была ли наша бригада только случайной удачей?..

Помните, я уже упоминал такую материю — эмоции? В позапрошлом году на

заводе были проведены исследования в нашей бригаде и параллельно в двух контрольных группах сборщиков, которые продолжали работать индивидуально. Сравнили нас с самых разных точек. Так оказалось, что за первое полугодие у нас было собрано покрышек в среднем на одного 1114,1 штуки, а у «индивидуалистов» — 929,1. Брака у нас было меньше на 21 процент. В бригаде все владеют второй профессией слесаря-ремонтника, в контрольных группах — только по два человека. Но эти данные, хотя они и стали самым весомым аргументом в пользу бригад, были ожидаемыми, во многом даже известными. Сейчас хотелось бы сказать о других. Я их тоже ждал. Но если раньше к ним могли относиться как к личным ощущениям, то теперь они закреплены документально.

На вопрос «С каким настроением вы обычно приходите на работу?» сборщики, работающие индивидуально, отвечали по-разному: «Чаще с хорошим», «Настроение бывает разное», «Бывает всякое...» Все члены бригады ответили одинаково: «С хорошим».

Следующий вопрос: «Что способствует появлению хорошего настроения на работе?» У сборщиков в контрольных группах: «Нормальная работа станка, наличие и качество полуфабрикатов». Члены бригады назвали те же самые факторы. Но все добавили, что самый главный: «Хорошие человеческие отношения в бригаде». И что если бы они пришли снова в цех, то хотели бы работать только в бригаде.

Да, человек приходит на предприятие, в цех, чтобы заработать на жизнь. Да, здесь он выполняет свой долг перед обществом, здесь он творит, утверждается в своих глазах и в глазах других. Все это важнейшие моменты. Но ведь еще он приходит сюда и ради общения. Общения с единомышленниками, с людьми, с которыми он занят одним делом. С людьми, ему близкими и необходимыми, с кем ему нужнее и интереснее всего быть. Вот кого должна объединять бригада, чтобы жить, чтобы быть не просто формой. Вот почему она не живет, когда ее создают для того, чтобы лишь бы создать. Могут возражать, что для становления таких отношений в бригаде необходимо время. Да, но у людей объединяющихся должны быть и предрасположенность и желание объединиться. И принцип, который ведет к удаче, тут только один: бригада объединяется добровольно. Надеяться на то, что притрусат люди как-нибудь, тут просто вредно.

А вот бригадиром каждый раз почему-то автоматически назначают самого сильного сборщика. Хотя выйдет ли из него каждый раз хороший бригадир, еще неизвестно. Бригадир не просто больше других должен уметь. Ему и другие качества нужны. Казалось бы, всем знакомая истина, но вот серьезность ее почему-то никак оценить не могут. Все надеются, что авось пойдет. А что пойдет? Человек станет другим? И, что самое интересное, не только к подбору бригадиров так подходят. Порой и мастера так же назначают. А в результате и дело страдает, и человек не на своем месте мучается. Был у нас мастер — и человек уважаемый и товарищ отличный, но... мягкий. Не умел он быть требовательным с людьми. А это сразу чувствуется. И этим стали пользоваться — мастера слушали вполуха. Тогда от него потребовали... стать требовательным. Он честно пытался. Но не нужно было быть особым психологом, чтобы разглядеть, что, разыгрывая строгость, он внутри себя всегда готов понять — а вышло, что и простить, — и прогульщика и халтурщика, гнавшего брак. Наконец самому человеку стало невозможно — попросился на другую работу. А ведь характер его и раньше ни для кого секретом не был. Так нужен ли был этот эксперимент?

К назначению же бригадира и еще легче подойти могут — много ли от него зависит! А судьба бригады — это много или мало? Бригадир должен выбирать

бригада. Причем действительно сама, а не по подсказке.

Потому что переход этот — от ответственности только за себя к ответственности за бригаду — никому просто не дается. И без поддержки бригады его не осилить. Я в свое время тоже много думал, как отношения с бригадой строить. Взять все вопросы и их решение на себя? А ребята пусть исполняют?.. Во-первых, одного на все вполне может и не хватить. А во-вторых, в бригаде-то сборщики, а не оловянные солдатики, кое в чем они могут и получше бригадира разобраться...

В таких случаях непременно начинаешь вспоминать мастеров, начальников смен, с которыми тебе самому было легко работать. Хотя полезнее может оказаться пример, так сказать, обратного порядка. Добросовестным, квалифицированным инженером наш начальник смены И. П. Серюков был всегда — тут ему никаких претензий предъявить нельзя было. Но вот одно время он как-то очень «своеобразно» понимал свои обязанности руководителя. Делать все старался только сам, один. Фактически подменял мастеров. Они на него обжались: не доверяют. Хотя кое-кто и делал вид, что, мол, нам же и лучше — хлопот меньше. Решить что-либо в отсутствие начальника смены становилось делом чуть ли невозможным — все только у него в руках, все знает только он один, надо ждать... Пришлось разбираться с этим стилем работы на собрании партгруппы. И оказалось, что никого он не устраивает. Не только потому, что производству мешает. Просто не любят люди, когда с ними вот так...

Сейчас у нас в цехе уже более двадцати комсомольско-молодежных бригад. Уже научно установлены причины их успехов: обмен опытом, быстрое усвоение рациональных приемов сборки, подтягивание всех до уровня сильных, привычка работать интенсивно, стремление не подвести бригаду... А я вот думаю, что тем «рационализаторам», о которых я уже упоминал — если они в бригаде оказались, — приходится нелегко. Здесь или перестраиваться, или уходить. Другого выхода не будет. В одиночку еще можно «изобразить», что лучше работать не можешь, в бригаде сразу станет ясно — не хочешь. Ну, а сидеть на шее у других, сами понимаете, не дадут, да и, уверен, не пойдет никто на такое — не решится. И не произойдет самое страшное — не заразит этот человек своим подходом к делу молодого рабочего. А придет к нему этот подход к работе от бригадного котла.

Предлагая создать бригаду, я только верил, что сильнее в ней будет каждый. Сейчас я это знаю.

Получили мы как-то рекомендацию из главка. Речь шла об усовершенствовании одной из операций сборки. Наверное, не стоит излагать ее суть — она интересна только специалистам. Стали мы в бригаде прикидывать, как это на деле получится. Что это нам дает? Действительно, проще становится операция, надо пробовать. А потом вдруг кто-то и говорит:

— Так-то оно так, а вот качество у нас от этого «новшества» не съедет?

Стоп! А что, и вправду! Начали вместе именно с этого бока разбираться. А надо сказать, у нас в бригаде к качеству подход один — секунды на сборке мы выигрываем там, где они на качество не влияют. На операциях, требующих особой тщательности и в конечном счете качество покрышки определяющих, мы готовы эти секунды и потерять. Надевать браслеты, брекеры, протекторы без перекосов — об этом не забываем при любом темпе. И делаем это аккуратно, если не сказать скрупулезно. Так что «новшество», которое грозило отрицательно сказаться на качестве, устроило нас не могло.

Потом мы, правда, что-то засомневались: может, все-таки мы сами ошибаемся? Рекомендация не откуда-нибудь, а из главка, специалисты там должны были обо всем подумать... А бригада

может ошибаться! Вся сразу?! В том, что сборки касается...

Пошли мы к нашим заводским инженерам. Объяснили ситуацию. Выслушали нас. Но заметно было — считают они, что мы все-таки преувеличиваем опасность. Но разобравшись пообещали. Стояли мы на своем, пока они с нами не согласились. Потом сообщили свое мнение в главк. Сможете — опровергайте. Мы свою позицию отстаивать готовы и обязательно будем. Качество наших покрышек — это и наше личное дело.

Но вот что меня интересует: как бы мы повели себя в такой ситуации, если бы по-прежнему работали индивидуально? Во-первых, поодиночке могли и не разобраться. Во-вторых, мысль о влиянии на качество могла, придя в голову одному, там же и потухнуть: авторитет-то рекомендателя велик — давит на нее! А в-третьих, человек мог и не решиться выступить с таким делом публично: а что если опровергнут? Мало ли чего он мог не учесть, да и просто не знать... Не хочу утверждать, что такое обязательно бы произошло. Но согласитесь — положение для одиночки нелегкое. А вот для бригады все эти заторы вполне преодолимы. Ее-то совместный профессиональный опыт насколько мощнее, разностороннее! Да и психологически люди в бригаде готовы на большее.

Возьмем следующий шаг. Пусть ты один решился — довел свои сомнения до инженеров. Пообещали разобраться. Пообещали и... Ну, мало ли что бывает, а в общем, стоит дело. Тут или опять в одиночку толкать его, или посчитать, что ты свое сделал. Возможный вариант? Разумеется, человек настойчивый будет продолжать бороться. Человек с другим характером может и забыть. Или уговорить себя забыть. А как это сделать в бригаде, где каждый понимает, что другие знают, помнят, думают? Нет, бригаду своротить с пути труднее. Настоящая бригада за себя постоит во всяком деле.

А потом был день, когда меня с окончанием личного плана десятой пятилетки поздравил товарищ Леонид Ильич Брежнев — 5 апреля 1978 года. В бригаде мы тогда решили: выполним пятилетку за три года. Решили, ни секунды не сомневаясь, — сумеем. Знали уже, чувствовали накопившуюся силу. И каждая смена подтверждала это.

Но вот... Были в письме Леонида Ильича слова: «Мне особенно приятно, что Вы не остановились на достигнутом... решили усилить борьбу за повышение эффективности производства и качества выпускаемых шин...» Да, мы взяли повышенные обязательства... И задание десятой пятилетки выполнили 24 января 1979 года. Но достаточно ли этого, чтобы иметь право ответить, что

действительно не стоим на месте?.. Нет. Мало. Теперь этого, одного этого, уже мало. Может уже бригада подставить плечи и под иной груз — в ее силах.

Сейчас мы не занимаем первых мест в соревновании. Временно упала в бригаде средняя выработка, производительность, качество. За это нас часто ругают на собраниях.

Что произошло? Произошло то, чего мы сами достаточно долго и очень настойчиво добивались, — наша бригада увеличилась сразу на семь человек. Среди тех, кто пришел к нам, и совсем молодые ребята, и те, кто до сих пор никак не мог похвалиться высокой производительностью и дисциплиной. У них совсем еще немного необходимых навыков, а их приемы сборки надо перестраивать, а потом шлифовать, оттачивать, доводить до совершенства. Именно этим мы, «старая гвардия», сейчас и занимаемся.

И опять мы не придумывали ничего сверхоригинального. Подтягивание тех, кто отстаёт, кто еще не умеет использовать все имеющиеся у него самого и на предприятии резервы — разве это сейчас не одна из важнейших забот страны? Мы только искали свой путь. Тот, где наша бригада, именно бригада, станет максимально полезной. И мы верим, что нашли его.

Мы отдавали себе отчет в том, что на первых порах в бригаде существенно упадет средняя выработка, что мы отстанем в соревновании... Но разве не нужнее предприятию хорошая работа двенадцати, а не пяти человек? А еще мы верили, что молодые научатся трудиться в бригаде увлеченно и в работе станут видеть главное дело жизни. Вот ради чего мы готовы были отступить с завоеванных позиций. Вот почему были убеждены, что у нас есть право на такое отступление.

Но далось оно нам непросто. Когда мы вышли со своим предложением на цех, споры вокруг него развернулись нешуточные. Цеху нужна была «показательная» бригада, которая всегда впереди, у которой всегда отличные результаты. Но мы-то ясно видели, что для нас это будет уже топтанием на месте.

Увеличение бригады связано со всевозможными организационными перестройками, кроме того, оно обязательно отразится и на общих показателях всего цеха. Но выигрыш, который все это принесет со временем, считали мы, всемогущее всех трудностей, перекроет их.

Споры, столкновения мнений, пожалуй, ни в чем не уступали тем, что велись несколько лет назад вокруг бригад. Но только теперь на своем настаивал не один человек — на своем стояла бригада.

Сейчас нам достается на собраниях — за небольшие проценты, за ухуд-

шившееся качество. Слушать такое, понятно, никогда приятно не бывает. Но мы-то знали, на что шли, а вот молодые наши ребята невинчивают — все на свой счет относят. В таких случаях принято говорить, что начальника цеха Г. Д. Аксентьева можно понять: мол, его главная задача решать вопросы сегодняшнего дня — какой сегодня процент выполнения плана, а тут бригада Бержеминского едва дотягивает до нормы... Но ведь это — временное явление! Мы уже прибавили — выработка у нас в бригаде возросла на 20 процентов.

Еще совсем недавно наш начальник цеха очень здорово обосновывал полезность создания комсомольско-молодежных бригад на сборке, восторженно раскрывал опыт коллективной организации труда на примере нашей комсомольско-молодежной бригады — в былом составе, правда. Мог ли он забыть, что одна из самых главных задач каждой такой бригады — обучение молодых, приобщение их к труду, который в радость, — вот их смысл!

А дело это не одного дня и не одной смены. Не может ученик начать классно работать лишь потому, что его включили в известную бригаду. Пример — великая вещь, но все-таки неспособная вызвать чудо сиюминутного превращения ученика в мастера. Сейчас я выигрываю у него почти полминуты на каждой покрышке только на одной операции — когда надеваю и центрирую на большой скорости, не меняя направления вращения барабана, второй браслет. В этом нет ничего недостижимого. Прием доступен и ученику, только не сразу... Сейчас он еще не знает, что у классных сборщиков сборка начинается раньше первой покрышки, когда он тщательнейшим образом проверяет все механизмы и приспособления станка, подбирает, распределяет полуфабрикаты, завтра это станет и его привычкой. Пусть не завтра... Но послезавтра обязательно! И тогда показатели бригады Бержеминского станут не хуже, чем они были. Только будут такие показатели не у пяти человек. У двенадцати...

А что же тогда? Не знаю еще. Сначала до этого нужно дойти. Может быть, мы возьмем в бригаду других новичков. Может быть, разделимся, и каждое ядро объединится с новыми учениками. Пока не знаю. Вот дойдем, тогда решим — всей бригадой.

ЗАДАЧИ И ЦЕЛИ

РУКОВОДСТВО К ДЕЙСТВИЮ

«Большой вред делу воспитания молодежи наносят недостатки, укоренившиеся в процессе труда, в организации производства, проявления бесхозяйственности, нерадивого отношения к общественному добру. Мы должны создать в каждом трудовом коллективе обстановку нетерпимого отношения к летунам, бракоделам, тем, кто работает с прохладцей. Формировать у каждого молодого человека чувство высокой ответственности за порученное дело, воспитывать сознательную дисциплину — важная задача всех комсомольских организаций».

ИЗ ДОКЛАДА НА V ПЛЕНУМЕ ЦК ВЛКСМ

«Комсомольским организациям поднять уровень трудового воспитания молодежи, всемерно способствовать формированию у нее понимания социальной значимости труда, единства личных и общественных интересов, сознания того, что добросовестная, высокопроизводительная работа является важнейшим нравственным долгом. Каждый рабочий и крестьянин должен, как учил В. И. Ленин, смотреть на себя так: «Я — часть великой армии свободного труда».

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ V ПЛЕНУМА ЦК ВЛКСМ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ —
ОДНА НА ВСЕХ.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

объяснить — значит, оправдать. И вроде бы я оправдываю ловкача. Нет, тут другое. Я хочу лишь сказать, не надо искушать человека, в обычных ситуациях не нужно ставить его перед выбором — либо заработок, либо совесть. Незримыми, но прочнейшими нитями система стимулов связана с моральным здоровьем общества. Рубль — он всегда воспитывает, хотим мы того или нет. Он способен сеять в душах разумное, доброе, вечное, а способен и к обратному. У него, как вы можете убедиться, две стороны: на одной помечен номинал, на другой изображен герб — символ всего, что нам дорого и свято.

И любой конфликт между рублем и совестью мы, экономисты, воспринимаем как упрек себе: значит, не сумели мы найти в каждом отдельном случае такие решения, которые привели бы к гармонии. Школа, комсомол, весь наш образ жизни внушают молодому человеку: вещь, сделанная твоими руками, должна быть отличной. А прийдя на завод, он иногда убеждается: выпускать продукцию высокого качества невыгодно — платят-то за количество изделий. Или, скажем, все знают, что похвально беречь народное добро. Но вы строитель, и вам поручено разгру-

«Не стяжатели, не искатели приключений поехали в необжитые места, а люди с горячими сердцами, для которых смысл жизни — отдать свои силы людям, быть там, куда позовут их партия и комсомол. Нам было трудно, как всегда бывает первооткрывателям. Были сумасшедшие морозы, и не было жилья, был гнус и тайга, и не было того, что составляет понятие «человеческие условия», но были воля, стойкость и желание победить. И мы победили.

Пульс страны четче всего прослушивается там, где проходят новые стройки, где закладываются новые города. Здесь проявляется героизм молодежи, ее самоотверженность и готовность отдать все свои силы нашей любимой Родине. Был Комсомольск, есть Братск и Дивногорск. Будут новые города, новые победы. Во имя этих побед стоит и нужно жить».

Борис ГАЙНУЛИН,
знатный строитель
Братской ГЭС,
кавалер
«Почетного знака ВЛКСМ»

НЕКОТОРЫЕ НЕБЕССПОРНЫЕ ВЫВОДЫ

Василий СЕЛЮНИН,
экономист

Так было во все времена и у всех народов: тот, кто желал заполучить деньги, много денег, будь то рубли или доллары, пиастры, лундоры, эку или дублоны, мог достичь замышленного, только победив некоего зверя — когтистого стража на пути к богатству. И тут уж не помогал никакой меч-кладенец, потому что стражник стоял не напротив алчущего, а забирался ему в самую душу, и всякий удар приходился по себе, живому. Враг этот, говоря словами пушкинского Скупого рыцаря, — «совесть, когтистый зверь, скребящий сердце, совесть, незванный гость, докучный собеседник, заимодавец грубый, эта ведьма, от коей мерзнет месня и могилы смущаются и мертвых выслают?...»

Серьезный противник, не правда ли? Потому, собственно, конфликт, изображенный нашим национальным гением, и является трагедией, что столкнуться силы не просто могучие, а еще и как бы равновеликие — жажда богатства и совесть. Ведь стычка сил, заведомо неравных, может служить материалом не для трагедии, а разве что для фарса.

В наш прагматичный век не говорят уже о совести столь высокими, такими торжественными словами. И если мыслитель прошлого витийствовал в том смысле, что «собственность есть кража», то современный буржуазный философ не без юмора возражает: «Что есть кража? Акт перехода собственности из одних рук в другие, не уменьшающий величину валового национального продукта».

Мысль, полагаю, ясна: не столь уже существенно, кто конкретно присвоил богатство, или, если перевести на язык классических теорий политэкономии, каждый пусть заботится исключительно о собственной выгоде, ведет производство ради вульгарной прибыли — это единственный способ удовлетворить потребности всех. Кон-

КОЛЛИЗИИ РУБ

фликт, смущавший некогда поэтов, как видите, исчез, растворился: погоня за наживой становится вроде бы даже высоко нравственным делом.

На первый взгляд, к нам с вами эти теории касательства не имеют. Что же, в принципе, в идее, скорее всего так оно и есть, спорить не стану. Но потенции, заложенные в природе нашего общественного строя, не превращаются в реальность автоматически, сами собой. Да, никто у нас не может сколотить состояние за счет эксплуатации человека, однако кто возьмется утверждать, будто нет среди нас любителей красиво жить за счет общества, пренебрегать в погоне за длинным рублем нравственными императивами, а подчас и уголовными запретами?

Коллизия рубля и совести... Когда заходит о ней речь, решение обычно видят в воспитании нравственности. Встает, однако, вопрос: а какими способами насаждать ее в душах людских? Вот тут-то и обнажаются два подхода к задаче. Одни предлагают сделать упор на моральные стимулы к труду. Вторые, нисколько ни отрицая этих стимулов, утверждают: между нравственными побуждениями и материальным интересом нет какой-то непреодолимой стены — в одних случаях они практически совпадают, в других враждуют. Дело, следовательно, в том, чтобы исключить эти «другие» случаи. А для того первым делом надо найти их причины.

Вам никогда не приходилось видеть, как шофер выливает бензин в канаву? А я сам был тому свидетелем. Разумеется, психически нормальному человеку противно столь бессмысленное истребление ценностей. Так что же побудило его к вандализму? Система оплаты труда. Когда шоферу платят за тонно-километры, то есть за вес груза, умноженный на дальность перевозки, в общем-то несложно приписать фиктивные результаты, но, чтобы обман не разоблачили, надо избавиться от лишнего горючего. Денежный интерес, вступив в конфликт с совестью, не так уж редко выигрывает схватку.

Есть такая французская пословица:

зять кирпичи. Будешь укладывать их бережно, медленней — заработаешь меньше.

Сталкиваясь с подобными противоречиями, иной не сформировавшийся в гражданина молодой человек, чего доброго, придет к выводу: призывы, лозунги — это так, для украшения стен в праздники, а жизнь идет по своим законам.

Опровергнуть подобные суждения и призваны экономисты. В приведенных нами примерах достаточно изменить систему оплаты труда. Скажем, шоферы, обслуживающие столичные стройки, получают не с тонно-километра, а в зависимости от полного и своевременного обеспечения строителей материалами. Понятно, никому теперь не придет в голову нарочно губить горючее. Оплата с учетом качества труда (такие системы найдены и с успехом используются) постепенно внедряет добросовестность даже не в разум и сердце, а в пальцы рабочего человека, и он просто не сможет уже халтурить, если в каком-то исключительном случае это было бы и выгодно — руки не поднимутся.

Далеко не всегда, однако, задача решается относительно просто. Сплошь и рядом требуются основательные изменения во всем нашем хозяйственном механизме. Вспомню один острый конфликт — он и сейчас перед глазами, хотя прошло немало лет. Группу специалистов оршанского станкостроительного завода «Красный борец» представили к Государственной премии за создание плоскошлифовального станка. Это было техническое чудо. Впрочем, мои восторги ничего не стоят. Скажу лишь, что 48 стран, в том числе самые развитые, охотились за этой новинкой. И вот пока в одной комнате заводоуправления, у главного конструктора, готовили материалы на премию, хозяин другого кабинета, начальник планового отдела, писал совсем другие бумаги: он убеждал потребителей делать заказы не на новую машину, а на устаревшую модель, снимаемую с производства. Что ж за деятель там сидел? Вопреки расхожему представлению консерва-

«Все мы друг от друга взаимно зависимы, взаимно заинтересованы... И это каждый должен в своем сердце понимать и беречь каждого человека, для себя беречь, потому что все на всех работают и все во всех заинтересованы. А отсюда мораль: от нравственности каждого человека зависит мое материальное, жизненное благополучие. Так, значит, дерись за каждого человека, как за свое личное счастье!.. А то — плохой человек! Если он сам по себе плохой, это не так уж важно. Важно, что от него другим плохо!»

Вадим КОЖЕВНИКОВ,
писатель,
Герой Социалистического Труда

тор, не дающий ходу новинке, оказался человеком умным, обаятельным и вообще... прогрессивным.

— Тормозит технический прогресс аморально? — наступал он. — Согласен, занятие противное. А проваливать государственный план, по-вашему, похвально?

Как так? А очень просто. Любая новинка в период освоения, как правило, невыгодна, убыточна, она приносит изготовителю меньше выручки и прибыли, нежели налаженный серийный выпуск устаревших изделий. Между тем задание по объему реализации и

поглотит без малого в три раза больше. Понятно, в какое положение попали строители — готовились к одному, а исполнять придется втрое больший объем работ.

Теперь директор проектного института пишет объяснения: «Создание промышленного узла в неосвоенном районе с суровыми климатическими условиями весьма осложнило организацию строительства, что не было учтено первоначальными проектными проработками».

Скажите, пожалуйста, какие неожиданности! Кто бы мог подумать, что

расли и, надо полагать, нравственная коллизия будет разрешена одновременно с коллизией хозяйственной.

Не следует, однако, думать, будто отныне все проблемы сняты, осталось жить да радоваться. Хозяйственный механизм — это такая штука, о которой никогда не скажешь, вот, мол, теперь он навсегда усовершенствован. Жизнь рождает и будет рождать впрямь новые проблемы — такова диалектика развития.

Расскажу «на закуску» о противоречии, пока не разрешено. Представьте себе стройку перед финишем. Плакат: «До пуска осталось столько-то дней». Работа идет днем и ночью, весь город живет делами строителей, и вдруг... Ох, это «вдруг!» Управляющий трестом снимает лучшие бригады с пускового объекта и перебрасывает их на другую площадку, менее важную и совсем несрочную. Логика тут нет никакой. Более того, на руководителя сыплются сняжки и шишки, он заведомо лишается премии за пуск объекта, рискует схлопотать выговор или что-то похуже. Подобная ситуация бесчисленное число раз описана в газетах, ее показывают в кино и представляют в театрах. Но ведь должна же быть какая-то логика в нелогичных действиях?

Она есть. Раньше, чем принять решение, управляющий взглянул на календарь и убедился: близок конец месяца, скоро зарплату платить надо. Сколько денег потребуется, бухгалтерия знает — оклады работников известны, наряды сдельщиков подбиваются. Но знает бухгалтерия и другое: выплатить надо миллион, а банк столько не даст. Не заработали! Средства на зарплату выдают по нормативу — допустим, по 20 копеек с рубля освоенных средств. А за месяц выполнены работы стоимостью 4 миллиона рублей. Стало быть, полагается получить 800 тысяч на зарплату, и ни копейки больше. Как быть? А за оставшиеся дни надо где-то набрать работ на миллион рублей. Где? На пусковом объекте не разживешься — там операции остались трудоемкие, но копеечные. Другое дело — соседняя площадка, где предстоит монтаж сборного железобетона. Остальное, думаю, разжевывать не надо.

Новый хозяйственный механизм при оценке труда строителей ставит во главу угла не освоение средств, а своевременную сдачу объекта. Однако сумма зарплаты по-прежнему зависит от объема работ, и, боюсь, будет чрезвычайно трудно провести в жизнь очень хорошее решение. Само собой, возможность конфликта сохраняется не оттого, что кто-то этого пожелал. Просто экономисты не нашли пока другого надежного способа измерения суммы зарплаты.

Надо искать! Конечно, совсем бесполезно взывать к сознанию наше-

СМЕНА
Коллективный критический анализ:
работа в тягость,
работа в радость

го гипотетического управляющего. И все-таки подобные призывы к совести раздаются обычно тогда, когда экономисты по лености либо незнанию не сумели найти своих, экономических инструментов. Тут нет какой-то фетишизации экономики, нет и пренебрежения к моральным стимулам. Напротив, чистота хозяйственных отношений возвращает смысл, душу живую нетленным нравственным ценностям — тот смысл, который иногда еще бывает затуманен противоречием между словом и делом, между лозунгом и практикой.

Думается, так понимал дело Ленин, когда он призывал строить новое общество «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете...». Слова эти часто цитируют, но почему-то обращают внимание только на вторую часть ленинской формулы, на ту, где речь идет о личном интересе. А ведь у Ильича не случайно сказано: «при помощи энтузиазма». Не о единстве ли моральных и материальных стимулов тут речь? Ничего нельзя убавить из сказанного Лениным — каждое слово как на граните высечено.

ЛЯ И СОВЕСТИ

прибыли для завода обязательно к исполнению, и получилось так, что произвести на свет божий техническое чудо можно было только ценой срыва основного плана.

Но вот другая моя поездка — на сей раз на Каменец-Подольский кабельный завод. 80 процентов продукции там было удостоено еще три года назад государственного Знака качества, освоение эффективных новинок поставлено на поток и препятствий практически не встречает. Здесь, пожалуй, не место рассказывать об экономических тонкостях. Скажу кратко: решающую роль сыграл действующий в электротехнической промышленности единый фонд развития науки и техники, из которого возмещаются повышенные затраты периода освоения. Затраты всех участников — от ученых до исполнителей, причем процесс освоения становится непрерывным. Теперь такой фонд будет создаваться во всех отраслях.

Вроде бы сугубо экономическая материя — у кого-то, быть может, скулы сводит зевотой от одного термина «единый фонд». Но, как видим, этот «скупной» фонд есть категория одновременно и экономическая и моральная — он в принципе должен исключить ненормальные ситуации, когда директор подписывает сперва бумагу с похвалами новому станку и следом — с плохо скрытой хулой ему.

По-человечески этому человеку посочувствуешь. А с другой стороны, больно уж дорого сочувствие обходится. Вот история, где счет идет на миллиарды рублей. Недавно довелось мне побывать в Южной Якутии, где создается мощный разрез для добычи коксующегося угля. Строители вышли здесь на такой объем работ, достичь которого они обязаны только в следующей, одиннадцатой пятилетке. Хорошо? Кто спорит... Но вот беда: закончить объект в срок будет все-таки немисливо трудно. Почему? Исходили строители из расчета, что стройка обойдется в ту сумму, какую указали проектировщики. Указать-то указали, а потом уточнили: стройка

Якутия пока мало освоена и климат там отличается от крымского? Нет уж, как хотите, а я ни на грош не верю такому объяснению. Дело-то больно обычное: у нас пока каждая третья стройка не укладывается в первоначальную смету. Решающая причина — большинство отраслей строит не на свои деньги, а на казенные. Поэтому истинную стоимость объекта сразу называть опасно — стройку могут не включить в план из-за дороговизны. А когда дело начато, казна денег добавит, деться ей некуда. А вот в приборостроении к таким хитрым хитростям не прибегают — там сразу исчисляют истинную цену. Может, в этой отрасли люди другие, более сознательные? Нет, подоплека явлений чисто экономическая: Минприбор первым перешел на полный хозрасчет, строит он за счет заранее оговоренных отчислений от прибыли отрасли. И можешь сколько угодно балансировать сметы — обманешь ты себя, казна ведь ни копейки не добавит.

Опять-таки этот экономический инструмент переносится ныне во все от-

«Соблазна пофилонить для настоящего рабочего не существует. И, кстати, слова «вкальывать» для него тоже не существует. Я, например, не вкальваю на работе, не взнуздываю, не понукаю себя, я в это время живу, и то, что я делаю, для меня так же существенно и необходимо, как есть, пить или спать».

Виктор ЕРМИЛОВ,
слесарь,
Герой Социалистического Труда

РАЗГОВОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ОТВЕЧАТЬ ДОБРЫМ ИМЕНЕМ

Обычно называют два условия качественного труда: поощрение со стороны администрации и моральное удовлетворение, получаемое от собственного труда. Но при этом, на мой взгляд, довольно странно расставляются акценты. Отношение к труду, интерес к труду рассматриваются только с одной стороны — насколько успешен труд. И забывают о желании работать хорошо. О желании, стремлении, которое у молодого рабочего порой не переходит в успешную работу потому просто, что он еще не многое умеет.

Что касается опытных рабочих, то, когда разговор заходит о том, в чем их интерес к труду, упор делается чаще всего на материальное стимулирование... И делаются только вежливые кивки в сторону рабочей гордости, ответственности, чувства долга... Да, труд должен приносить весомый вещественный результат. Да, он дает человеку средства к жизни. Но ведь труд должен приносить человеку и **духовное** удовлетворение.

Мы часто и без всяких усилий говорим о воспитании сознательного отношения к труду — выражение это, увы, стало фактически штампом. Но давайте задумаемся хотя бы над одной стороной вопроса.

Раз речь идет о воспитании, значит, имеется в виду длительный процесс, требующий повседневной кропотливой работы, потому что такие проблемы с ходу не решаются. Поэтому необходимо очень серьезно изучать все, что имеет отношение к такому воспитанию: взаимоотношение школ и шефствующих предприятий, ПТУ и производства. И главное: воспитывать совестливое отношение к работе с детства.

Когда парень или девушка приходят на производство только потому, что не попали в институт, то вероятность того, что они останутся на производстве, будет болеть душой за свое дело, является попросту мизерной. Потому что они пришли на производство совсем за другим.

А человек, если он взялся за дело, должен отвечать за него. Отвечать своей совестью, своим добрым именем.

Ирина КУЛЯСКИНА,
слушатель ВКШ

Итак, ваше мнение, дорогие читатели!

А ЧТО У ВАС?

А в самом деле—что у вас нового, что интересного, необычного? Мы уже привыкли к словосочетанию «удивительное рядом», но разве от этого оно становится неверным? Оглянитесь вокруг, посмотрите пристально в привычное— и окажется, что ваш товарищ по цеху придумал уникальное приспособление, облегчающее труд десятка людей, а сосед по лестничной площадке— хранитель необычной коллекции и вообще в вашем городке действует единственное в своем роде... Впрочем, мы не знаем, что же такое необычное есть в вашем городе, потому что вы пока не написали нам об этом. И напрасно! Поделитесь своими открытиями со всеми! Ждем ваших писем, фотографий, рисунков. Ну, а если вы не уверены в своем перо, если сомневаетесь, сможете ли ярко, точно описать увиденное, пришлите нам заявку на тему— репортеры «Смены» выполнят ее. Итак, первая информационная страница «Смены» открыта. Вопрос обращен ко всем: «А что у вас?»

АПЛОДИСМЕНТЫ ПЛЕНУМА

Постоянные читатели «Смены», наверное, помнят обложку первого номера за 1977 год. По командировке журнала художник, лауреат премии Ленинского комсомола Александр Шилов поехал в Иваново и написал портрет ткачихи Валентины Голубевой, а писательница Элла Черепанова написала о ней «рабочую повесть».

О чем была эта повесть?

Конечно, о труде. О человеке, который стал символом комсомола благодаря высокой человеческой самоотверженности. В той повести мы рассказывали о жизни и судьбе Валентины, о том, как работала она в первом году пятилетки.

И вот в докладе на V пленуме ЦК ВЛКСМ прозвучала новая информация о Валентине Голубевой.

Работая на 32 станках, она выполнит к дню рождения Владимира Ильича еще три пятилетних плана. Всего— с начала пятилетки— 20 годовых норм!

В этом месте доклад прервали аплодисменты участников пленума. «Судьба— это работа, а работа— это судьба»,— кажется, так сказал поэт.

Героиня комсомола, героиня нашего журнала Валя Голубева превосходно подтверждает эту истину.

АСУ «СВЕЖИЙ ВОЗДУХ»

В киевском ГПТУ-1, в радиоклассе Центральной станции юных техников и некоторых школах столицы Украины окна на переменах не открывают— нет необходимости. В парты, подоконники, столы вмонтированы приборы— ионизаторы, измерители озона, влаготермометры; часть окон закрыта плексиглазом со встроенными в него вентиляторами. Духоту уничтожает автоматическая система воздухообмена, разработанная участниками первой в мире программы «Дыхание»— киевскими учеными, инженерами, медиками и... школьниками.

Нужную концентрацию озона, ионов, микроорганизмов, которыми должен быть насыщен воздух высшего качества, по мнению руководителя программы кандидата технических наук В. Д. Кармазина, может обеспечить одна электронная машина: она будет принимать сигналы из школ, учреждений, больниц и прочих объектов города и рассылать нужные приказы аппаратам, встроенным в здания. Специальные дутьевые устройства с нагревательными элементами, ионизаторы, озонаторы и другие приборы программы «Дыхание» сейчас конструируются в киевских институтах и в Малой Академии наук— научном учреждении для ребят.

Многие приборы сделаны руками юных мастеров. Школьники и учащиеся профтехучилища, под руководством инженеров и ученых оборудовав свои классы, первыми проверяют действие новой системы.

Сейчас архитекторы разрабатывают проект жилого дома с более совершенной вентиляцией и оборудованием, которое можно будет подключить к АСУ «Свежий воздух».

Светлана МЕДЕНКО

ЛЕТОПИСЬ ПОДВИГА

«Жизнь кладем за тебя!»

РЕШЕНИЕМ БЮРО ЦК ВЛКСМ ЗА ГЕРОИЗМ И МУЖЕСТВО, ПРОЯВЛЕННЫЕ В БОРЬБЕ С НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ, В КНИГУ ПОЧЕТА ЦК ВЛКСМ ЗАНЕСЕНЫ ГЕРОИ КОМАРИЧСКОГО ПОДПОЛЬЯ.

...Утром 8 ноября 1943 года их вывели на площадь. Там уже стояла виселица. Они шли к ней с высоко поднятыми головами, избитые, полураздетые, непокоренные. Они шли гордо и прямо, как идут в последнюю решительную атаку. Их было восемь, чьи имена спустя 37 лет выбьют на граните монушента: Незымаев Павел, Арсенов Степан, Драгунов Степан, Егоров Семен, Фандюшенко Павел, Никишин Константин, Стефановский Иван, Семенов Михаил— ядро Комаричской подпольной молодежной организации, ее штаб. Но остались сотни других борцов, и они продолжили дело павших. Уже спустя месяц объединенный отряд народных мстителей, членами которого были те восемь, совершил дерзкий налет на железнодорожную станцию, уничтожил более 200 вражеских солдат и офицеров, освободил из гитлеровских застенков 70 советских граждан. Это был акт возмездия за смерть товарищей, потом были и другие. Борьба продолжалась.

Но начинали ее те восемь. Спустя десятилетия писатель Георгий Осипов по крупицам восстановил героическую биографию Комаричского подполья. Первый разысканный им в архивах ЦК ВЛКСМ документ был донесением помощника полполита по комсомолу Центрального штаба партизанского движения А. В. Торицина, переданным в Москву из Брянских лесов. В донесении сообщалось об отважном подпольщике Павле Незымаеве, создавшем в Комаричах хорошо законспирированную молодежную организацию. Начался поиск живых членов подполья, архивов, свидетелей. Постепенно воссоздавалась летопись подвига патриотов.

Бывший комсомольский вожак Смоленского мединститута, кандидат в члены партии Павел Незымаев был главным врачом райбольницы. Ему удалось под носом оккупантов превратить больницу в своеобразный партизанский госпиталь, где под видом поселен лечились раненые партизаны, советские офицеры и солдаты, выходявшие из окружения. Встав на ноги, они вливались в ряды народных мстителей. С каждым днем подполье разрасталось, налеты на гарнизоны врага становились все более дерзкими. Они сражались и верили в близкую победу. Но были преданы, преданы накануне боевой операции, в результате которой партизаны должны были освободить Комаричи от гитлеровцев.

Перед казнью Незымаев написал на стене камеры смертников: «Родина-мать, жизнь кладем за тебя! Цвети, родная наша!» Умирая, они мечтали об этом. И так есть.

Ян ВЛАДИН

ПРЕМЬЕРЫ

КУДЕСНИКИ В КИМОНО

...Ноги, легко пружиня, ткут на деревянном полу невидимый узор. В непрерывном движении и руки— будто зависают в воздухе сплетенные ими замысловатые кружева. Их зыбкий рисунок, что ни миг, меняется, перетекает в иную плоскость— то округло и плавно, то резко и остро. Одна кисть мягко планирует книзу, другая упруго вспархивает вверх. И вдруг— вулканический взрыв движений. Ошеломляющий и завораживающий. Не все успеваешь схватить глаз, мозг— осознать. Такое на фотоплёнке— мазком.

Мощный толчок— тело вынчивается в воздух, корпус— летящий снаряд, нога в глубоком и стремительном выпаде. Звуковым фоном— короткий яростный вскрик.

Атака! Хлесткий щелчок бича— удар ступней в грудь. Его слышит весь зал. Контролируемый контакт в корпус. Это разрешено.

И все конечно. Соперник повержен. Тотчас команда рефери: — Ямэ!

Каратисты занимают исходную позицию. Рефери артистически выбрасывает руку вверх:

— Иппон!

Сергея Шаловалов, чуть сутулясь, как уставший от серьезной работы человек, шлепает босиком к скамейке участников. Ребята обнимают его, тормошат, ерошат волосы... Еще одна, теперь уже последняя, чистая победа. Он первый в истории советского каратэ чемпион Москвы в весе до 70 килограммов. Но это не все. Он пока не знает, что спустя час-полтора журналисты назовут его, двадцатитрехлетнего спортсмена, в недавнем прошлом акробата, самым техничным участником первенства. Достижение тем более поражает, что Сергей увлекся каратэ всего три с половиной года назад. А ведь чтобы достичь— нет, не вершин— просто хорошего уровня, требуется срок вдвое больший!

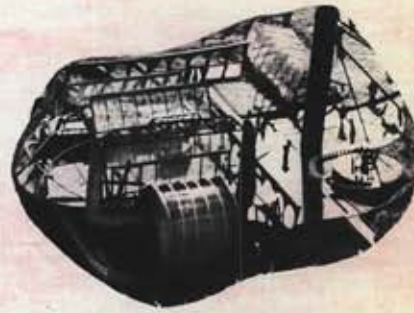
Тут в пору спросить с пристрастием: что ж это за чудеса такие? Представьте, чудо есть. Чудо таланта!

ПРОЕКТЫ

райцентр... на воздушной подушке

От причала райцентра, расположенного на одной из северных рек, уходит в плавание странное сооружение— не корабль, не баркас, не моторный катер. Приглядишься внимательнее— прямо-таки сам районный центр в миниатюре. Здесь и кинотеатр, и библиотека, и дом быта, и медицинский кабинет, и почта...

Фантазия? Нет! Группа студентов Московского архитектурного института (ребята из Польши, ГДР, Советского Союза) разработала проект такого «центра обслуживания», предназна-

ченного именно для труднодоступных северных районов.

Молодые архитекторы решили свести воедино все культурные, бытовые и даже административные учреждения, создать своеобразный поселковый центр, но не на колесах, а на воздушной подушке.

ПИСЬМО ПОСЛА

30 лет ГДР «Смена» отметила специальным номером, посвященным братскому Союзу свободной немецкой молодежи.

Недавно редакция получила письмо от Чрезвычайного и Полномочного Посла ГДР в СССР Гарри Отта:

«Я хотел бы от всего сердца поблагодарить весь коллектив редакции за выпуск в свет специального номера вашего журнала, посвященного 30-й годовщине образования Германской Демократической Республики. Этим вы внесли большой вклад в дальнейшее углубление дружбы между нашими братскими народами, особенно молодого поколения. Большие усилия, проявленные вашим коллективом по оформлению этого издания, являются выражением того, что советские люди

отмечали юбилей ГДР как свой собственный праздник. Желаем вашему коллективу дальнейших больших успехов в вашей ответственной деятельности, счастья и благополучия в личной жизни.

С коммунистическим приветом — Г. Отт».

Хотим напомнить читателю: номер, посвященный ГДР, — уже шестой по счету, рассказывающий о братских союзах молодежи.

Ранее вышли специальные номера о Болгарии, Кубе, Чехословакии, Монголии, Вьетнаме.

И сразу вопрос: о каком братском комсомолу союзе вы хотели бы видеть следующий номер «Смены»?

НАГРАДЫ

Из глубины веков

Впервые за 250-летнюю историю Академии художеств СССР серебряной медали Академии за вновь открытые произведения древнерусского искусства и русского искусства XVIII века удостоен художник-реставратор. Обладателем этой высокой награды стал московский искусствовед Савелий Ямщиков.

Реставрацией произведений живописи он занимается уже 20 лет, с тех пор, как стал студентом исторического факультета МГУ и одновременно учеником реставратора во Всероссийском реставрационном центре имени И. Грабаря.

В чем заключается работа художника-реставратора? С таким вопросом мы обратились к Савелию Ямщикову.

— Это поиск и открытие — в основном в периферийных музеях Новгорода, Пскова, Ярославля, Костромы, Вологды, Суздаля и других старинных русских городов — памятников изобразительного искусства, отбор их для реставрации, а затем показ на выставках у нас в стране и за рубежом, — рассказывает художник. — Конечно, сенсации и крупные неожиданности в искусствоведении наших дней — явление чрезвычайно редкое. Но для нас ценны и открытия иного рода — ведь бывает, что изучение уже вроде бы и известных работ позволяет найти новых мастеров — блестящих, но незаслуженно обойденных вниманием.

Вот так, совершенно по-новому открылись имена художника XIX века Ивана Тарханова из Углича, о котором мы почти ничего не знали, и переяславского живописца с греческой фамилией Павла Колендаса — двух истинных бытописателей своей эпохи. Из случайных, кажется, находок сложилась целая коллекция картин малоизвестного ранее ярославского художника XVIII века Дмитрия Коренева.

Но подлинной сенсацией несколько лет назад стало открытие портретов забытого костромского живописца XVIII века Григория Островского и полотна удивительного мастера из Кологрива Ефима Чеснякова.

Словом, многочисленным любителям живописи есть чем восхищаться в работах и открытиях Савелия Ямщикова. Не случайно поэтому в плане культурных мероприятий Московской Олимпиады запланирована подготовленная реставратором совместно с ярославскими музейными работниками выставка «Ярославские портреты XVIII—XIX вв.», вернисаж которой в дни Игр состоится в Ярославле, а затем — в Москве и Ленинграде.

Борис ДАНОШЕВСКИЙ

Такого же редкого, как талант изобретателя, врача, музыканта. Но еще больше в феномене Шаповалова — а говорят уже именно так — труда. Каждодневного, многочасового, самозабвенного. И творческого — сколько приемов придумал он!

Впрочем, трудолюбие — то самое качество, которое Алексей Штурмин, директор Центральной школы каратэ, сам редкий мастер, воспитывает во всех своих учениках. И, может быть, прежде прочих. Да ведь и верно: лишь его, трудолюбия, благодатная почва помогает зернам таланта идти в пышный рост.

Много ль удивительного после этого пояснения в том, что ученики Штурмина на первом личном чемпионате столицы, состоявшемся в Лужниках, «прибрали к рукам» все «золото» да и львиную долю «серебра» и «бронзы» (фигурально, конечно, ибо первые медали были сделаны рижским скульптором Янисом Струпулисом из другого металла). Учитель может со спокойным сердцем оценить десятилетний труд свой. А ему, между прочим, учителю, 32 года! И нельзя не числить в его активе кандидатскую, защищенную в 23 года, и нынешнюю работу в исследовательском институте, которую он не оставляет, хотя делом жизни считает создание отечественной школы каратэ...

А учениками своими ему и в самом деле не грех гордиться. И не потому лишь, что вышли «в люди» — стали первыми официальными чемпионами. Даровитые подобались ребята. Один Александр Рукавишников чего стоит — скульптор, лауреат премии Ленинского комсомола! Да и другие хоть куда — инженеры, учителя, врачи, художники, студенты, мастера — золотые руки... Красивый все народ! А у Владимира Томилова, Виталия Пека, Виктора Кузнецова, Александра Иншакова, того же Сергея Шаповалова есть уже свои ученики. Потянулась цепочка... А Тадеуш Касьянов, самый первый ученик Штурмина, теперь у него правая рука и верный товарищ во всех многотрудных и бесчисленных делах пионеров каратэ...

Итак, новый для нашей страны вид спорта, рожденный при активной поддержке комсомола, отправился в долгий и, будем надеяться, победный путь.

Для Всесоюзных соревнований журнал «Смена» учредил специальный приз — «За самую красивую победу».

Владислав ПОБЕДОНОСЦЕВ,
член президиума
Московской федерации
каратэ

Этот проект был высоко оценен на XIII Международном конгрессе архитекторов в Мехико. Его авторы получили премию имени Переса Пинеиро — одну из высших мировых наград за архитектурное творчество.

— Собственно, ничего технически неожиданного в этом проекте нет, — рассказывает один из авторов проекта, советская студентка Ольга Корсуква. — К платформе на воздушной подушке крепится каркас. А уже на нем монтируется «центр». В зависимости от программы рейда он может видоизменяться: ведь и животеатр, и почта, и магазин сосредоточены в специальных блоках-контейнерах.

Сегодня райцентр на воздушной подушке существует лишь в чертежах, технических разработках, макете. А завтра?..

Думается, что работа студентов должна привлечь внимание северян. Ведь именно от их заинтересованности во многом зависит судьба этого необычного проекта.

Наталья НАЛИЧАЕВА

С ЛЮБОВЬЮ К ПРИРОДЕ

«ЗЕЛЕНЬЙ СВЕТ» — САЙГАКАМ

Даже самый отчаянный автогонщик предельно снижает скорость на дорогах Калмыкии, заметив вот такой необычный дорожный знак. Он предупреждает о том, что здесь могут неожиданно появиться стелющиеся антилопы — сайгаки.

А ведь в начале века сайгаки были на грани исчезновения. Беспощадная охота чуть не погубила их. Рога сайгаков продавались в восточные страны — из них готовили лекарство типа пантокрина, из шкур выделывали пересортные кожи, а мясо сайгаков считалось целебным и ценилось очень высоко...

Нынче же уникальные животные вольготно себя чувствуют в заповеднике на острове Барсакельмес, что в Аральском море, в бескрайних степях Калмыкии и Казахстана.

Игорь КОНСТАНТИНОВ.
Фото автора

СТАРИНА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ЭХ, ПРОКАЧУ!

Старинный фазтон на улицах современного города вызывает, конечно, улыбку. Но, согласитесь, улыбку добрую. И если вы впервые приехали в этот город, что может быть лучше прогулки по нему в повязывающем бубенцами «дедовском транспорте»? Да и местные жители нередко отдают предпочтение фазтону перед такси. А для ребятшек такая поездка — настоящий праздник.

Много лет подряд изо дня в день этот маленький праздник для жителей Ленинка устраивает восьмидесятилетний Гриш Мурадян. Спасибо ему за это! Жаль только, что нет у «дяди Гриша» учеников и преемников. И неужели вместе с ним уйдет «на пенсию» старинный фазтон — милое напоминание о днях минувших?

Фото Сергея ВЕТРОВА

Борис ГАГИЕВ

Отары на склонах —
как скопище бурых камней.
Дождинки запутались
в бурке косматой моей.
Но все отступает —
и туча, и дождь, и скала —
Пред гордой сосною,
что тянется ввысь, как стрела.
Она раздвигает
нависший над нами туман,
Как тьму вековую —
отважный и мудрый Сослан.
И лепятся звезды,
как сакли ущелия Зруг,
По своду небес,
образуя сверкающий круг.
А тропы — как сабли
рванувшихся в битву бойцов,
Блестят, вырываясь
из ножен угрюмых песов.
Пропах виноградом
простор благодатных земель,
И в гул водопадов
вплелась моей жизни свирель.

Перевел с осетинского
Лазарь ШЕРЕШЕВСКИЙ

Владимир МИХАНОВСКИЙ

Корабельная сторона

Как отблеск ненастной беды,
Как бьют стороны Корабельной,
Простор заревой беспредельный,
Разгул неумной воды.

Блеснет из-за облака луч,
Как будто ланцет Пирогова,
И зреет заветное слово,
И ветер на пирсе колюч.

В последнем дымясь вираже,
За госпиталь солнце садится.
Кружится тревожная птица,
Два века кружится уже.

Пилот направит корабли.
Они отчалят от Земли
И верный курс возьмут.
Их повстречает Водолой...
Кильватерной колонной дней
Столетия пройдут.

И возвратятся корабли.
Их тусклые бока
В густой космической пыли —
Дорога нелегка!..

Хлестали их комет огни,
Метеорит шальной,
Пока причалили они
К песчинке голубой.

Владимир ЧЕРНЫШ

С артистом, игравшим Ленина,
жили мы у реки.
Артисту, игравшему Ленина,
кланялись старики.
И даже Димкина мачеха
не смела при нем грубить...
Его приглашали мальчишки
судьей на футболе быть.

Не у всех пусть прикрыты
скафандрами лица,
пусть не все на сверхмощных ракетах
в небо несутся,
но, даже стоя у станка на цыпочках,
можно к звездам тянуться.

Случилось так, что от Эстоши на VII Всесоюзное совещание молодых писателей не приехала Аста Пылдымя. Была в списке участников, прислала свои рукописи, а в последнюю минуту заболел кто-то из близких, и Аста в Москву не приехала. И очень жаль. Потому что в семинаре детской и юношеской литературы она была бы одной из самых ярких начинающих писательниц. Впрочем, ведь в списке совещания Аста есть. И никуда не подевалась. И мы, руководители семинара, прочитали ее рукописи. Так что ничего страшного не произошло. Главное осталось. А главное в том, что Эстония имеет прекрасную дебютантку, писательницу со своим пером и своим видением мира, в данном случае мира особого — отроческого. В двух рассказах Асты Пылдымя, которые предлагаются читателю, и непрофессиональному взгляду заметно, как умело, тонко и точно проникает автор в образы своих персонажей, как по-эстонски сдержанно лепит их, без всякого видимого усилия сплетая сюжет в тугой узел...

Юношеская литература наших дней чрезвычайно интересна своим тематическим развитием. К чему только, к каким только проблемам жизни не прикасается она! И каждое новое талантливое имя, возникающее в этой литературе, радуется особо: кому, как не прозе о современном подростке полезней всего пополняться молодыми авторами, так хорошо помнящими себя в отрочестве. Аста Пылдымя — одна из них.

Альберт ЛИХАНОВ,
секретарь правления Московской писательской организации,
председатель комиссии «Юношеская литература
и проблемы коммунистического воспитания подростков»

Аста ПЫЛДМЯ,
участница VII Всесоюзного совещания молодых писателей,
Тарту

РАССКАЗЫ

ШМЭЛЬ

Если кто и может окончательно испортить человеку жизнь, так это его брат. Особенно брат-близнец. Михкель Саккеус с каждым днем понимал это все отчетливее. Наверное, только матерям никогда в жизни не понять, что самый последний олух в классе и любой незнакомый мальчишка в троллейбусе,

даже столб в соседних воротах, и тот интереснее, чем собственный брат-близнец, который до смерти надоел тебе. С лицом точь-в-точь как у тебя, с резиновыми сапогами одного с тобой размера, с такими же, как у тебя, учебниками и с билетом в кино на то место, которое железно окажется рядом с тобой. И так всю жизнь. С детства, с тех пор, как ты вообще себя помнишь. И вдобавок еще это всеобщее удивление: как это вы так одинаково смеетесь и моргаете и каким это образом так шагаете в ногу! В школе вас не путают? Им легко говорить, раз они не близнецы. Михкелю Саккеусу двенадцать лет, он по горло сыт всем этим, он больше не хочет быть чьей-то копией. Тем более, что он, собственно говоря, никогда не знал, был ли он тем, кого принимали за Мярта, или, наоборот, Мярта принимали за него. Он стал искать поводы, по которым мог бы являться в школу на полчаса раньше, чтобы снова и снова не входить в двери школы одним из двух Саккеусов и не слышать: «Как это вы так шагаете в ногу!» Ему хотелось хоть немного побыть самим собой. Он надеялся, что если будет ходить один, то в конце концов что-то произойдет с ним одним, и тогда дорога, по которой они всегда ходили вместе, вдруг начнет разветвляться. Иди он, скажем, один, ему может встретиться тренер по баскетболу и сказать:

— Михкель, в школьной команде сейчас свободно одно место, и если бы ты зимой серьезно потренировался... — Так бы вот и сказал. Хотя оба они с братом роста скорее ниже среднего и играют примерно одинаково. Но просто он один повстречается этим утром преподавателю. Вот и все. Этого достаточно.

Или: идет он один, а навстречу ему, к примеру, какой-нибудь режиссер Круузement, который перепробовал на главную роль в своем новом фильме 439 мальчиков со всей Эстонии, и ни один ему не подошел. Просто не попалось такого типажа, и все. А тут идет он, Михкель. Один. И как раз такой типаж, какой нужен. А если б они шли вместе с Мяртом? Одинаково улыбаются, одинаково моргали и шли в ногу. Как один человек. Как мираж. Жуть!

Нет, вместе нельзя. Пойти, что ли, и сломать на улице ногу, и некому окажется поддержать его в нужный момент, нет рядом брата-близнеца; его, Михкеля, сразу отвозят на «Скорой помощи» в больницу, и он остается на второй год в том же классе. В том, в котором они сейчас учатся вместе с Мяртом. Мярт же перейдет в следующий, у него нога цела. И то хлеб. Исчезла бы наконец эта третья от доски парты, «экипаж Саккеусов», которая вечно и неуклонно кочует с ними из класса в класс, и хоть раз в жизни у него окажется сосед по парте, как у всех остальных людей, сосед по парте, с которым не

надо доставать карандаш из одного пенала, жевать бутерброды из одного пакетика и ждать, пока твой брат съест половину яйца. Он готов даже заплатить за это переломом ноги. Мама ничего не понимает, она неизменно кладет бутерброды и яйца в один пакетик, из-за нее они должны, словно королевский почетный караул, одновременно маршировать в школу — не оставив же брата! Эта жуткая мостовая... И светфор опять был утром испорчен! Мама не понимает, что сидеть вместе с братом-близнецом просто наказание. То ли дело сосед по парте... Каждый знает, что такое сосед по парте: если ты не выполнил домашнего задания по математике, он покажет тебе свою тетрадь, и у тебя тоже будет все в порядке. За пять минут до прихода преподавателя все у тебя будет сделано. А с братом! Он не жадный, нет, он показал бы, если б было что показывать. Но вечером вместе ходили пробовать ласты — не оставишь же брата! Что же ему в таком случае показывать! Конечно, когда контрольная — тут дело другое, тут уже дело семейное. Мярт почему-то заканчивает раньше, чем он, Михкель; иногда Михкель вообще не успевает, и тогда они меняются тетрадями. Мярт пишет, а он, когда мимо проходит учительница, не пишет, а лишь проверяет решение на промокашке. Почерк у них одинаковый, и на обложке тетради написано: «М. Саккеус». На книжках — там как угодно: Михкель или Мярт, или Мярт, сын Юхана, а на тетрадях лучше, когда стоит только «М.». В этом отношении с Мяртом хорошо, у него крепкие нервы, он невозмутим, как истукан.

В ящике стола Михкеля лежит «График возможных причин». Он нужен для того, чтобы по утрам тихонько сматываться из дома. Мярт прекрасно может подождать, пока мать пришьет ему вешалку к пальто, потому что ведь не его звали в кабинет естествознания чинить гипсовое ухо. Просто не каждый там нужен. Его не зовут. У Михкеля же все минуты подсчитаны. До свидания, до свидания! Главное, чтобы не слишком часто попадались одни и те же причины, чтобы не было каждую неделю гипсового уха. Поэтому-то хорошо, если имеется график. Правдоподобность нужна в каждом деле.

Сам Михкель тоже верит в правдоподобность высказанных им причин, когда по утрам сливается с потоком сонных пешеходов, в котором лишь изредка промелькнет школьная фуражка. На улице еще темно, и на углу Лыхмузе и Ялака, где останавливается автобус Михкеля, в этот час никакие Круузementы не прогуливаются. В этих туманных сумерках ни с кем ни с того ни с сего ничего не происходит. Ни у кого нет времени выяснять, типаж ты или просто обычный паренек.

Нет времени и у этой девочки в желтой вязаной шапочке, которая тащит за руку свою мать и налетает на Михкеля на углу улицы Ялака. Этим двоим нет дела до размышлений Михкеля о независимости. Их занимает только автобус. Грязное, с вмятинами, страшлище, которое, громыхая, как раз подъезжает сейчас к остановке. Михкель с одного взгляда понимает: они не успеют. До остановки еще метров пятьдесят, а на макушке страши-

лица уже начинает предательски мигать красный глаз.

Как у Михкеля возникла эта мысль, как вообще у ученика шестого класса может возникнуть мысль побегать, когда он видит, что девочка в желтой шапочке опаздывает на автобус? Он бежит, будто в руках у него олимпийский факел. Ставит ногу на подножку и задерживает автобус как раз в тот момент, когда он готовится сдвинуть с места свое переполненное брюхо.

Однако Михкель Саккеус не предусмотрел всего: этого комка талого снега, налившего на подножку, о который поскользнулась и плашмя грохнулась Вязаная Шапочка,—этого он не предусмотрел. Коленка разбита, чулки порваны, все пальто забрызгано грязью. Пассажиры приходят в себя от испуга, они сочувствуют и в своем рвении помочь девочке чуть ли не наносят друг другу увечья. Требуют мятных леденцов, кто-то сует Вязаной Шапочке под нос тюбик с зубной пастой. Те, что стоят впереди, ничего толком не поняли: «...У кого ноги отвалило? Пусть автобус сразу же едет в травмопункт!» Все же большинство пассажиров не так уж жаждет приключений в столь ранний час. К тому же упоминание о травмопункте привело Вязаную Шапочку в чувство, и — о чудо! — она начинает проталкиваться к выходу на собственных ногах.

Вязаная Шапочка тоже сходит на остановке у школы. Да ведь она же из их школы! Ленне Ольм из шестого «В», которая живет над часовой мастерской и летом ходит мимо их дома покупать свою собаку. Девочка разгневана.

Это довольно-таки странно. Если б еще Михкелю кто-то приказал! Мог бы и не задерживать автобуса. Михкель не решается пройти мимо или подойти поближе, пока девочка, стоя у стены, трет снегом свой чулок. Право, странные все-таки девчонки! Ты, оказывается, должен для них еще и подножку автобуса очистить. Или по крайней мере не замечать потом их окровавленного и порванного чулка!

Да, сегодня он мог бы для разнообразия пойти в школу вместе с Мяртом. Разве лучше, что в перемену Вязаная Шапочка ходит с компрессом на коленке и пахнет, как две аптеки? Все же это мило с ее стороны, что она не особенно прихрамывает и не отдувается где-нибудь в амбулатории: наркос, шины, передачи — о господи! В какой-то книге по оказанию первой помощи Михкель видел картинку: усатый мужчина — нога привязана к палке от метлы и подвешена к потолку. Он слышал, что порой от одного человека пересаживают что-нибудь другому. Ногу, конечно, нет, а вот глаз — да. Михкель тут же представил себе, как Вязаная Шапочка ходит с пересаженным глазом. Один глаз, к примеру, обычный, голубой — это собственный глаз, а другой — большей и карий. Михкель только не знал, какого цвета у нее этот собственный глаз.

Во время следующей перемены Михкель быстро кидает взгляд на Вязаную Шапочку. На одну секунду. Один-единственный раз. Из-под ровно подстриженной челки смотрят круглые светло-карие глаза, большие, как плоски. Значит, у Вязаной Шапочки глаза карие! Совсем не пересаженные и совсем не сердитые. Внезапно Михкель как бы слышит отзвук одного далекого летнего дня.

У них была охалка белого клевера. Оба валялись у реки и по одной протягивали шмель головки клевера. Шмель аккуратно опорожнил прозрачные трубочки цветка. Словно был теперь их ручным шмелем. Словно он собирался теперь остаться с ними. Воздух наполняло его мягкое сонное жужжание, когда, опускаясь на новый цветок, он какое-то время кружил над их головами. А затем он вдруг поднялся, не торопясь набрал скорость и вдруг неблагодарно исчез: всего лишь крошечная точка в том месте, где сразу стало собираться воздушное белое облако.

Внезапно в глазах незнакомой девочки мелькнул как бы отблеск того далекого, наполненного мягким гудением летнего дня, о котором девочка ничего не знала. Не знал никто — только он и Мярт.

Собственно говоря, Михкель должен был бы на следующее утро пойти в школу с братом. В это утро особенно. Но «график причин» предусматривал яровизацию зерна в уголке юного натуралиста. И как раз в то время, когда он был занят яровизацией, в раздевалке к очень похожему на него мальчику подошла известная нам девочка с челкой, с большим бумажным свертком в руках и сказала:

— Бери. Вафли. Мама просит поблагодарить тебя. Мы бы не успели. Испечены на масле, вместе с тетрадами класть не разрешила.

Вафли есть вафли, тут долго раздумывать нечего. Поэтому у мальчика остается на дне кулечка всего несколько штук, когда Мярту приходит в голову уточнить:

— Их принесла эта девочка из шестого «В» — Ольм.

Михкель тут же перестает жевать.

— Еще сказала, что мать велела отдать их мне. И поблагодарить, а то бы они не успели. И что вместе с тетрадами их класть нельзя.

Михкель пожал плечами:

— Да тут и класть уже нечего.

Этому человеку, которого ничто не могло пронять, было совершенно безразлично, кто, куда и без кого не смог бы успеть.

— Не тебе, кочерыжка!

— Сам ты кочерыжка!

— Не тебе прислали. Это я задержал для них автобус на улице Ялака.

Раздается звонок на урок. География не очень-то лезет Михкелю Саккеусу в голову. Само собой понятно, что если твой портфель пахнет, как кондитерская фабрика, то это мешает усвоению знаний. Но дело не только в запахе. Хотя вафли находятся теперь во владении их настоящего хозяина, это скорее огорчает, чем радует Михкеля. Михкель не чувствует себя человеком, которому что-то дали. Наоборот. Он чувствует себя так, будто у него что-то отняли. То, чего у него никогда и не было, но чего ему все же до боли жаль сейчас.

Ленне ведь сама пришла утром с вафлями. Она держала сверток обеими руками и смотрела на Мярта своими круглыми глазами. Может быть, даже улыбалась. И слегка приподнимала уголки губ, как обычно делают девочки, когда вежливо говорят всякие глупости. Она сказала: «Мама просит поблагодарить...» Но, возможно, она благодарила и от себя. Своими карими глазами. И тихонечко прожужжала, как пчелка, но так тихонечко, что Мярт, во всяком случае, ничего слышать не мог, а у самой, возможно, немного болела коленка. Когда она говорила: «Мама просит поблагодарить», — Мярт, конечно, стоял как пень. Он всегда так стоит. Он беззадачен, решительно беззадачен. И вот теперь он, Михкель, настоящий Михкель, должен есть здесь свои вафли, жевать их, как бык солому, и быть довольным. Человек должен быть доволен, что у него есть брат-близнец. И пусть больше ни на что в жизни не надеется. Даже на самый пустяк.

Если раньше Михкель Саккеус считал, что общение с девчонками может сделать тебя лишь посмешищем в глазах других, то теперь он был вынужден слегка пересмотреть свои суровые взгляды. Эта девочка была все же молодчага. Она не устраивала номера из того, кто приходил на угол улицы Ялака раньше — она или братья Саккеус: она одна никогда не уходила. Они, ребята из одного района, только-только познакомились, теперь постоянно свистели друг у друга под окнами, как и все дети мира, живущие в одном районе. К тому же у Ленне были вполне мужские увлечения: марки в ее альбоме были подобраны с завидным знанием дела; едва ли кто-нибудь в этой части города лазал по деревьям лучше ее; и еще она была специалистом по собакам

и маркам машин: ловко ныряла, как рыба кольян. И как это они раньше проводили лето без экспедиций в пещеры на песчаном пустыре за кладбищем! Подумать только, что и раньше существовали свалки — целые груды бутылок с отбитыми горлышками, сплюснутые банки от консервов, глыбы водянисто-зеленого стекла от чернильниц. Ленне умело рылась во всем этом, словно окупивала капусту в саду часовой мастерской. Как мог этот сонный, утопающий в каштанах и огородных чучелах пригород до сих пор так умело прятать от них самое занятное в мире существо, загорелые ноги которого вот уже более десяти лет оставляли следы в теплой пыли под этими самыми каштанами? Всего этого братья Саккеус никак не могли понять. А они сами? Они сами когда-то, лет сто назад, ходили по этой улице к реке — на плече удочка, в руке коробка с дохлыми червями. Чего стоил один такой поход! Это было когда-то, еще до сотворения мира. Теперь тройка часто ходила этой же дорогой вниз, к купальне, и любому встречному доставляло удовольствие видеть два совершенно одинаковых круглых мальчишеских лица, которые, словно мигающие маяки, то вспыхивали, то гасли, когда к ним поворачивалась длинноногая девочка, одинаково весело болтавшая наперебой с обоими.

Вначале Михкеля ужасно огорчало, что и Ленне не делала между ними разницы. Хоть колокольчик привязывай к сапогу...

...Ленне снова пошла из школы домой с Мяртом. Разумеется, это был он, Михкель, с кем ей на самом деле хотелось бы пойти. И без колебаний справедливое сердце Михкеля принимало на свой счет все то, что доставалось другому. С другой стороны, было утешительно знать, что не каждому дана возможность выступать сразу в нескольких лицах. И этот каждый совсем не обязан был всегда знать, сколько тепла в мире припасено для него. Человек ведь не может находиться сразу в нескольких местах. А он мог. Более того, он как бы выступал всюду вдвойне. Внезапно его перестает занимать собственная независимость. Его заинтересовало, о чем говорит Ленне с Мяртом. Он уже ни на шаг не отстает от брата. Он становится его двойником больше, чем когда-либо раньше.

Впервые Михкель чувствует, что ему хочется быть добрым. Всюду и во всем, даже по отношению к Мярту и даже когда Ленне нет поблизости. Раньше каким случалось, таким он и был, иногда невзначай и добрым. А теперь ему все время хочется быть добрым, но он не может. Человеку вовсе не так просто быть добрым, если он всегда был обыкновенным. Внезапно для него становится очень важным, чтобы его сандалии не хлябали, а носовой платок не был порванным. Часами он разглядывает свой широкий и короткий нос и пугается, что у него почти нет бровей. Во всяком случае, теперь следовало бы выглядеть получше.

Все весны, по мнению Михкеля, замечательны одним — они преддверие лета. Уже одно апрельское солнце может сотворить чудо, когда оно раскаляет грудь бревен у ворот и они начинают пахнуть лесом. Это значит, что уже лето. С этой минуты оно решительно и прочно входит в ребячьи сердца. Это ничего, что сперва надо получить табеля и предстать с ними перед родителями. Ребята это вытерпят, потому что каждый знает: уже на следующее утро распорядок дня им начнет устанавливаться солнце.

Однако теперь Михкель с удивлением чувствует, что лето ему вроде бы и ни к чему, он не хочет лета. Потому что летом нет школы. Еще год назад он бы громко рассмеялся, услышав подобную глупость. Летом по утрам на углу Ялака не будет девочки с челкой. И лето Михкелю теперь ничего не сулит. Все блекнет, чахнет и исчезает. Исчезают ягоды в лесах и рыба в реках. Куда? Каким образом? Ведь не посланец же солнца эта девочка, что без нее гибнут все дары лета. Не собирает же она в свой передник грибы, орехи и рябину, не отпугивает белок из лесу, не осушает реки, не перекапывает пляж. Ничего этого она не делает. Она просто едет в какое-то село со скучным названием, к какому-то дядюшке со скучным именем. И все. Но хватит об этом. Лета, настоящего лета, теперь все равно не будет.

И постепенно Михкель и Мярт примиряются с тем, что угол улицы Ялака опять просто угол улицы

Ялака с несколькими пыльными деревьями, водокачкой и автобусной остановкой. Они примиряются с этими затянущимися и поближшими каникулами, с безликой теплой речкой, на берегу которой они с Мяртом вновь проводят большую часть дня. Здесь, среди поникших от жары ольх, где бродят сонные дачники, мокрые после купания дети и собаки, просто не может ничего произойти. И не происходит. Ничего особенного ни для кого нет в том, что в нескольких десятках метров вниз по течению от того места, где, задрав ноги кверху, лежат братья Саккеус, на воду сталкивают лодку и на весла садится высокого роста мальчик в резиновых подтяжках. Девочка с прямой челкой опускает руку через край лодки в воду, хочет достать цепь. На груди у нее живой цветок, и она круглыми глазами смотрит на мальчика, который сидит на веслах. Вода под веслами вскипает. И сквозь ее шум уже больше не слышно жужжания летящего шмеля. Лодка быстро удаляется, одинокая крошечная точка посреди гладкой поверхности воды, посреди отражающихся в ней облаков и неба.

Двое ребят одного роста и на одно лицо, сидящие на берегу, начиная с сегодняшнего дня, могут смело считать: будь добр или не будь добр, люби своего брата-близнеца или не люби, перекрой всего себя, если хочешь, — все это не имеет ни малейшего значения, если появляется рослый незнакомый мальчик из седьмого класса! Ни малейшего!

даже когда ее голова склоняется над тетрадами. Но Оттю кажется, что она все время так и норовит оттолкнуть его еще дальше, словно класс для них двоих тесен и было бы лучше, если Отть вместе с партией вообще бы выехал в коридор. И тем не менее Оттю приятно, что его отталкивают, хотя бы уже потому, что мысли Ану как-то заняты им. Это все же намного лучше, чем если б Ану, а такие дни бывают, вообще не замечала его. Это даже хорошо. Потому что так когда-нибудь все разрешится.

Ану растет без матери. Мать погибла в автомобильной катастрофе, и Ану осталась с двумя маленькими братишками. Отца ее Отть видел лишь однажды на школьном вечере, да и то мельком, так как тот беспрерывно возился со своими двумя мальчишками. Они только и делали, что, взявшись за руки, с громким криком и фырканьем носились по залу, изображая мотоцикл с коляской. Ану вытирала им носы и массировала младшему коленку, когда тот, поскользнувшись, растянулся на полу.

Отец с малышами рано ушли домой. Ану спустилась вниз, чтобы натянуть на парнишек теплые рейтузы, и, словно мать, стояла в дверях на сквозняке, пока двое маленьких крепшеи, держа отца за руку, не скрылись в сумерках.

Отть прекрасно знал, что фаручки и кофточка этим малышам стирает Ану и что мясо в магазине она выбирает не хуже любой хозяйки. Отть знал также, что Ану все не просто оторваться в новогодние каникулы от домашних дел, но, разумеется, ей бы надо хоть на пару дней освободиться от бесконечной возни на кухне. Отть множество раз слышал, как его мать говорила: «Я так от вас устала, что, кажется, вскочила бы посреди ночи и убежала куда глаза глядят». Убежит ли Ану? С ним, Оттем, на лыжах на Наанускую гору? Они глядели бы на деревья и облака, глядели бы на голодных синиц, клюющих головки тысячелистника, и гнали бы Томми по беличьему следу до самого лесного пастбища.

— Как же я оставлю мальчиков? — До сих пор это был единственный ответ Ану.

Конечно, проще всего было бы Ану взять мальчиков с собой. Проще всего... Но Отть не решается и думать об этом... Проще всего было бы Оттю самому рассказать дома о своей затее.

Через некоторое время оба уже сидят в автобусе, и все хорошо и просто, как будто не было недавних колебаний и неопределенности. По улицам идут люди — елки в руках, елки на санках, вместе с детьми. Опускается туман, и становится теплей. Всем вдруг хочется идти в магазин, на почту или просто поглядеть, как идут другие. В пропахшей бензином комнатухе для ожидания Оттю на миг даже захотелось, чтобы что-то помешало девочке прийти, но с той минуты, когда с лыжами на плече и с набитым портфелем под мышкой Ану вышла из-за крытого рынка на дорогу, Отть почувствовал, как все же ему это приятно. Как всегда, когда Ану приближается, он не видит ее лица, одежды, волос по отдельности, а все это нечто целое. Она — словно крошечный оловянный солдатик, который становится все больше и больше. И вся она — радость. И только когда она начинает ему что-то говорить, подходит ближе, улыбается, только тогда у Ану появляются глаза, ресницы, зеленая вязаная шапочка. Ану никогда громко издали не здороваешься, как это делают многие одноклассники Оття. Она вообще не здороваешься. Просто подходит и начинает прерванный на полуслове разговор. Будто за это время не было других людей, других мыслей.

— Удалось оставить мальчиков на попечение Веры. Еще Вера обещала приходить к нам готовить.

— Ты надолго?

— Послезавтра вечером обратно. Вера привезет к нам Марину, сама она едет на Новый год к матери, — на одном дыхании поясняет Ану.

Отть осторожно спрашивает:

— Значит, ты не будешь встречать с нами Новый год?

— Ну что ты! — смеется Ану. — Кто же тогда зажжет для мальчиков свечки на елке? В полночь я поведу их к водокачке смотреть, как пускают ракеты. Это у нас как закон. Мы каждый год ходим. Я в любом случае обещала вернуться к встрече Нового года.

Именно так Ану и говорит: «Обещала вернуться». А не «отец велел вернуться». Если бы на месте Ану был Отть, ему пришлось бы сказать именно это, второе. Но Ану есть Ану. Она сама себе хозяйка и сама себе приказывает и запрещает.

Другие девочки давно уже никуда не зовут Ану. Она все равно не может. Даже тогда не может, когда идут куда-то всем классом. С урока эстонского языка ходили смотреть «Поднятую целину», Ану же сидела дома и ждала машину с брикетом. Ездили в Незрутские горы, а Ану была с Вайно в инфекцион-

НЕВЕЕСТКА

Ану, если ты поедешь, мы сходим с тобой на лесное пастбище, и ты увидишь беличьи гнезда. Я там три гнезда знаю. Поедешь?

Девочка пожимает плечами. И даже чуть отворачивается от Оття, так что теперь лишь краешек ее щеки виден из-за каштановых волос и белого пижонного воротничка. Оттю кажется, что этот краешек щеки все темнеет и темнеет, пока не становится прямо-таки пунцовым. Совсем как у него, когда он был маленьким и болел скарлатиной. А сейчас он уговаривает ее, как малого ребенка! Жар разливается у Оття по шее, ползет вверх. Слово у Ану и в самом деле скарлатина и он заразился.

Отть не двигается. Ему хочется наконец получить ответ. Пусть его товарищи спешат к дверям класса, пусть после того, как они выйдут, Отть с Ану останутся у окна вдвоем, на самом виду у всех, вызывая всеобщие насмешки.

Однако сегодня никто не посмеивается над ними и не смотрит. Сегодня последний день четверти, и уже с утра на каждой парте горит маленькая свечка. Ни у кого нет времени на Оття и Ану, все будто ждет чего-то большого и важного, что должно наступить с минуты на минуту. Уроки сегодня на десять минут короче — точно и они торопятся, чтобы высвободить время для этого неизвестного и важного. Бесконечные репетиции хора; учеников то и дело вызывают с уроков: один участвует в спектакле, другой готовится к выступлениям по художественной гимнастике. Незнакомые запахи, необычные звуки, не стихающие даже во время уроков. Вот раздастся звонок, как летом в березовой роще, оклик на всю школу — кого-то зовут. Растоптанная хвоя, запах свечей — точно кого-то провожают в последний путь. Что-то уходит, с чем-то расстаешься.

Уроки перестают походить на уроки. Каждый учитель прижимает к груди классный журнал, словно скупой ребенок, который не хочет показывать другим своей книжки с картинками. Ну и пусть себе прижимает! Любый ученик и так знает, какая оценка выведена красными чернилами в графе напротив его фамилии: ведь подсчет был еще позавчера. Теперь остается лишь получить табель — и скорее домой. Домой!

— Ты обещала на большой перемене сказать, — говорит невысокий паренек и сам удивляется своей смелости. Еще недавно он едва решался здороваться с Ану, а теперь стоит здесь, у окна, отколупывает острием карандаша налипший на подоконник воск, напоминающий по форме копейч-

ную монетку, и ждет ответа. Слово чего-то требует или словно имеет даже какое-то право на эту девочку. Но Оттю кажется, что если ты спрашиваешь человека о чем-то, то тем самым уже как бы подчиняешь его себе. По крайней мере до тех пор, пока не получишь ответа.

Ану же еще не ответила. А ведь о поездке в деревню Отть завел разговор еще позавчера. Походили бы на лыжах. Провели бы вместе с Ану несколько дней, хотя бы один день. Походили бы по родным Оттю лесам и полям. Отть втайне надеется, что после такой поездки Ану не сможет делать при девочках вид, будто она порой забывает, что Отть вообще существует на свете. Девочки иной раз странные, когда соберутся вместе. То, что кажется таким замечательным, когда ты вдвоем на улице или на школьном дворе, какое-нибудь твое самое обычное слово или просто взгляд может вдруг вызвать у девочек ужасное презрение.

Ты изничтожен, ты стоишь перед ними, как шут, настолько они могут выбить тебя из колеи своим вечным шушуканьем. Ты постоянно должен чувствовать, что только им, девочкам, известно нечто невероятно важное. Оттю приходилось испытывать это не раз. После многодневного ожидания Отть иной раз уловит подходящий момент, чтобы немного поболтать с Ану, но тут появляются девочки. Одно-единственное восклицание, один легкий взмах руки, и эта галдящая стая снова отворачивает свою отбившуюся подружку, а Оттю не остается ничего иного, как смотреть им вслед — в душе стыд и досада. Тогда ему хочется что-то сделать, окликнуть Ану, чтобы она вернулась, объяснить, как плохо ему, Оттю. Но Ану не приходит, она ни за что не оставит девочек. Они — как летящий рой пчел, от которого не отобьется ни одна пчела. Отть страшно хочет одолеть эту силу, он не хочет, чтобы его каждый день вновь и вновь предавали. Все это, может, и удалось бы поломать, если бы они немного покатались с Наануской горы. Ведь им придется там о чем-то говорить. Каждый человек должен о чем-то говорить, если он стоит рядом с другим посреди ровного поля, а над головой у него ветреное небо. И ни души кругом. Тогда на этом ровном поле, в силу которого Отть верит больше, чем в школьный вальс, с Ану может вдруг произойти что-нибудь такое, что она не станет больше убегать от Оття, когда девочки начнут звать ее и махать руками.

Но Ану уже несколько дней молчит. Она вроде бы не сердится, и все же Отть чувствует даже во время уроков, как Ану на своей задней парте оцетинилась, словно еж. Отть сидит далеко, наискось через весь класс, у двери, так что он не может видеть Ану,

ной больнице. Какой смысл куда-то ее звать! Один только Отть иногда еще делает такие попытки. И только Оттью иногда удается выгнать Ану из дома.

— Наша Вера ужасно смешная,— продолжает Ану.— Всегда говорит: «Тебе, Ану, будет легко жить. Ты с детства испытала все трудности, теперь тебя ничто в жизни не испугает. Я сначала жила словно птичка на ветке,— так она всегда говорит,— а вот когда родились Вовка и Маринка, жизнь стала такой монотонной. Будто меня в клетку посадили!» Странно, мне никогда жизнь не кажется монотонной, когда я с Вайно и Велло. Только иной раз так устаю, что не могу заснуть, но потом это проходит...

Отть порой прямо-таки боится, когда Ану начинает вести такие разговоры. А Ану как ни в чем не бывало. Когда девочки на выставке изделий ручного труда, увидев работы учениц одиннадцатого класса по домоводству, покраснели и стали хихикать, Ану подошла к дежурной преподавательнице и сказала, что распашонку, которую сшила Мерике Аунапуу, не следовало бы выставлять как образцовую, поскольку завязки у нее пришиты с внутренней стороны, и к тому же нитками десятого номера. Что останется этак от шеи ребенка? Отть никогда не знает, какое слово может вдруг ввернуть в разговор Ану. Такими словами никто не разговаривает, их можно найти разве что в медицинском справочнике, Ану же все нипочем, она и в лице не изменится. В таких случаях Отть быстро пытается заговорить о чем-то другом. Конечно, неудивительно, что Ану ко всему этому привыкла, ведь ей надо знать столько всяких взрослых премудростей и для того, чтобы все это постигнуть, ей даже не хватает времени дома: на уроке машиноведения преподаватель отобрал у Ану книжку «Охрана здоровья детей». И вообще поди пойми эту Ану. Как-то она сказала, что еще и детским врачом хочет стать. Выходит, ей впрямь все это еще не надоело. Во всяком случае, Отть немного побаивается, когда Ану так говорит.

Ану замолкает—езда в автобусе сморила ее. По мере того как пейзаж становится все более знакомым, появляется ощущение, что ты едешь домой. Сегодня к этому ощущению примешиваются тревога и неуверенность. За те годы, что Отть ходит в школу в городе, дом как-то немного отдалился, и Оттью кажется, что он уже не может предугадать каждый шаг матери, все ее мысли, как это было, когда он жил дома. Что он скажет теперь об этой незнакомой девочке? Главное— не молчать, чтобы они не остолбенели, когда Отть с Ану войдут в дом. Хорошо, если б отец или мать оказались во дворе, чтобы можно было поздороваться на ходу. Странно, но еще сегодня утром вся поездка была лишь планом, лишь предположением Оття, которое могло разлететься в пух и прах от одного-единственного отрицательного жеста Ану. Теперь же на нем лежала ответственность перед Ану.

Девочка, с которой Отть выходит из автобуса на обочину дороги, не похожа издали на ребенка. Но не может быть, чтобы Отть привез с собой гостя, он этого никогда не делал. Тем не менее они уже сворачивают на дорожку, ведущую во двор. Старенькое, короткое осеннее пальтишко девочки и вязаная шапочка с помпоном говорят о том, что это не деревенская девочка, которой приходится шагать в метель много километров.

Войдя в калитку, девочка втыкает лыжи в сугроб и начинает трепать по шее выбежавшего навстречу Томми, и тот милостиво размякает.

В комнате воцаряется мертвая тишина, только, яростно булькая, варится в кастрюле картофель со свиной. Мать встает из-за стола и начинает без особой надобности подкладывать под чугунок круги от плиты, чтобы уменьшить жар, давая этим понять, дескать, вы тут справляйтесь, как знаете, а у меня дела.

— Я пригласил к нам Ану покататься на лыжах,— обращается Отть сразу ко всем находящимся в комнате. Ану машинально сняла с правой руки варежку, но поскольку никто не шелухнулся, она украдкой опускает руку и снова натягивает варежку.

— Да вы садитесь,— первым спохватывается отец и пододвигает Ану стул. Но стул оказывается в неудачном месте, между столом и дверью, прямо посреди комнаты, куда падает больше всего света от настольной лампы. Ану садится в пальто и варежках и кладет набитый портфель на колени, как пассажир в переполненном вагоне. Разговор не клеится. Отть то и дело отлучается в заднюю комнату и, возвратившись, спрашивает про домашние новости, явно думая о чем-то другом. Напряженность слегка разряжает отец. Он зовет Ану, Оття и его шестилетнего брата Валло в лес за елкой. В обществе Валло Ану вскоре освобождается от чувства неловкости. После чтения в лесу книги следов—Валло оказывается большим знатоком этого дела и находит в Ану восторженную учени-

цу—следует чтение настоящей книги дома. Тут уж Валло, который осенью пойдет в школу, не видит в глазах Ану снисхождения.

— Произнеси, произнеси все вместе!— требует девочка и держит палец у слова. Валло пыхтит и сопит, маленький нос морщится от напряжения: «Са-а-до-вьяй ин-вен-тарь». Прочитанные слова всплескивают в тишине комнаты, как мальки, которые из неволи снова попали в чистые воды. Матери это занятие вроде бы нравится, и она в перерывах между хлопотами в хлеву подгоняет ребят. Даже отцу это по душе. Отть с сияющим лицом переводит взгляд с одного на другого. Так продолжается до глубоких сумерек, пока мальчик внезапно не роняет голову на книжку. Только теперь усталого человека оставляют в покое. Мать ставит на стол картофель и жаркое.

Посреди ночи Ану просыпается от звука голосов в доме. В соседней комнате, где спит отец с матерью, слышится приглушенный разговор. В первую минуту Ану натягивает на голову одеяло, потому что утомленное походом в лес тело не желает просыпаться, однако, разобрав свое имя, она начинает прислушиваться.

— Ты что думаешь, она просто так торчит тут?— раздается за стеной.

— Да вроде бы пигалица еще,— слышится тягучий ответ.

Раз— и девочка соскакивает с кровати и прижимает ухо к перегородке.

— Отец, слышать, работает по мелиорации?

— Они там все горазды пить.

Тишина. Вздох. Кто-то почесывает голову.

— Ведь как узнаешь про чужого человека, какой он и что.

— Деньгу они там, конечно, зашибают...

— По девчонке этого не видать, кофтенка-то вся штопана-перештопана и петли обтрепались.

Что-то с мягким стуком падает на лист жести перед плитой—должно быть, кот спрыгнул.

— Не знаю, чего это Отть так прилип к ней,— вновь звучит голос матери.

— Его дело— приметит и забудет,— бурчит отец, но по голосу чувствуется, что эта тема ему далеко не безразлична.

— Прямо и не знаю. Так уж она ему в сердце запала.

— Да разве в чужую душу влезешь.

— И ведет себя так, как хозяйка... Как вцепилась в Валло, и сразу же— читай. Смотри еще, как бы в невестки тебе не определилась.

— Девчонка еще совсем,— слышится мужской голос.

— Скажешь тоже, девчонка! Такая с каждым часом растет. Через год, смотришь, уже взрослый человек. Ноги и сейчас такие тугие, того и гляди кожа лопнет.

— Что ж, заднюю комнату, пожалуй, можно и обклеить,— отвечает на это отец.

— Ты учти, что рига вместе со скотиной пойдет Валло. Отть, горожанин, все равно скотину не уберезет. Ему и комнаты хватит.

— Да, подели заранее, а то кто знает, что еще из Валло получится,— слышится сквозь зевок.

Сон не так скоро приходит в эту комнату.

За стеной его нет тем более. За стеной на полу сидит девочка, у которой обтрепанные петли, но крепкие ноги, кожа на которых того и гляди лопнет.

Эта девочка так хочет иметь их заднюю комнату, и она горько плачет, как будто ей ужасно жаль, что комната еще не обклеена. На Ану одна рубашка, и она дрожит в ней, словно ее бьет лихорадка. Надо бы встать, но не пошевелить ни рукой, ни ногой. Они как чужие. Да и вся Ану словно сама не своя. Кто-то вошел в дом с ее лицом и в ее одежде, сидел за их столом и разговаривал как «невестка» и даже прикасался к их сыну, и вот теперь среди ночи родители обсуждают все это. А она, Ану, сидит на полу в одной рубашке и слушает. У Ану все время такое чувство, будто здесь, в одной с ней комнате, находится еще кто-то, именно тот, о ком только что шла речь,— «невестка», и она спокойно спит сейчас под белыми простынями. И почему бы ей не спать, если все сказанное точь-в-точь относилось к ней, и вообще никакая это для нее не новость. Зачем же ей тратить время, положенное на сон, чтобы слушать разговор двух чужих людей? Дайте ей отдохнуть, утро принадлежит ей.

Но Ану! Зачем она здесь? Как она очутилась среди ночи в чужом доме? Внезапно Ану становится ужасно жаль своего отца, себя, братьев. Она с трудом натягивает чулки. Вся одежда скомкана, пуговицы, петли и крючки не находят друг друга. А тут еще щелкнул замок от портфеля так громко, что, вероятно, даже Томми услышал со двора. Скорей, скорей! Скорей из двери в клеть, только бы ключи оказались на месте.

— Девочка, куда это ты собралась на ночь глядя?

Рука, поворачивавшая ключ, опускается, и связка ключей со стуком падает на пол, на что Томми за дверьми начинает радостно лаять, полагая, что сейчас его впустят в дом. Мать Оття с растрепанными волосами стоит в дверях кухни; из комнаты на свет выходит и отец.

— Ты что, заболела? Почему нас не разбудила?— спрашивает мать Оття.

Отец же молчит. Он уже все понял. Рядом с отцом возникает заспанное лицо Оття.

Ану ничего не объясняет и не пытается убежать. Опускает глаза и разглядывает дырку в полу. Пусть теперь Отть видит, какой уродливой может быть девочка, когда у нее распух нос, дрожит подбородок, а рот растянут в плаксивой гримасе. До чего уродлива девочка, когда она поздно ночью плачет посреди кухни.

Вячеслав БЕЛОВ.
Фото Альберта ЛЕХМУСА

МЕЧТА, ЛЮБОВЬ И ОШИБКИ

Я часто смотрю на картину, которая висит у меня над письменным столом: фиолетово-голубое небо, темно-синие сопки, щупленькие сосенки и снег с синеватым отливом, мощный, чуть не захлестнувший по крышу жилой вагончик Эдьки-аккордеониста, строителя со стажем, залихватского балагура, который свой вагончик называл почему-то водо-

ся. Конечно, все то, давнее, ушло, хоть и не забылось. И, глядя на сегодняшний Надым, вымахавший кварталами своих домов и в ширь и в высоту, вспоминается все необыкновенно ясно.

Впервые сюда, тогда еще в небольшой поселочек у Полярного круга, расположенный в четырехстах километрах восточнее Салехарда, центра Ямало-

Ненецкого национального округа, я прилетел летом семидесятого года. Командир вертолета, как только мы приземлились, пробурчал: «Север есть Север» — и подтянул к подбородку «молнию» своей летной куртки. Было довольно холодно.

Моросил мелкий колючий дождь. Посадочную полосу и поселок разделял жиденький перелесок. Слева, по другую сторону небольшого озера, виднелись

размытые очертания невысоких и пологих гор, поросших хвойным лесом. Казалось, единственным предназначением этого озера, этих волнистых гор-сопок и этого леса было скрасить пустоту и скудость окружающего ландшафта. Озеро, как мне потом сказали, кто-то назвал Янтарным.

— Почему Янтарным? — спросил я. Пожали плечами.

На следующий день я пошел к нему и

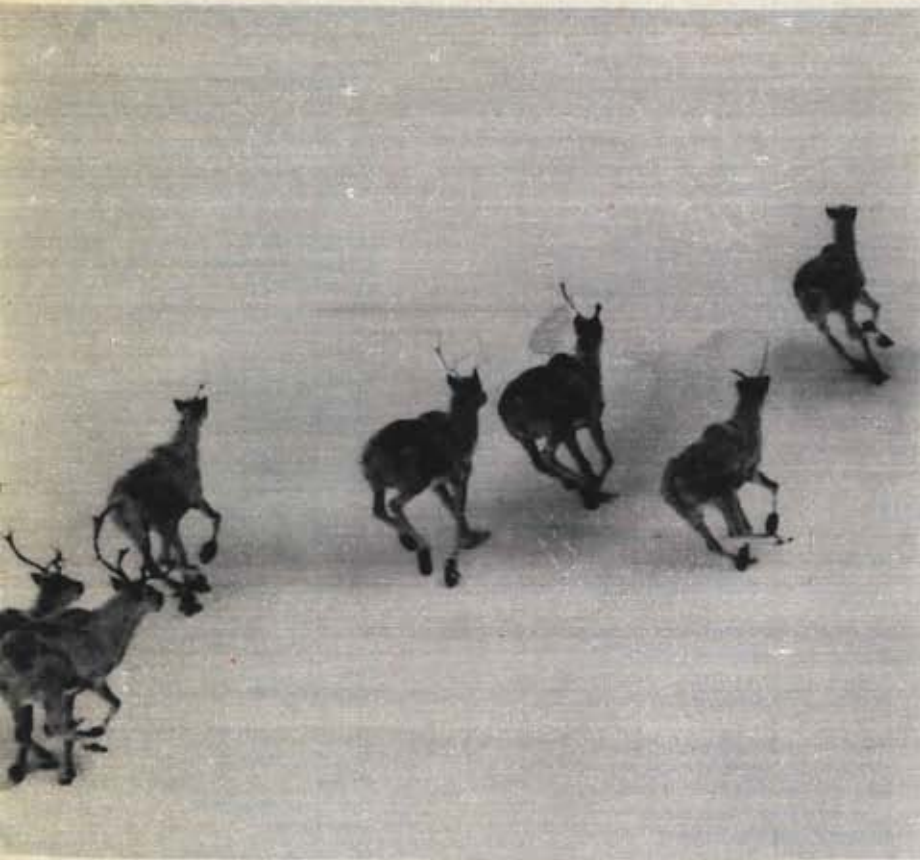
СЕВЕРНЫЙ ПЕЙЗАЖ.

НАДЫМ ПРОДОЛЖАЕТ СТРОИТЬСЯ.

емом. Веселый человек был Эдька, неунывающий, хотя жилось здесь всем на первых порах, мягко сказать, трудно-вато и холодновато...

А писалась эта картина из окна моего вагончика, где я прожил чуть больше года, необъяснимо влюбленный в эти сопочки, эти хилые деревца, в этого Эдьку-балагура и иже с ним, кто приехал сюда с разных концов страны осваивать одно из крупнейших на севере Тюменской области газовое месторождение Медвежье и строить новый город Надым. Но ведь и не только любил — иногда страдал, поскольку строительство не всегда шло так, как надо бы, много было недоразумений, ошибок, накладок — тягостных, порой глупых, с которыми не хотелось мирить-

У ГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ— ТУНДРА.

по Оби, через Обскую губу и вверх по Надыму,—возможно, с перевалкой на плоскодонные баржи в районе Иевлевских песков (Надым в среднем течении мелковат). Правда, такая транспортная схема доставки грузов в Надым—горе одно, но выбора не было, к сожалению. И еще чем привлек район Надыма—так это возможностью соорудить поблизости взлетно-посадочную полосу для самолетов, даже больших, таких, как АН-12, ибо других дорог, кроме неба, в эти места не предвиделось.

...Юрия Струбцова, тогда главного инженера комсомольско-молодежного треста «Севергазстрой», я застал дома, если, конечно, под домом понимать пару холостяцких комнат, которые он обживал вместе с первым управляющим этого треста Анатолием Мандриченко и его замом Евгением Кусюкиным. Мандриченко тем летом в Надыме не было—он лежал в больнице в Тюмени. Кусюкин только что возвратился с перевалочной базы на Иевлевских песках. По его лицу я понял, что он чем-то ужасно разозлен, и только, видимо, давняя привычка

Центрального штаба студенческих строительных отрядов при ЦК ВЛКСМ, и нам раньше приходилось встречаться частенько. А приехать в Надым его «сагитировали» ребята из Тюменского обкома комсомола.

— Ты меня слышишь, Саша?—кричал в трубку Струбцов.—Давай приезжай. Нам позарез нужны толковые инженеры, я же тебе говорил. Как чем занимаемся? Сейчас вот крутимся с навигацией. С перевозкой грузов. Не интересно? Ха, ты бы видел! Жизнь другая!.. Ну и что же—комары? Не городи чепухи! Не съедят. Давай, ждем! Что? Как лучше лететь? Тюмень, потом до Салехарда, оттуда вертолетом.

Видел бы Саша, как морщился в неведомом ему Надыме, крича в трубку, Струбцов. Удары по щекам, лбу, шее помогли мало: комары, как всегда, сами были в ударе. Тогда Струбцов схватил противокмариную жидкость, щелчком скинул колпачок с аэрозольного флакончика и неистово стал жать на пульверизатор, подставляя под липкую струю то руки, то голову. А Женя Кусюкин с саркастическим видом наблюдал за манипуляциями главинка, не забывая, однако, о своем пульверизаторе, и подначивал:

— Главное, старик, спокойствие. Комар—это, конечно, зверь, но «бумажный». Вот. Он звереет потому, что рабо-

САМЫЕ ЮНЫЕ НАДЫМЧАНЕ.

НОЧЬ В ПРИПОЛЯРЬЕ СТОИТ ЗИМОЙ ПОЧТИ КРУГЛЫЕ СУТКИ. НО И В ЭТИХ УСЛОВИЯХ ПРОДОЛЖАЕТСЯ РАБОТА НА ТРАССЕ ГАЗОПРОВОДА.

та у него такая. Так и скажи Сашке. А нашей навигацией ты уж его не пугай. Хватит, что мы сами ею перепуганы...

И уже в мою сторону добавил:

— Да если бы только навигацией! Нет жилья. Нет проектов. Нет материалов. Нет оборудования. Как жить зимой? Что строить? Как строить? Даже проблеска не видно. Пртому так и обидно.

— Ты уже стихами заговорил?—кисло улыбнулся Струбцов.

— Тут заговоришь. Это осталось последнее, чтоб дух не пропал. По-всякому ведь говорили...

Говорили по-всякому. Это Кусюкин подметил точно. Мне самому тогда пришлось стать свидетелем нескончаемых споров начальников управлений, прорабов, мастеров, снабженцев, свидетелем их ругани, перепалок, увещаний и клятвенных заверений, обещаний и прочих атрибутов организационной неразберихи. Обычные, хотя и их нужно и можно не порождать, но тем не менее присущие почти каждой новой стройке проблемы жилья, кадров, транспорта, связи, стройматериалов, оборудования здесь, в Надыме, стали чрезвычайными.

замер, очарованный. Картинка: песчаные дюны, тихий шум деревьев и синяя-пресиняя жгучесть ледяной воды. Не очень щедрое северное солнце светило, чуть грея, но так золотило песок, что, кажется, я начал понимать, почему это озеро для кого-то стало Янтарным.

У озера должен был встать новый город. Не успевший еще ничем себя показать Надым, этот затерянный среди притундровых лесов и болот поселочек, уже тогда получил всесоюзную известность—стал служить главным ориен-

тиром на пути к одному из крупнейших газовых месторождений Тюменского Севера—Медвежьему. Когда-то за Надым «зацепились» геофизики, потом геологи, ну, а затем здесь нашли пристанище и строители. И хотя от Надыма до Медвежьего ни много ни мало—сто двадцать километров, выбирать другую площадку для опорной базы, видимо, не приходилось: место здесь возвышенное, сухое, до реки Надым всего десять километров, там можно соорудить грузовой причал и во время навигации принимать грузы, которые пойдут сюда

строителя стойчески относиться ко всяким передрыгам не позволяла ему сорваться в мальчишеский гнев. Струбцов говорил по телефону. Увидев меня стоящим на пороге, он ничуть не удивился моему появлению, будто и впрямь сюда проторена какая-нибудь дорога от Москвы, и замахал рукой, подзывая:

— Приехал? Привет. У меня тут Москва...

— Край родной, а телефонный провод—пуповина,—сострил Кусюкин.

Струбцова я знал давно. До приезда в Надым он работал главным инженером

Там, где кончаются раздольные украинские степи и начинаются проклятые солнцем лобастые холмы Молдавии, на самом берегу Днестра стоит городок Ямполь. Тихий, уютный, гостеприимный. Многими добрыми делами знаменит он не только в Винницкой области, но и по всей Украине. И дальше идет заслуженная слава: почин ямпольских земледельцев прогремел на всю страну.

Ко всем замечательным начинаниям ямпольчан кровно причастен и совхоз имени Суворова—большое со-

временное многоотраслевое хозяйство. Вот уже около двадцати лет возглавляет его Галина Степановна Сирая—потомственный земледelec, человек завидной судьбы. От отца, агронома, погибшего в годы Великой Отечественной войны, переняла она любовь к родной земле, к плодородной украинской ниве, крестьянскую сметку, веселый нрав, крепкий характер. Работа Галины Степановны отмечена высокими наградами Родины—орденами Ленина, Октябрьской Революции, «Знак Почета».

Среди многих ее увлечений—а она человек увлеченный, молодой, жизнелюбивый—есть одно главное: Галина Сирая пишет стихи. Пишет давно, отдавая им каждую свободную минуту. Это стихи о земле, о хлебе, о людях, растящих этот хлеб.

Я рад, что мне довелось первому перевести стихи Галины Сирой на русский язык, познакомить читателя с прекрасным человеком и настоящим поэтом.

Алексей ПЬЯНОВ

Дождь

*Дождь, дождь—
Гость наш долгожданный.
Дождь, дождь
Ходит, словно пьяный.*

*Дождь, дождь!
Поднялась пшеница.
Дождь, дождь,
Вдоволь дай напиться.*

*Дождь, дождь
В поле, над садами.
Дождь, дождь
Помешал свиданью.*

*Дождь... Дождь...
Не ропщи на небо.
Дождь! Дождь!
Значит, будем с хлебом!*

Туман

*Туман
Над сонными прудами
Висит
Пустыми неводами.
В полях—
Беленым полотном.
То осень
Глянула в окно.*

*Давно закончились покосы,
Блестит отава
В ранних росах.
Не слышно
Смеха у реки.
И, как затяжка папиросы,
На клумбах
Астр огоньки.*

*Все очертания
Обманны,
А звуки
Вялы и глухи.
И в это утро
Слышать странно,
Как безголосы петухи.*

*Гречиха поздняя
Туманна.
Луга пустыньи
И тихи.
Туман
Как белые стихи.*

НОВОЕ ИМЯ

Галина СИРАЯ

Отец

*I
Он говорил мне: «Дочка, вот коса,
Держи ее уверенней и крепче»...
Босые ноги жгла огнем роса,
Ладонь горела, и ломило плечи.*

*С тех пор все делать на земле умею,
И каждая работа мне любя.
Пашу. Вяжу снопы. Пшеницу сею.
И убираю спелые хлеба.*

*Спасибо за крестьянскую закалку,
Что ты, отец, успел мне в жизни дать.
И одного лишь мне до боли жалко:
Ты дочь свою не можешь увидеть.*

*II
Он еще ходил бы росным лугом,
Жаворонку внемля в тишине,
Землю поднимал бы острым плугом,
Мастерил скворечник по весне.*

*Был отец и крепок, и высок,
И казался добрым великаном.*

*Пестовал он каждый колосок
Нежными крестьянскими руками.*

*Но война, как вор из-за угла,
Жизнь его безжалостно взяла.
Только злым ветрам не поломать
Дерево с глубокими корнями...*

*Руки материнские над нами—
Нивами, цветущими садами.
На ноги поставила нас мать
И велела дело завершать,
Начатое нашими отцами.*

*III
Это с самого раннего детства
Мне завещано было тобой,
Как наследственность и наследство—
Неизбывная к полю любовь.*

*Много лет я словам твоим внемлю,
Тем, негромким, что ты говорил,
Когда взял эту добрую землю
И навек ее мне подарил.*

Родное поле

*Жизнь прожить—не поле перейти...
Выпала мне радостная доля:
Вот уже полжизни я в пути,
Но не перешла родного поля.*

*Нет ему ни края, ни конца...
Шелест ветра. Птиц разноголосье.
И летит медовая пыльца,
И звенят граненые колосья.*

Подсолнухи

*Одинаково мною любимы
Все, чем делится с нами земля:
И пшеница, и льны голубые,
И духмяной гречишки поля.*

*Только все же милее и краше
Мне подсолнухов яркий наряд.
Незакатные солнышки наши
Для людей и в ненастье горят.*

Одари меня, осень...

*Одари меня, осень,
Не перстнем агатовым,
Одари меня, осень,
Урожаем богатым.*

*Испытай меня, осень,
Самой трудной работой,
Испытай меня песней
Журавлиного взлета.*

*Награди меня, осень,
Не казной, не медалью,
Награди меня, осень,
Неоглядную далью.*

*Научи меня, осень,
Не грустить по былому,
Научи меня, осень,
Вдохновенному слову!*

Вот почему еще не вставший на ноги, только что формирующийся комсомольско-молодежный трест «Севергазстрой», лишенный собственной строительной базы, на сотни километров удаленный от имеющихся баз стройиндустрии, оказался в пиковом положении, хотя общие задачи были всем яснее ясного: строить город Надым и обустроить месторождение Медвежье.

А макет и эскизы будущего Надыма поражали воображение. Можно было подумать, что это скорее фешенебельный курорт где-нибудь на юге, а не городок для рабочих газовых промыслов на Крайнем Севере. Современный архитектурный стиль, хотя к нему все давно привыкли, смущал: как-то он «уживется» со здешним климатом? Правда, не доверяя архитекторам оснований не было, и потому первые строители Надыма восприняли нарисованный город с восторгом и окрестили его городом счастья (кто-то и где-то сказал, что слово «надым» в переводе с немецкого якобы означает «счастье»).

Давно уже Надым так не называют. Время романтических восторгов быстро

прошло. Прошли торжества по поводу досрочного пуска в эксплуатацию первого газосборного пункта на Медвежье. Остались насущные заботы о быте и в первую очередь о крыше над головой. Даже дети, и те иронизировали над взрослыми, невеста откуда выдумавшими «город счастья».

У меня с 1972 года сохранилось стихотворение Оли Суслиной, ученицы 7-го класса местной школы,—отрывок из ее сочинения о Надыме, заданного на дом:

«О Надым—город счастья! Не забыть никогда! За жару и ненастье полубили тебя. За снега и морозы, комарье и мошку и за то, что кастрюльки не найдешь на дому. Ложка есть—нету вилок, вилка есть—нет ножа. О Надым—город счастья! Как здесь жизнь хороша! Свет на час появился—на неделю погас. Очень хочется супа—раздобыть бы где газ... Газопровод ведь рядом—хорошо б подключиться! О Надым—город счастья! Скоро ль это случится?»

Я тогда сказал Оле:

— Не надо особенно придирается к взрослым. Они же хотели как лучше. У них же была мечта... Большая, настоящая мечта!

Но Надым, к сожалению, начал строиться с великим скрипом. Первые рабочие чертежи Ленинградский зональный научно-исследовательский институт экспериментального и типового проектирования жилых и общественных зданий изготовил только в 1973 году. Хотя генеральный план города был готов давно. Действительно красивый. А тем временем из треста «Севергазстрой» в Тюменский обком комсомола уходит телеграмма: «Ввиду острой нехватки жилья просим не посылать добровольцев по комсомольским путевкам». Не хватало вагончиков, не было общежитий—тут и там сколачивались балки, а балок—это «временка», а «временки» строить Министерство газовой промышленности категорически запретило. Правильно запретило, но что предложило взамен? А ничего. Жилых вагончиков, которые с такими трудами, волоком по зимникам доставлялись сюда из Салехарда, хронически не хватало. Так что «временки» вопреки грозному приказу возводились тут и там.

Помню, как на моих глазах начальник одного из строительных управлений на чем свет стоит честил своих рабочих: — Немедленно разбирайте эти «га-

дюшники». Или ставьте их где-нибудь за поселком—от глаз подальше. Пожалейте мои седые волосы.

Думаете, это помогло? Нисколько. Ну, один балок рабочие разберут, другой разберут—глядишь, через неделю на этом же самом месте их уже десяток, быстро «привязались» к теплотрассе, тамбуры у входов, крылечки. Жить-то надо! А над ними, балками незаконными, как дамочков меч, как десница карающая, грозный голос из министерства: «Долой!»

Да не тут-то было...

Даже руководители «Севергазстроя» на свой страх и риск решили построить два деревянных дома—двухэтажных, типовых. И тут же получили нагоняй. Эти дома, оказалось, тоже попадали под категорию «временок», поскольку, видите ли, красивым генпланом Надыма строительство деревянных домов было не предусмотрено. Так в жертву бетонному, алюминиевому, стеклянному, иллюзорному Надыму, который неизвестно когда еще будет, принесли элементарную потребность человека в крыше над головой. Я тогда спрашивал в Министерстве газовой промышленности: почему так получается?

Феликс ЧУЕВ

Родное детство,
ты—ангар надежд,
покрытый поднебесной оболочкой,
там зелень зелена,
там воздух свеж,
и так знакомо все до уголочка.

Там сумерками осень осенила
долину фиолетовых высот,
как будто с неба брызнули чернила,
измазав тополями горизонт.

В кустах маслин
под крышею воздушной
мечталось мне о юношеских днях,
о летной славе, громкой и послушной,
о небе в зеленевших огнях.

И надо мной размахисто, картинно
из зарослей, захватывая высь,
за поршневым вознесся реактивный,
как детство
и как будущая жизнь.

По шоссе,
где бессмертно бой отгремели,
мимо снежных поселков
и воинских дат
на лафете, покрытом шинелью метели,
приблизился к Москве
Неизвестный Солдат.

И у красной стены,
у морозной, кремлевской,
в память павших на фронте,
которых не счесть,
встали юные роты,
и сам Рокоссовский—
всепобедная слава—
отдал ему честь...

Частицы счастья

Каникулы студенческие летом,
с танцулек через кладбище броски,
редеют звезды тающим букетом,
как будто кто срывает лепестки.

Блестит роса зеленая на крышах,
полночный город слушать не устал,
как радио вещает из Парижа
про европейский кубковый финал.

«На месте Яшин... Мяч у Иванова...»
Нет, в этом что-то было для страны,
когда мы, как влюбленные, готовы
стоять часами в отблеске луны!

Я верю, жду...
И Виктор Понедельник
почувствовал за тридцать морей,
что это тоже станет в самом деле
частицей счастья юности моей.

Я был прямолинейным, это верно,
да и теперь в себе не искривил
той верности прямой, той первой веры,
что батя в небе кровью окропил
и укрепил в настойчивом походе.
Теперь я знаю, что ни говори,
во мне прямая, как во всей природе,
как в каждой ветке, спрятана внутри.

Я стою в ряду поколения,
поколения Сороковых,
доброволец из пополнения
поредевших отцов своих.

Мне сейчас особенно нужно
не спеша поглядеть вокруг,
ведь не зря же ваше оружие
получал я из ваших рук.

В эту жизнь я влетел,
как осколок войны,
с поля боя меня занесло,
я узнал на земле посреди тишины
и добро и подспудное зло.

Овевал меня ветер, прозрачный, ржаной,
не точила невидимо ржа,
пронеслись лучи и дожди надо мной,
да внутри не губилась душа.

Токио

В. Киму

Токио квадратен и прозрачен,
как большой аквариум огней,
лентою подарочной охвачен
и подвешен к острову на ней.

В разноцветье будней негасимых,
на ладони дрогнувшей руки
Токио—зеленый фотоснимок,
где огни машин, как плавники.

Старые письма

Юность листаю. А, впрочем, зачем
это пустое занятие?
Лучше их выбросить сразу, совсем,
чтоб не тянули в объятья
школьных, просторных, несверных дней
под хлебосолнцем румяным.
Нужно ли чувству справлять юбилей?
Лучшее в нас постоянно.

Живет старик в домишке деревянном,
и я несусь гвоздики старику.
Как яркий свет борьбы его багряной,
в моей руке пароль большевику.

Он все прошел—и ссылки и побеги,
в душе гвоздику алую храня,
с уверенной мечтой о человеке
он дождал до сегодняшнего дня.

Московский сумрак ласково струится,
в руке гвоздик пылающий букет.
А над Курою вечер шелковистый,
над Туруханском розовый рассвет.

Седой бунтарь, дерзаными не тихий,
он счастлив, что восходят из мечты
на карте мира новые гвоздики,
его живого подвига цветы.

Леонид ВЬЮННИК

В моем молодом огороде
Тюльпаны, как будто лучи.
Весна.

Обновление в природе.
Горланят на грядках грачи.
На взгорье,

на пыжистой кочке,
Открылась мне даль впереди.
Как плод в завязавшей почке,
Я чувствую слово в груди.
Цветным,

расписным полотенцем
Мне радуга ширь озарит.
И утро—

«Мадонна с младенцем»—
Восходит,
румянит, горит.

И чисто,
и сочно, и росно
По звездным багряным дворам.
Поэты

пророчат по веснам.
И громы
гремят по утрам.

Я пойду по тропе,
как бывало,
Выйду в поле,

в луга побреду,
Чтобы травы поврачевали
И твою и мою беду.
Хорошо на родном просторе
Слушать майскую тишину.
Выйдешь в поле,

как будто в море.
Тронешь травушку—как волну.

Иду я в лес,
ведь он моя отрада.
В тревожной,

птичьей, влажной тишине
Подвижных дней прозрачная прохлада
Мне навеивает мысли о весне.
За кронами укрылись огороды.
В земные щели спрятались мороз.
О том, что я дитя родной природы,
Подумалось не в шутку, а всерьез.

Мне отвечали:

— «Времянки»? Ни за что! Взрели их за те два деревянных дома, и поделом! Они же нам этими «времянками» все коммуникации запутают. На это мы не пойдём. Тем более, что место для строительства города и так ограничено.

Да, «времянки»—бич наших новых городов. Но, пожалуй, здесь надо было бы говорить не о «времянках», а о том, почему генеральным планом города не был предусмотрен пионерный поселок для строителей. Сама жизнь давно уже показала, что в местах нового строительства без него не обойтись. Увы... Причем к моменту моего разговора в министерстве я знал о давнем обещании руководства ЛенЗНИИЭПа разработать типовой поселок для северян, который органически должен быть вписан в генеральный план застройки города. Так вот, генплан Надыма тогда был, а проекта поселка не было. И пошло все в Надыме наперекосяк...

Один из надымских инженеров, на что уж человек сдержанный, прошедший большую школу строительства, выдав-

ший всякие виды и, казалось, не теряющийся в самых критических ситуациях, и то признался в сердцах:

— Так начинать стройку нельзя! Невозможно! Проектной документации нет. Базы строительной индустрии нет. Вот и получилось, что мы сейчас связаны по рукам и ногам. Мы строим объекты, которые городу необходимы позарез, например, причал на реке Надым, базу горюче-смазочных материалов, а в титульных списках этих объектов нет, поскольку на них нет проектно-сметной документации. Банк же отказывается их финансировать. Вот и приходится идти на всякие ухищрения, искать лазейки. А в отношении баз и говорить нечего—здесь ничего не решено. Наша же инициатива приходит в противоречие с существующей системой финансирования. В районе Медвежьего, например, есть отличная глина. Я бы как сейчас поступил? Быстренько смонтировал бы там цех ремонтно-механических мастерских, поставил бы две печи, нашел опытных рабочих и начал гнать керамику. Чем возить за тысячу верст—вот вам отличный стройматериал... Но строить не дают. Не положено. При такой манере хозяйствования получает-

ся, что к цели мы идем самым запутанным, самым труднейшим путем. Для всех это ясно как день. Но все остается по-старому, и перемен пока не видно...

Забегая вперед, скажу: к чести первых строителей Надыма, многие свои планы они успешно претворили в жизнь, ломая стареющие представления о том, что можно делать в строительстве, а что нельзя, и утверждали поистине партийный подход к делу. Они вложили бездну энергии и знаний в строительство газосборных пунктов на месторождении Медвежье, за что в 1978 году были удостоены Государственной премии СССР. Большинство из них сейчас ушли дальше на восток—осваивать Уренгойское газовое месторождение. И управляющий трестом «Уренгойгазпромстрой»—сейчас известный уже читателю Юрий Александрович Струбов.

А трестом «Севергазстрой» в Надыме руководит Дмитрий Сергеевич Белега. В середине 60-х годов он был командиром студенческого строительного отряда «Дружба», работавшего на восстановление Ташкента, потом командиром студенческого отряда Украины в Тюмен-

ской области. Приехал Д. С. Белега в Надым в 1971 году на должность начальника дорожно-строительного управления. За дело взялся горячо, но учиться работать здесь, в условиях Севера, приходилось постоянно. А главное, нужно было учиться преодолевать трудности—всякого рода, в том числе и житейские.

Так вот, в бытность начальником ДСУ-26 Дмитрий Белега говорил как-то мне:

— Ты знаешь, а я убежден, что в Надыме человек должен жить не хуже, чем в Москве. Или у нас нет сил, средств? Все есть. Человек и его дело—эти понятия нельзя разделять ни в коем случае. У нас же это происходит сплошь да рядом. Отсюда—текучка. Чтобы ее остановить—пусть даже не совсем остановить, а хоть уменьшить как-то, мы стараемся рублем компенсировать неустроенность быта. Разве это дело? Делая упор на заработок, какими мы воспитаем людей? А у нас ведь главным образом работает молодежь...

Ну что ж, то, что он проповедовал, в силу возможности пытался и осуществлять. В ДСУ-26 старались обеспечить всех своих рабочих мало-мальски

сносным жильем, здесь приобрели много спортивного инвентаря, организовали секции бокса, борьбы, настольного тенниса. Купили инструменты для эстрадного ансамбля, создали художественную самодеятельность. И молодежь потянулась к ДСУ-26 со всего Надыма... Лиха беда начало! Не отстали от дорожников и другие строительные управления. А через год надымских спортсменов, музыкантов, певцов, танцоров признали в округе и в области. Талантливой молодежи, съехавшейся в Надым со всей страны, оказалось пруд пруди... Концерты, смотры, театрализованные вечера отдыха, праздники в городском парке, спортивные соревнования — все это в Надыме стало обычным делом. И хотя жилось трудновато, всяких неурядиц — и производственных и бытовых — хоть отбавляй, оптимизма молодым было не занимать...

Освоение Севера — дело нелегкое, для многих совсем непривычное. Без оптимизма, энтузиазма здесь в общем-то делать нечего — быстро перегоришь

какую может выдержать лед, не должна превышать 15 тонн.

В Лабытнанги вылетел лучший тракторист треста Салманов.

— Что будем делать, Владимир Петрович? — встретил его вопросом бывший тогда уполномоченным министра газовой промышленности Михаил Александрович Васильев. — Машина вон какая! — И кивнул в сторону бульдозера-мастодонта.

Салманов забрался на траки, прошел к кабине бульдозера, открыл дверцу:

— Надо ехать. Вожжи будут нужны.

— Какие вожжи?

— Обыкновенные. На каких лошадей водят.

— Чего придумал? — насутился Васильев.

— А это единственный способ, — свесившись из кабинки, сказал Салманов. — Надо закрепить рычаги и пустить его своим ходом. А сами сзади пойдем. Если что — остановим. Пройдет — лед двухметровый.

Нашли вожжи. Салманов закрепил ими рычаги, включил двигатель, пустил машину и прыгнул из кабинки на снег.

АРКТУР — ОДНА ИЗ ЯРЧАЙШИХ ЗВЕЗД СЕВЕРНОГО ПОЛУШАРИЯ. ТАК НАЗВАЛИ СВОЮ ХОККЕЙНУЮ КОМАНДУ НАДЫМСКИЕ ШКОЛЬНИКИ.

ЗАСТЫЛА ВО ЛЬДАХ РЕКИ НАДЫМ ПЛАВУЧАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ «СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ».

ВЕРТОЛЕТЧИКИ — ПОПУЛЯРНЫЕ ЛЮДИ НА СЕВЕРЕ, ГДЕ, КРОМЕ НЕБЕСНЫХ, ДОРОГ НЕТ.

ВЕЧЕРОМ В КЛУБЕ.

и укачишь, откуда приехал, не оставив на этой суровой и нужной всем нам земле доброго следа. К счастью, Надым в первые годы своего становления не был обделен сильными людьми. Не обделен он ими и сейчас. А эти люди всегда воспринимают новое большое дело как свое кровное, а потому вкладывают в него все свои знания, всю энергию и всю душу.

Вот только один пример. Как-то зимой в адрес треста «Надымгазпромстрой» поступил мощный 25-тонный бульдозер. Он был выгружен с железнодорожной платформы на станции Лабытнанги, ближайшей железнодорожной станции от Надыма. Четыреста километров бульдозеру предстояло пройти своим ходом. Это сложно уже само по себе, потому что на пути — сплошные болота, десятки рек и речушек. Но первое и главное препятствие — Обь. Как пройти через нее? По всем расчетам тяжесть,

и они провели бульдозер через десятикилометровую Обь, идя за ним следом. Этот переход до сего дня вспоминают в Надыме. Он уже стал легендой.

Да, Надым красив прежде всего своими людьми, которые здесь трудятся и живут. Город воспринимается через них, их судьбы, дела, поступки, чаяния. В конце концов типовые дома, как их ни поставь, обыкновенными домами и остаются. Надым в этом плане ничем не удивляет. Да, конечно, он растет, тянет, как говорят, вверх свои этажи, до девятиэтажек уже добрался, обзавелся современным аэропортом, ретрансляционной станцией «Орбита», широкоформатным кинотеатром (кстати, первым в области), рестораном с современным коктейль-баром, добротными магазинами. Со строительством жилья, правда, здесь еще далеко не все ладно. И хотя

первая очередь собственного домостроительного комбината уже пущена в эксплуатацию, в вагончиках и тех же балках пока еще живут тысячи людей.

Нет слов, строительство города неоправданно затянулось. В этом году введен в эксплуатацию последний, девятый, газосборный пункт на Медвежьем, большинство строительных подразделений передислоцировались в район Уренгоя — будущего города газодобытчиков, а Надым все еще решает свои проблемы. И не будет ошибкой сказать, что они идут оттуда — с самого начала строительства, с тех незапамятных дней десятилетней давности. Нечеткость программы, с какой началась застройка города, в конце концов дала себя знать вполне определенно: до сего дня так и не решены окончательно вопросы теплофикации, инженерных коммуникаций, связи. И барьером на пути насущно

необходимого для жизни горожан встала все та же пресловутая ведомственность.

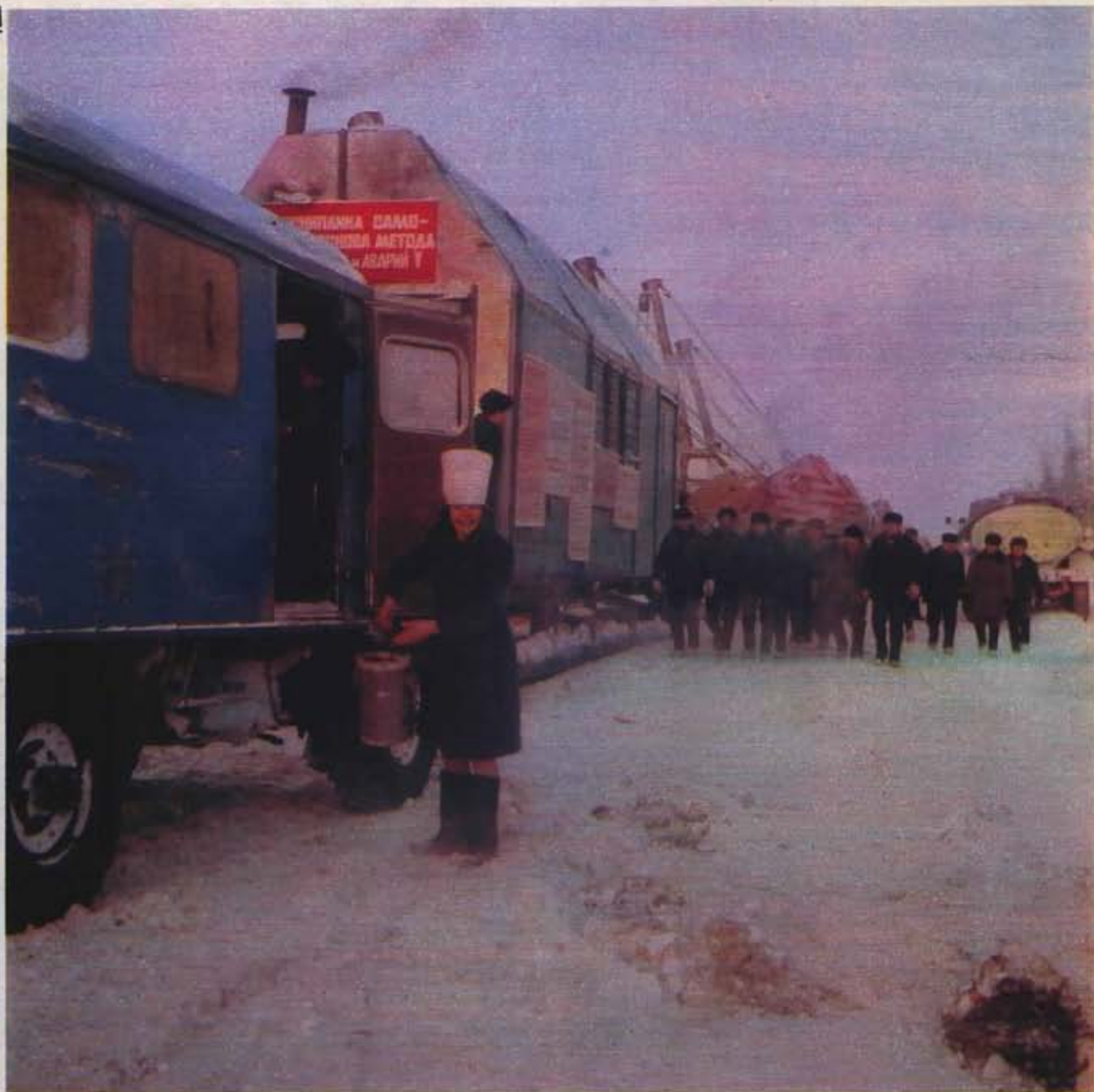
Вот, скажем, телефонная связь. Сегодня в городе действуют три ее вида — так называемые «газсвязь», «стройсвязь» и «минсвязь». Первая принадлежит объединению «Надымгазпром», вторая — тресту «Севергазстрой», третья — Министерству связи СССР. Казалось бы, единственно полонправным хозяином связи в городе должна быть организация, представляющая Министерство связи, да не тут-то было! В объединении «Надымгазпром» и слушать не хотят о единой телефонной сети, отмахиваясь от всех предложений таким, с позволения сказать, аргументом: «А нас своя связь вполне устраивает». Более чем странно... В городе такая сложная, а главное — некачественная связь, что дозвониться иногда с телефона, скажем, «стройсвязи» до абонента,

ГОРЯЧИЙ ОБЕД ПРИБЫЛ НА ТРАССУ.

имеющего телефон «газсвязи» или «минсвязи», попросту невозможно. И проблема не решается.

Подвели надымские строители город и с энергоснабжением. Да так подвели, что стыдно должно быть им не только перед Надымом, но и перед Тюменью. Дело в том, что тюменские судостроители, прекрасно сознавая, каков дефицит электроэнергии в Надyme, обязались досрочно изготовить для города знаменитую плавучую электростанцию «Северное сияние» (ПлЭС). Это пятая по счету электростанция, которую начали строить тюменцы, четыре предыдущих какой уже год с успехом эксплуатируются в различных районах Крайнего Севера. Судостроители работали действительно по-ударному, чтобы успеть закончить строительство электростанции к лету 1978 года и за время короткой

В ЦЕНТРЕ ВСЕГДА ОЖИВЛЕННО. В НАДЫМСКОМ ОБЩЕЖИТИИ.

северной навигации переправить ее в Надым. Они с честью справились с поставленной задачей. В июле позапрошлого года ПлЭС прибыла в Надым. Встречать ее ездил, наверное, весь город. Тогда строители Надыма не скупались на обещания, что к зиме электростанция будет подключена к наземным сооружениям и город будет иметь электроэнергию в избытке, а значит, и тепло. Ничего этого они тогда не сделали. До сего дня на объектах обустрой-

ства плавучей электростанции идут общестроительные работы.

Много еще в Надyme всяких недочетов. И тянет меня в очередной раз прилететь в Надым не потому, что он мне так уж люб, как город. Я лечу к его людям — геологам, строителям, промышленникам, шоферам, — ко всем тем, кто в кратчайшие сроки сотворил грандиозное дело: открыл и поставил на службу Родине одно из крупнейших газовых месторождений Севера. Им, к сожалению, в годы самой трудной работы не пришлось пожить в городе, которого они были достойны. Чья уж тут вина, виноватые знают... И потому очень хотелось бы, чтобы уроки Надыма не прошли даром для строителей нового города на севере Тюменской области — Уренгоя. Они ведь в большинстве своем прошли через надымское горнило, и надымские «раны» надо полагать, у них еще не зарубцевались.

...Север есть Север. Когда-то мы еще доживем до городов под куполами. Сегодня, как и вчера, Север испытывает людей на мужество, выдержку и, если хотите, любовь к нему. Без любви к Северу в этих краях не прижиться. А приживешься — обязательно скажешь что-нибудь вроде того, что сказал один мой тамшний знакомый:

— Благодать-то какая! Выйдешь раненько поутру за город, на озеро, лежит оно все как зеркало, млеет, не шелокнется. И такая тишина кругом, такие тихие краски, что в тебе того и гляди художник проснется...

ДУША ДВИЖЕНИЯ — ДВИЖЕНИЕ ДУШИ

Автобиографии

Галина УЛАНОВА,
народная артистка СССР,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской и Государственных премий

До сих пор я часто вижу сны, когда вдруг что-нибудь танцую или репетирую что-то новое. Это, наверное, естественно для человека, который всю жизнь в балете. Иногда меня спрашивают: кем бы вы хотели стать, если не были бы балериной? Мне трудно ответить. Нашей профессии начинают учиться очень рано. В восемь лет я поступила в Ленинградское хореографическое училище, потом — театр... Не знаю, призвание это или не призвание? Не могу сказать, чтобы я была счастлива, когда меня отдали в училище: я не хотела танцевать. Мои родители — Мария Федоровна Романова и Сергей Николаевич Уланов — балетные артисты: я видела все трудности профессии. Время было тяжелое — 20-е годы — разлука, голод, холод. А в балетной школе — интернат, меня и отдали туда, дома не с кем было оставить.

На протяжении шести лет я училась в классе у своей мамы, а три последних года занималась у Агриппины Яковлевны Вагановой. Родители оставались, конечно, моими самыми взыскательными воспитателями. Им я благодарна своей первой, очень важной школой. Люди они были простые, преданные искусству, трудолюбивые.

Мама на уроках становилась придирчивой, требовательной, не прощала ни малейшей погрешности в танце. Так же относилась она и к моим выступлениям на сцене. Я знала: похвалит только за дело и скажет обо всех моих ошибках. Мама была строгим судьей и добрым другом не только для меня — для всех своих учениц. Папа со мной танцевать специально не занимался. Но тоже всегда все подмечал. Он был немногословен, но его вскользь оброненное замечание, а иногда просто неодобрительный взгляд заставляли сразу проверить себя, подтянуться. Зато как радовало его редкое одобрение! Помню — это было после войны, тогда я уже работала в Большом театре, — приехала в Ленинград танцевать Джульетту. Папа впервые смотрел меня из зала. И вот после спектакля я услышала: «Вот ты, оказывается, какая!» В устах папы это означало высшую похвалу.

Что мне с самого раннего возраста прежде всего привили родители, так это чувство долга! Мама, может быть, в какой-то степени относилась и сурово ко мне, хотя меня, единственного ребенка, конечно, любили. Как и все дети, я бывала и непослушная, и капризная, и всякая, но подсознательно у меня это чувство было: долг! «Вот сейчас мы тебя кормим, одеваем, а что ты будешь без нас, если у тебя не будет профессии?» — так родители всегда говорили.

Сказать, что полюбила балет сразу? Непросто полюбить то, что трудно. А трудно было всегда, это у всех в нашей профессии: то болят ноги, то что-то не получается в танце. Выпускной спектакль — «Шопениану» — я танцевала с подвернутой ногой. Как сейчас помню, у меня резиновый носок был надет...

Чем я только не болела в детстве! Очень слабый был организм. Всеми болезнями, наверное, какие существуют — корь, скарлатина, свинка, краснуха, желтуха, бесконечные ангины, — переболела. Позже папа мне рассказывал, что рабочие сцены

говорили: как это вы разрешаете своей дочке танцевать, у нее ноги-то подламываются, такие тоненькие...

Когда кончала школу, что-то уже начало получаться, как-то меня признали, попала в лучшие ученицы. Выпуск наш в 1928 году был небольшой, но только троих приняли в театр. Помню, когда я получила свою первую зарплату, то не знала, что с ней делать. Побежала в кондитерский магазин и для бабушки купила десяток пирожных. Куда еще истратить? Говорю: мама, возьми деньги. А сама подумала: меня приняли в театр, мне дали хорошее место в спектакле, и еще за это деньги платят?! Навивно? Навивно! Но так мы были воспитаны. Раз уж кончила балетную школу, значит, должна стараться — работать в этой профессии. Так оно и полюбилось постепенно, но полюбилось через боль...

Первая моя сольная партия — принцесса Флорина в «Спящей красавице», и в этот же первый свой сезон, уже в феврале, я танцевала Одетту-Одиллию в «Лебедином озере». Тогда у нас в Ленинграде было всего несколько молодых солисток. Конечно, в наших выступлениях были и недостатки, но нас буквально «бросали» на спектакли. И на этом мы крепили. Помню, Федор Васильевич Лопухов — известный балетмейстер, наш художественный руководитель, — говорил про меня: ничего, пусть падает! Он видел, что на репетициях я как-то справляюсь, а как выхожу на сцену — безумное волнение, одно движение не выходит, другое не выходит, иногда и упасть могу. По советам говоря, кроме страха, в первые годы ничего на сцене не испытывала.

Танцевала я и классику и современные балеты. Аврору в «Спящей красавице», Царь-девицу в «Коньке-Горбунке», Машу в «Щелкунчике», Сольвейг в «Ледяной дева», Комсомолку в «Золотом веке» на музыку Шостаковича. Разные партии — лирические, экспериментальные, даже акробатические, как, например, в «Золотом веке». В балете этом я была комсомолкой, спортсменкой, танцевала танец с пятью кавалерами, тоже спортсменами. Они меня всячески подбрасывали, буквально до потолка. Верхние поддержки, как мы говорим, были чисто акробатическими. Трудными и непривычными. Тогда еще на сцене они не исполнялись...

В первые годы я танцевала все, что мне поручали: моя роль, не моя — тогда этого я и не понимала. Работала, а любая работа, если она и не совсем удачная, все равно приносит свои результаты.

Постепенно понималось, что профессионализм — это не только танцевальная техника. Выходя из балетной школы, мы были хорошо выучены танцу, но нельзя сказать, что были очень образованны. Жизнь в стране только налаживалась, входила в мирную колею, не до гармоничности в образовании было. И большое счастье, что я познакомилась с действительно замечательными людьми. Вообще многое в моем характере, мироощуще-

ни подсказано не только обстоятельствами собственной судьбы, но умом и талантом людей, общение с которыми оставило неизгладимый след в жизни. Например, дирижер Александр Гаук старался приобщить нас к серьезной музыке. Бах, Моцарт, Бетховен, Чайковский, Рахманинов, Лядов — все мы тогда переслушали в Ленинградской филармонии. Для меня музыка — особое, может быть, высшее искусство. Она действует своими, какими-то заколдованными звуками. И нельзя, по-моему, ее разбирать, из каких там нот она состоит. Она все действует на тебя. Только надо научиться ее слушать...

Бывала я постоянно и на спектаклях в Александрино — так тогда назывался Театр имени Пушкина. В те же годы я познакомилась с семьей Тиме-Качаловых. Елизавета Ивановна Тиме, известная драматическая актриса, и ее муж — Николай Николаевич Качалов, крупный ученый в области технологии силикатов... Образованнейшие, интеллигентнейшие люди, очень радушные, открытые. Дом у них всегда был полон друзей. Туда приходили артисты, художники, писатели...

Там впервые я увидела Алексея Николаевича Толстого, и он ошеломил меня своей жизненной энергией, своей «крупностью» во всем, что бы ни делал. Если он рассказывал, то шумно, со страстью, загораясь и забывая обо всем на свете. День ли, ночь ли — голос его «гремел». Если смеялся, то до слез, так заразительно, что никто не мог удержаться от смеха. Если садился за стол, то даже самую простую еду ел так аппетитно, что и другим сразу хотелось попробовать. Редко встречаются люди, которые умеют так ощущать радость жизни и сами так полно, ярко жить. Мне, живущей в режиме бесконечных запретов, непривычным казался подобный жизненный размах. Поначалу я даже как-то робела и сторонилась. Но обаяние Алексея Николаевича было магическим, и моя робость прошла.

В доме Тиме-Качаловых мне посчастливилось встретить выдающихся людей театра — Корчагину-Александровскую, Юрьева, Певцова, Мейерхольда... Я слушала их и буквально всасывала все, как губка. Нередко возникали разговоры и о балете. Многие любили балетное искусство, но особенно страстной его поклонницей была Елизавета Ивановна Тиме, она всегда бывала на моих спектаклях. А потом устраивала со мной целые обсуждения: как сделать роль, чтобы создать глубокий образ, осмыс-

ленный характер. Я не сразу Елизавету Ивановну понимала, но постепенно ее советы, замечания входили в мое сознание, в мою балетную работу.

В те годы балетмейстеры только начинали обращаться к большой литературе, к серьезным темам. Один из первых таких спектаклей — «Бахчисарайский фонтан», первый пушкинский балет на советской сцене. Его ставил молодой в ту пору балетмейстер Ростислав Захаров вместе с режиссером Сергеем Радловым. Для нас в «Бахчисарайском фонтане» все было новым. Мы привыкли к чисто классическому танцу. А здесь танец сочетался с игровыми сценами, которые имели конкретный, точно определенный смысл — без той условной пантомимы классики, которую мы знали. Мария, Зарема, Вацлав, Гирей обретали живые человеческие характеры. Мы не сразу поняли, как это сделать, мучились, искали и постепенно учились.

В 1934 году состоялась премьера «Бахчисарайского фонтана». Пришел успех, о спектакле много писали. Потом — «Утраченные иллюзии» по Бальзаку. И там тоже было много режиссерских, игровых актерских находок, хотя танцевально спектакль оказался не очень удачным. Но и он нам помог в дальнейшей работе. Не будь тех постановок, тех же «Утраченных иллюзий», нам бы не сделать сразу «Ромео и Джульетту». В постановке Леонида Лавровского сказало лучше, что накапливалось годами.

Помню, мы очень смущались при встречах с композитором Сергеем Прокофьевым. Считали себя перед ним ребятами. Он казался нам очень строгим, насулпленным, суровым. И только позже поняли, что это милейший, очень добрый и мягкий человек. И после премьеры, когда мы его вытягивали на сцену, он кланялся с какой-то застенчивостью, и глаза у него были совершенно детские — веселые и счастливые.

Вообще-то работа над «Ромео» была трудной. Музыка Прокофьева мы почувствовали не сразу. Поначалу она казалась нам нетанцевальной, неудобной. Приходилось даже считать, чтобы попасть в такт. А ведь еще надо раскрыть образ, понять и Шекспира и Прокофьева. Прокофьевская Джульетта романтична, шекспировская — скорее земная. Мне же надо найти свою Джульетту, которая бы сочетала и то и то...

Уже после «Ромео» Прокофьев как-то спросил меня: «Что бы вы хотели еще станцевать, что мне написать для вас?» Я говорю: «Мне бы хотелось «Снегурочку». «Ну что вы, Снегурочку! Разве я могу ее написать?! Снегурочку писал Римский-Корсаков! Давайте я напишу вам Золушку...»

Спектакли тех лет давали нам, артистам балета, истинные драматические навыки. То главное от прежнего не пропало и сегодня, оно вошло в современные спектакли. Это и есть вечное движение искусства. Одно дополняет другое, поддерживают, влияют, и рождается новое качество.

«Шопениана» была моим выпускным спектаклем, в ней же, так случилось, я выступила в последний раз на сцене Большого театра в декабре 1960 года... «Жизель» я танцевала всю свою артистическую жизнь, несколько меньше — «Лебединое озеро».

Мне кажется, «Лебединое» — это балет для молодых. Можно сравнить: как, скажем, в спорте бывает обязательная программа, так «Лебединое» — одна из обязательных программ в классическом балете. Спектакль так хитро поставлен, что он выявляет балерину. После этого спектакля можно сказать, на что она способна. Как известно, у балерины здесь две роли — разные. Похожи или не похожи Одетта и Одиллия? Наверное, все-таки в чем-то похожи, раз принц их спутал. Так бывает и в жизни: знаешь человека, но остается в нем какая-то тайна, недосказанность. Так и в этих двух ролях... Конкретно разложить характер нельзя. Разберешь, и все очарование исчезнет как дым, разлетится...

Как возникает то, что называют выразительностью, осмысленностью танца? Объяснить это в общем невозможно. Тут важны нюансы. Важно, насколько тонко танцовщик чувствует танец и, конечно, музыку. Когда говорят о слитности танца и музыки — это не общая фраза, но прочувствовать эту слитность очень трудно. Вот знаешь свой танец, знаешь, как должна делать те или иные движения, но вдруг по музыке чувствуешь — «просится» еще какой-то, ну, скажем, вздох. И все становится иным. Те же движения, но уже и не совсем те. Быть может, это ясно только специалистам, но из танцевальных нюансов состоит содержание балетного образа. Сюда входит все то, что ты в жизни передумала, чему удивилась... Не впрямую — сложное. Это не значит, что вот танцую Марию — читаю Пушкина, Джульетту — читаю только Шекспира. Неожиданные могут быть ассоциации. Скажем, есть несомненная перекличка между Тао Хоа в балете «Красный цветок» и характером русской женщины, пришедшей в революцию.

Для меня, например, связаны между собой музы-

ка и природа. И та и та не могут быть поняты до конца, и обе удивительно на тебя влияют, завораживают. И природу, как музыку, надо научиться видеть и слышать. Настолько она неповторима и загадочна... Люблю цветы. Гвоздика мне особенно дорога тем, что она не увядает так, как другие цветы, а постепенно как-то, незаметно уходит из жизни. То ли это еще бутон, то ли уже конец... И музыка и природа дают не только эстетическое наслаждение, но, если хотите, и философское ощущение жизни. Сколько природа существует, сколько она «видела», сколько перед ней «прошло», а она невозмутимо на все «смотрела». Она прекрасная, но и жестокая.

Говорю о природе — опять вспоминаю родителей. Они научили меня понимать и чувствовать природу. Они не говорили: «Ах, посмотри, какая красота!» Но папа брал меня на рыбалку, на охоту... И я с детства различала голоса птиц, знала, когда прилетают утки, когда выводят птенцов. Меня приучили не бояться леса, глубокой воды, длительных походов. Свой отпуск родители обычно проводили под Петроградом — в деревне на берегу озера Шир, окруженного чудными лесами. Меня увозили туда в мае, и до сентября я была там. На моих глазах распускалась черемуха, расцветала сирень, потом колосилась рожь, цвели васильки... Мы ходили на сенокос, я плавала, гребла, стреляла из лука... И когда меня спрашивали, кем я хочу быть, отвечала: «моряком». До поступления в школу меня, чтобы не было жарко, летом брили наголо, одевали в какие-то мальчишечьи штанишки. Я становилась похожа на мальчика да и была довольно озорным, веселым ребенком... Потом, уже взрослой, я долгие годы ездила отдыхать на озеро Селигер. И еще очень любила крымский Коктебель. Разные, непохожие места, каждое привлекает по-своему... Коктебель — море, горы, дикий вольный простор. Все здесь величественно и сурово... А Селигер — зачарованный край. Байдарка, заросли камышей, белое «поле» кувшинок... Я брала в байдарку патефон и уплывала одна далеко-далеко, в какую-нибудь уединенную заводь, слушала там пластинки. И удивительно сливались музыка и лесные шорохи, плеск воды... Тут всякие фантазии приходят в голову... Нынешней осенью, после долгого перерыва, я снова была на Селигере и снова за веслами вспомнила давние маршруты...

Все впечатления жизни, искусства, природы собираешь внутри себя, вроде как в свою «заветную шкатулку». И важно хранить это, не расплескивать, не разбазаривать. А потом все это в твоём искусстве обязательно как-то скажется...

Когда обо мне говорят какие-то хорошие слова, не могу сказать, что это неприятно, конечно, лучше, если хвалят, а не ругают, но происходит все потому, что мы были первыми... Нам довелось первыми какие-то вещи делать. Кого же видели? Нас. Значит, мы и запомнились — какая бы, к примеру, и я ни была — хуже или лучше...

Мы первыми показали наши спектакли за рубежом. В 1956 году в Англию впервые поехала труппа Большого театра. Кого же видит? Нас. О нас и заговорили. Сейчас зарубежные гастроли уже привычны для всех театров. А тогда каким это стало событием...

Первый наш спектакль в Лондоне — «Ромео и Джульетта»... Помню, мы подсматривали из-за занавеса: что за публика, какие они, лондонцы? И — представляете?! — волосы розовые, синие, золотые; наряды, смокинги в зале, невероятные вечерние платья, причудливые шляпы... Казалось, вроде не там, где мы, сцена, а там, где они, сцена.

Начался балет, закончился первый акт, закрылся занавес, и мертвая тишина. Мы решили: все. Кончено. Тишина — в зале, тишина — на сцене. Провалялись! И не знаем: открывать занавес или не открывать? Наверное, прошли секунды, но они были безумно страшными. А потом обрушился шквал аплодисментов. Мы открыли занавес и увидели: весь зал стоит. Куда девалась неприступность этой чопорной публики!

Мы выходили из артистического подъезда, длинной шеренгой стояли полицейские, и все равно мы не могли пройти, нас ждала толпа зрителей, нас буквально цупали: живые ли мы, настоящие ли. И так — все дни гастролей. И оказалось, что лондонские зрители и веселые, и любопытные, и дружелюбные...

Случалось ли, что я бывала целиком довольна своим выступлением? Редкие, редкие случаи, когда на сцене вообще забывала сама себя — где нахожусь, что делаю. Это самые счастливые для актера минуты. Но, по-моему, никогда ни у кого не бывает, чтобы получалось все. У себя не помню такого...

...Хотелось станцевать балет о наших современниках. Немножко мне довелось показать современность в «Красном цветке». По существу, единственный балет, куда я вложила все то, что думала об образе современницы. Партия Тао Хоа нравилась

тем, что в ней были героические, если хотите, социальные черты, в какой-то степени это непривычно в сравнении с другими моими ролями.

А как хотелось станцевать спектакль на русскую тему — о русском человеке, о русском характере! Не знаю, что это могло бы быть. Тургенев, Чехов... Но в мое время такого балета поставлено не было. Замыслы были. Но, к сожалению, мне не пришлось их осуществить. Не осуществилась для меня и «Жанна д'Арк». Мы уже работали над этим спектаклем, ставился он в Театре имени Станиславского и Немировича-Данченко, но просто нелепость помешала... В свое время случались трагикомические вещи. Вот случай, скажем, при сдаче «Жизели»: нас просили сделать вместо могилы скамейку, как в парке культуры, на которой Альберт мечтает, а Жизель в грезах ему кажется. Удивлялись, что Жизель умирает, да еще в балете — кладбище? Бывали такие курьезы...

В роли Жанны д'Арк мне интересно то, что героиня одержима. Одержима верой. Она, а не кто-то другой может совершить такое, что переменит жизнь людей. В то время люди были религиозны, конечно. Но главное — внутренняя ее вера, и не важно, кем-то слыше или не слыше она внушена. И этим, мне казалось, стал бы интересен, глубокий спектакль — благоговением перед одержимостью. А не просто брать шпагу и сражаться. Конечно, это тоже очень достойно, но то другая одержимость. Короче говоря, долго спорили. Общей точки зрения не нашли. Я отказалась от роли, хоть и прорепетировала уже весь первый акт. Стало неинтересно делать прямолинейный образ, хотелось более сложный, нелобовой, психологический смысл вытянуть из роли.

Мне очень хотелось станцевать «Снегурочку» — не просто сказку. Любовь, которая растворяет человека... Есть какие-то вещи, испытываю которые, человек теряет себя. Недозволенные как бы. Все в жизни, казалось бы, достигнуто, и вдруг человек теряет все. Вот так хотелось почувствовать, поискать...

Говорят, в театре, в балете особенно, существует понятие амплуа. Но сейчас я думаю, что нужно пробовать разное.

К примеру, сейчас я репетирую с ученицами «Дон Кихот» и показываю то, что сама не танцевала. А когда начинаю показывать, сама полупробовать, как мы говорим, вполноги, то, в общем, мне кажется, что, наверное, я это смогла бы. Работая с молодыми, делаю как бы то, что не сделала сама... Я намного их старше. Они мне могли бы быть и детьми и внуками... Но я не очень чувствую разницу, мы находим общий язык. Уже двадцать лет я педагог-репетитор, но, пожалуй, метода, как такового, какой-то специальной разработки у меня нет. Интуитивно находишь что-то в зависимости от того, с кем работаешь. Они уже сами народные, заслуженные, лауреаты — Нина Тимофеева, Екатерина Максимова, Владимир Васильев, Светлана Адырхаева, Людмила Семеняка, Ирина Прокофьева, Нина Семизорова. Несколько раз в год ко мне приезжает на занятия из Душанбе Малика Сабирова. Так повелось с тех пор, когда она приехала в Москву перед конкурсом в Варне и я помогла ей подготовиться к выступлениям.

У каждой балерины — свои природные данные, свой темперамент, способности, и работаешь с ними по-разному. Я стараюсь понять их и помочь им понять самих себя. Конечно, мы упорно отработываем технику танца, безукоризненная техника просто необходима. Без нее о создании образа и говорить не приходится. А бывает: всю репетицию говорим, говорим, советуем, вместе думаем о характере героини предстоящего спектакля. И в разговорах рождаются какие-то истины, придумываются какие-то новые мотивы, штрихи роли. Но... их надо выразить танцем. Как? «Покажите», — говорит мне. Я немножко подсказываю, но стараюсь не показывать полностью, иначе невольно скопируется. А им нужно найти свое, самим думать, искать. Приходится как-то балансировать — направить, а потом дать творческий простор. И характер у каждой балерины свой: одна очень увлекается, другой все быстро надоедает, одна трудолюбива, другая не прочь полениться... И это учитываешь. Если уж говорить о методе, то для каждой балерины, с которой я занимаюсь, нужен свой индивидуальный метод. Они танцуют разные партии, разные спектакли. И каждый раз мысленно я танцую вместе с ними...

Я смотрю каждый спектакль, когда танцуют мои ученики. Как педагог, замечая, где и что неладно. Но иногда вдруг неожиданно для себя отвлекаюсь и смотрю просто как зритель. Вот это — большое счастье. Случается такое, когда есть главное — настоящая одухотворенность, это притягивает, и уже не важно тогда в отдельности одно движение, второе, третье... В этом смысл нашего искусства, как я его понимаю. Во имя этого и работаешь.

Как это делается...

РОСТОВСКАЯ ФИНИФТЬ

Руслан АРМЕЕВ.
Фото Сергея ВЕТРОВА

Я возвращаюсь к тому, теперь уже далекому времени, когда впервые услышал — «ростовская финифть». Ощущение было такое, будто бежал по ровному полю или лугу, и вдруг откуда ни возьмись выросло передо мной кряжистое дерево, и я со всего маху ударился в него лбом. «Ростовская» означало для меня мягкий, ровный луг (я уже тогда пару раз был в Ростове, хорошо изучил его уютные улочки, даже катался на лодке по озеру Неро и заметил, как спокойно глядятся в воду вековые башни, стены и купола кремля). А вот слово «финифть», впервые услышанное, стало для меня, подростка, тем самым загадочно выросшим на пути деревом. «Фимиам» — это я знал, его надо «курить». «Финики» — это плоды, которые растут где-то в Африке. С детства знакома была сказочная птица Феникс. А вот финифть, да еще ростовская...

Теперь, когда я знаю, не заглядывая в БСЭ, что финифть — древнерусское название художественной эмали, а пришло это слово в наш язык более тысячи лет назад из древнегреческого, где несколько в другом звучании означало «светлый, блестящий камень», — даже теперь я люблю наблюдать за поведением людей, встречающихся с этим не-

обычным словом впервые. Их реакция похожа на мою, тогдашнюю...

И люблю также, приехав опять в Ростов Великий, бродить по его зеленым улочкам и повторять это сказочное словечко, которое прошло-прокатилось через века, через поколения и вот, пожалуйста, вручено теперь нам: владейте, вдумывайтесь, любуйтесь, не забудьте — финифть!

На первый взгляд может показаться, что художественная эмаль — дело нехитрое. Но это только на первый взгляд. Заниматься финифтью дома, (я уже, вы вряд ли сможете. Несколько лет назад приехали в Ростов умельцы из Великого Устюга — чтобы посмотреть, поучиться и наладить такое же производство у себя на заводе. Пристально все изучили, тщательно осмотрели, вернулись домой, и... ничего у них не вышло. «Воздух, что ли, там особый?!» — говорили в сердцах. — Не возить же его из Ростова!) Конечно же, дело не в воздухе (хотя чистота в финифтяном производстве требуется особая), дело — в руках. Долго бились устюжане, насажали себе шишек и мозолей, пока и у них стало кое-что получаться. Финифть не любит панибратства!

Ну, а сейчас мы идем на фабрику «Ростовская финифть», попробуем разложить финифтяное священнодействие на операции и этапы. Первачи на нашем пути — цех слесарный. Будущие притягательной красоты изделия начинаются

ладонь и больше, идет в ход другой лист, биметаллический. В нем два слоя меди, а между ними — слой стали, и общая его толщина — 0,8 миллиметра. Нарезанные таким образом, выгнутые и зачищенные пластинки отправляются на белодельный участок — для сплошного покрытия эмалью.

В Ростове — эмаль живописная, расписная. Специалисты утверждают, что искусство эмали пришло к нам из Византии. Но вот любопытный факт: проводя раскопки в Киеве, около Десятинной церкви, археологи нашли остатки трех ювелирных мастерских, а в них — большие куски эмалевой массы, тигли с кусочками эмали. Значит, уже в Киевской Руси были свои непревзойденные мастера — финифть употреблялась и для женских украшений (делались, например, колты — предшественники серег) и для отделки интерьеров, чаще всего церковных. А вот строчки из Ипатьевской летописи 1175 года: «... великий князь Андрей Суждальский, внук Володимир Мономах... сотвори церковь и украси ю иконами многоценными, златом и финифтом...» То есть финифтью.

Тут надобно еще сказать, что финифтяные изделия по способу закрепления, расположения на них эмали весьма различаются. Один из самых сложных видов — перегородчатая эмаль. Этим искусством прекрасно владели в Древней Руси. На металлическую пластину, которая сама по себе служит в Ростове фоном — основой для эмали, припаивались на ребро тонкие, узкие металлические полоски-ленточки, образуя тот или иной узор. Ячейки между полосками заливали эмалью разных цветов.

Для выемчатой эмали брали металлическую пластину потолще и делали в ней, согласно рисунку, углубления, в которые и заливались эмаль. Порой в каких-нибудь сложных изделиях употреблялись оба этих способа: в углубле-

СКАНЬ — ОСНОВА БУДУЩИХ ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЙ. ИЗ ЭТОЙ ВИТОЙ ПРОВОЛОКИ ДЕЛАЕТСЯ СКАНЬ.

В МУФЕЛЬНОЙ ПЕЧИ ФИНИФТЬ ПРИОБРЕТАЕТ ОСОБУЮ ПРОЧНОСТЬ, РОСПИСЬ СТАНОВИТСЯ ЯРЧЕ. СОЧНЕЕ.

ВСЕГО ОДИН-ДВА БЕЛИЧЬИХ ВОЛОСКА — ТАКИМИ КИСТОЧКАМИ РАБОТАЮТ ХУДОЖНИКИ.

ниях пластины наплавались на ребро медальонные ленточки, образуя свой рисунок.

О видах эмали можно рассказывать долго. Есть еще эмаль по скани, по литью и резьбе, по чеканному, литому или штампованному рельефу, бывает эмаль прозрачная (оконная), поливная... Впрочем, это уже из специального трактата. А мы тем временем стоим у двери с табличкой «Посторонним вход воспрещен». Значит, пришли мы правильно—это белоделный участок.

Несмотря на строгую табличку, нам сегодня войти можно. Первое ощущение, как войдешь,—жарковато. Здесь стоят две электропечи—муфели, внутри которых по 800 градусов. Иван Дмитриевич Амирица, бригадир эмальеров, протягивает нам увесистый камень ослепительно белого цвета. Это, оказывается, и есть эмаль! Она изготавливается на Дулевском фарфоровом заводе, под

рые, поздно—сгорают. Еще заглянул—пора! Жародышащий поднос отправляется на металлический стол—остывать. Матовый прежде порошок расплавился, заблестел, облил всю пластинку. Маленькие кружляшки остывают быстро. Теплый, гладкий, блестящий и выпуклый кружочек весело катается у меня по ладони. Оказывается, и с внутренней стороны он уже покрыт слоем эмали—чуть присиненной.

— Это контрэмаль, — поясняет Иван Дмитриевич, — для прочности изделия, для того, чтобы потом, при повторных обжигах, пластинка не коробилась, чтобы лицевая эмаль не треснула, не отлетела... Ну, а теперь все надо повторить сначала: наложим еще слой жидкой эмали и—в муфель...

«Как золотожелтую финифть делать,—читаю я один из старых, сохранившихся рецептов.—Возьми 3 мерки сурику, 3 мерки сурмы, да 1 мерку

переносится контур рисунка, и начинается роспись. Первый этап носит название малевка. Предположим, что сейчас в работе небольшое панно с видом Ростовского кремля. Расписывают сначала фоны—зеленый берег, синее озеро, голубое небо, желтоватые массивные здания и... в печь. Да, снова в муфель. Ведь краски, которыми делается роспись,—почти те же эмали, только разноцветные. При обжиге краски «опускаются», как бы утопают в белой эмалевой основе, спекаются с нею. И снова пластинка ложится на стол живописца, начинается выправка—тоновая разработка, то есть одни краски в соответствии с замыслом художника уславливаются, другие—гасятся. И опять—в муфель. И опять—на стол. Прорисовываются детали. И снова в печь. А из нее—на стол. Чем сложнее, многоцветней изображение, чем богаче оно полутонами, тем большее число обжигов проходит пластинка. В уникальных изделиях обжиг повторяется до семи раз! Не это ли воплощение самого терпения! И, кроме того, следует учитывать специфику огненной росписи: после обжига эмалевые краски несколько изменяют свои цвета, например, серый становится пурпурным. Это одно важное обстоятельство. Второе, не менее важное: разные краски обжигаются при разных температурах, и надо всегда помнить: при последующих обжигах употребляются менее тугоплавкие краски, чтобы не повредить предыдущую живопись.

За одним из столов работает живописец пятого разряда Евгений Фролов. Перед ним лежат сразу шесть плашек с видом Ростова Великого. Тонкой белочей кисточкой он прорисовывает детали сначала на одной, потом на второй, третьей пластинках... На столе перед ним—ваза, а в ней—живые цветы. Требование лирической души? Или предмет для рисования с натуры?

— Ни то, ни другое,—смеется Евгений.—День рождения у меня сегодня, вот... подарили.

— Ну, а все-таки как рождаются сюжеты для новых изделий? С натуры приходится рисовать?

— Рисуем с готового, утвержденного художественным советом образца. Но любой живописец может придумать что-то свое и предложить для серийного производства... Гена Анисимов—автор интересного панно «Ростовский кремль». Он излазил еще мальчишкой все ходы-выходы, все стены кремля. Если дух города вошел в твою кровь, натура всегда перед глазами.

Вообще же подготовка образцов новых изделий—это дело экспериментальной группы, в которую входят опытные художники Н. Куландин, А. Хаунов, ювелиры В. Солдатова, Л. Матакова.

Николай Александрович Куландин—фигура на фабрике заметная. Двадцать лет работает здесь. Создал немало вещей, которые объездили мир с различными выставками. Есть у него великолепные работы: панно «Князь Василько», «Ледовое побоище», триптих «Ростовские звоны». В его произведениях на народную бытовую тему—панно «Чаепитие», «Свидание», «Русская красавица»—присутствует что-то от лука, они подкупают улыбкой. Сейчас член Союза художников СССР Куландин работает над воплощением в финифти темы 600-летия Куликовской битвы. Но нет, не просто эти миниатюры даются.

— Придешь вечером домой,—признается Куландин,—глаза болят, красные, воспаленные. А на душе-то все же радостно...

Теперь нам пора зайти в ювелирный цех. А по пути—еще один небольшой исторический экскурс. В XVII веке финифть достигла своего расцвета. Из того времени до нас дошли прекрасные образцы ювелирных работ. Появляется живописная, расписная эмаль—сначала в Москве, потом в Сольвычегодске. На Севере, в Усолье, специализировались на изготовлении бытовых вещей—пуговиц, ножей, вилок, тарелок...

Московские умельцы выполняли в основном заказы церковников: парадные одежды, оклады к иконам и церковным книгам, церковная утварь. А уже в XVIII веке на арену выходят Петербург и Ростов. В мастерских при Спасо-Яковлевском монастыре Ростова Великого начали изготавливать финифтяные образки. Живопись по финифти становится настолько популярной, что в Петербурге при Академии художеств учреждается особый «финифтяный класс», руководителем которого становится придворный художник-миниатюрист, академик живописи Петр Герасимович Жарков. Ну, а Ростов поставляет всей России миниатюрные эмалевые иконки. Делали ростовские мастера и портреты-миниатюры, пробовали писать на темы фольклора, снимали копии с картин, но религиозных сюжетов было все-таки больше.

А после революции, уже в 1918 году, ростовские мастера-финифтяники объединились в артель и начали поиск новых тем, сюжетов, новых путей развития финифти. Появились значки, шкатулки, женские украшения, портреты и среди них такие работы, как «Ленин на прогулке», «Ворошилов на маневрах» (автор А. Назаров), портрет М. И. Калинина (автор Н. Дубков). В 30-е годы к ростовским мастерам приходит международное признание: выставки в Париже, Нью-Йорке. Потом были трудные военные и послевоенные годы и фактически новое рождение промысла. И золотая медаль на международной выставке в Брюсселе в 1958 году подтвердила: ростовской финифти жить, процветать! А в 1960 году артель финифтяников преобразуется в фабрику «Ростовская финифть», изделия которой находят нынче покупателей во всем мире.

А тем временем мы пришли в ювелирный цех. За столами-верстаками в ярком свете ламп склонились люди. До тысячи операций надо проделать при создании только одной сережки под названием «Розы».

Главные виды здешних ювелирных работ—скань и зернь. Скань (от древнерусского слова «скасть», то есть сучить, свивать)—это ажурные узоры из тонкой сканой (крученой, витой) проволоки. Зернь—крошечные, гладкие шарики, которые дополняют сканый орнамент. Моточки проволоки, свитой из двух или трех тонких, сплюснутая и обычная медная проволока поступают к ювелирам из слесарного цеха. Эти моточки, зернь, различные щипчики, корнцанги (пинцеты), тетрадная бумага в клеточку—вот, пожалуй, и все материалы и весь инструмент сканщика.

Римма Васильевна Морозова, бригадир ювелиров, набирает на листе бумаги «арматуру» сережки. Контур ее образуют свитые из сканой проволоки овалы—один в другом. А внутри их набирается узор из отдельных гнутых проволочек сечением поменьше. Крохотными плоскогубцами Римма Васильевна откусывает еще один кусочек проволоки, изгибает его по рисунку и монтирует пинцетом в орнамент сережки. Новые и новые детали появляются в узоре. Когда таких заготовок набирается много, их посыпают специальным припоем и паяют. Бумага сгорает, проволочки прочно соединяются друг с другом. Теперь сережки отправляются для отбеливки, а потом, после того, как их проверят ювелиры,—на участок гальваники, где им придадут вид старого серебра. Наконец ажурные изделия вынуты из гальванической ванны, их расчищают специальными щетками и снова отправляют к ювелирам, которые возьмут пришедшую от живописцев финифтяную пластинку с изображением пышных роз и укрепят ее на посеребренной основе сережки.

Все! Наконец-то все! Надо, правда, положить еще пару сережек в аккуратную коробочку, прикрепить к ним крохотный ярлычок-ценник, и вот уже ростовская финифть отправляется в путь, в жизнь.

ЛАРИСА САМОНОВА, ВЫПУСКНИЦА ЗНАМЕНИТОГО ФЕДОСКИНСКОГО УЧИЛИЩА, — СЕГОДНЯ ЖИВОПИСЕЦ «РОСТОВСКОЙ ФИНИФТИ».

окаины железной и стопи все оныя вещи вместе; потом разотри, стопи опять и так многожды повторай, то сделается совсем на золото похожий желтый цвет».

Заметьте: «и так многожды...» Терпения и настойчивости требует финифтяное дело.

Рецепты составления финифти и сейчас остались в общем-то без изменений. Помните, автор рекомендует добавить в состав железную окалину? Это для придания эмали желтого цвета. А что такое эмаль? Это особый сплав стекла, окрашенный в разные цвета окислами металлов. Окись железа (окалина) придает сплаву желтый цвет или цвет морской волны, окись олова—белый, окись меди—бирюзовый. Золото окрашивает эмаль в красный цвет, магnezия—в лиловый, иридий—в стальной, серый и черный.

И вот, наконец, пластинка, покрытая ровным, чистым слоем белой эмали, поступает в живописный цех—на роспись. Здесь много зелени, света, длинными рядами стоят столы, а за ними разместились живописцы. Наступает самый ответственный момент, ведь именно здесь рождается ростовская финифть, какой мы ее себе представляем.

По специальному эскизу на пластинку

Москвой; здесь ее размалывают, растирают с водой в мельчайший порошок. Получается вязкая масса, похожая на сметану. Ею аккуратно, тщательно покрываются медные пластины, предварительно зачищенные, протравленные,—те самые, что принесли из слесарного цеха. Эти пластинки собираются на небольших поддонах (будущих залонков на таком листе уместилось штук двести) и—в печь. Открывается дверка, из раскаленного, яркочерного нутра пышет жаром. Иван Дмитриевич легко поднимает поддон с залонками и направляет его в печную утробу. Надолго? Нет. Не прошло и минуты, приоткрыл дверцу, заглянул—рановато. Ну, точно, как хозяйка следит за пирогами: рано вынешь—сы-

СОЖЖИТЕ ВСЕХ!

Жан АРНО

РОМАН

Глава I

Густой туман окутывал дома и постройки небольшого поселка Гийоз. Лишь в самом конце тесной улицы пробивался неровный свет уличного фонаря. Чтобы припарковать машину, надо было миновать последнее строение там, где дорога расширялась. Здесь, перед бывшей прачечной, была даже земляная площадка.

Клер Руссе остановила свою старенькую машину и взялась за сумку. Ее бывший муж жил в центре поселка. Никто не встретился ей по дороге, нигде не горел свет, а ведь было всего 8 часов вечера. Клер подумала, что жители поселка в темноте смотрят телевизор и чувствуют себя как в кинозале, одновременно экономя электроэнергию.

Застекленная дверь бывшей бакалейной лавки легко открылась. Пьер Давьер устроил мастерскую на первом этаже, вмонтировав свой станок для обработки дерева среди полок, еще сохранивших запах кофе и шоколада. Какая нелепая идея похоронить себя в этом мрачном поселке, когда он легко мог бы подыскать старую ферму где-нибудь на природе. Автомобили, изредка проходившие через Гийоз, наполняли поселок невыносимым грохотом, а грузовикам с трудом удавалось вписаться в крутой поворот. Днем можно было заметить следы автомобильной краски на отбитых углах домов, царапины на фасадах.

— Пьер, ты здесь?

Клер зажгла свет в мастерской, взглянула на различные предметы, которые ее бывший муж выгачивал из дерева: забавные коробочки, кухонная утварь, примитивные статуэтки.

— Пьер! — позвала она сорвавшимся от волнения голосом.

Сверху послышались шаркающие шаги, и Клер обратила свой взгляд к потолку. Еще раньше ее бывший муж начал обкладывать пол стекловатой; холод от земли доходил до комнат второго этажа.

— Я здесь.

«Странный голос, — подумала Клер. — Наверняка простудился. Топит ли он хоть?» Поднимаясь по лестнице, она взглянула на штабель дров. Их было немного, а у Пьера, наверное, нет денег, чтобы купить еще.

В потоке света, двигающемся ей навстречу, она увидела Пьера, закутанного в одеяло.

— Ты заболел?

— Прямо подыхаю... Я знал, что ты приедешь... Сегодня утром у меня только и хватало сил позвонить из Шаламона.

— Из Шаламона? Но этот твой симпатичный сосед, у которого телефон...

— Их, наверное, нет дома. Я не достучался... Знаешь, зимой люди... Да еще этот туман, который идет к нам с прудов.

— С твоим бронхитом тебе нельзя было здесь сидеть.

Поежившись, Пьер закрыл дверь. В помещении стояла невыносимая жара. Огонь горел не только в камине, топила еще и печь в центральном коридоре.

— Не слишком ли тепло? — спросила Клер. — Ты чересчур сильно топишь.

— Я мерзну. Постоянно дрожу от холода, и у меня что-то с желудком...

— Должно быть, съел какую-нибудь гадость.

— Не знаю... Возможно, из-за воды... Если хочешь пить, возьми «Эвиан»¹, я купил целый ящик.

Она удивилась. Пьер любил все натуральное, даже разводил за домом на научной основе огород.

— Ты говорил, что в поселке прекрасная вода.

— Должно быть, в нее попал навоз... или инсектицид... Недалеко от источника есть большой сад...

Он сел в старое вольтеровское кресло возле камина.

— Хочешь чего-нибудь? Кофе?

— Лучше чай. Если ты голодна, есть паштет, колбаса и хлеб... Но вина у меня нет...

— Сделать грог?

— Черт! Нет... У меня весь желудок горит.

Скинув дубленку, Клер поставила кипятить воду. Тут Пьер рассердился; таким она его не знала. Обычно он был спокоен, проявляя безучастность, которая часто превращалась в холодность. Это и было главной причиной их разрыва. Она не могла жить с человеком, всегда затворенным, словно устрица.

— Возьми «Эвиан».

— Но я же прокипячу?

— Возьми «Эвиан».

— Как хочешь...

Потом, чтобы сменить тему, она заговорила о Стефане, их двухлетнем сыне.

— Он огорчен, что не сможет провести с тобой рождество. Но не беспокойся... Возьмешь его, когда почувствуешь себя лучше.

— Я сделал для него деревянную лошадку и автомобиль из фанеры... Без педалей, конечно, но он сможет двигать его ногами... Поместится ли все это в твою машину?

— Конечно.

Она подала ему чай без сахара, а в свой добавила ликер.

— Скоро все заиндевет, — сказала Клер.

— Ты не уедешь сегодня? — спросил Пьер неуверенно.

— Нет, переночую здесь... У меня каникулы, знаешь... Уже с половины пятого.

— В школе все нормально?

— Если не считать директора: он опять мне сделал замечание насчет джинсов и сказал, что я похожа на хиппи.

Пьер подул на чай и взглянул на Клер. Она была красива: гладкое, золотистое лицо, светлые волосы, полные чувственные губы. И взгляд у нее, как и волосы, был мягким, светлым. Он попробовал сделать глоток, поморщился.

— Слишком горячий?

— Подожду.

— Как идет работа?..

— Я должен был сдать коробки, но думаю...

— Я могу отвезти их на обратном пути...

— Все упаковано... Там на 50 000 франков, старых¹, конечно. Две недели работы.

Он опять поморщился:

— Тяжело. Боюсь, не отберут ли они у меня грузовичок.

Он купил в кредит подержанную машину.

— Я не заплатил прошлый взнос, и на этот раз будет трудно.

— Хочешь, я одолжу тебе немного?

— Нет, что ты... Но вот деньги на Стефана...

— Не беспокойся.

Пока Клер открывала старый буфет из каштанового дерева, доставала хлеб и колбасу, онпил чай маленькими глотками. Вдруг за ее спиной раздался глухой звук. Кресло опрокинулось. Пьер пытался дойти до туалета. Она поняла, что он сдерживает рвоту. Схватив стоящий в раковине тазик, Клер кинулась к Пьеру, но опоздала. Его сильно вырвало на огонь камина.

— Прости, — сказал он икая.

Клер обхватила его, стараясь поддержать.

— Ничего, ничего, — проговорил Пьер.

Он сам поставил кресло на ножки и вновь сел. Лицо его было искажено гримасой.

— Тебе надо лечь, — сказала Клер.

— Ночь покажется слишком длинной.

— Может, мне пойти позвонить врачу?

— Нет... Завтра, может быть... Не волнуйся. Ну, съешь что-нибудь... Не сиди голодная из-за меня...

У тебя всегда был хороший аппетит.

Клер отрезала себе колбасы, намазала маслом толстый кусок хлеба и приблизилась к огню.

— Когда у тебя это началось?

— Несколько дней назад.

— И ты думаешь, из-за воды?

Клер обернулась, чтобы взглянуть на кран. В поселке был водопровод, но она не знала, как он снабжается. Пьер рассказал, что тут на холмике есть источник и из него наполняется большой резервуар. А уж оттуда снабжался водой весь поселок.

— Его надо было бы укрыть сверху, но это дорого... Местные жители все оборудовали сами... Они собираются устроить складчину, чтобы оплатить остальные работы.

— Так ты думаешь, дело в инсектицидах?

— Я не уверен. Возможно, я съел что-нибудь испорченное. Но не помню, что... Поэтому я думаю, что из-за воды.

— В поселке есть еще больные?

— В последние дни я никого не вижу. Папаша Пишо, который заходит иногда ко мне в мастерскую, болен... Грипп. Другие, не знаю...

Он попытался закурить, сделал три затяжки, но бросил сигарету в огонь. Клер продолжала есть. Она намазала хлеб паштетом.

— Однако сегодня утром... — начал Пьер.

Его затоснило, и Клер отошла, думая, что вид пищи ему неприятен.

— Нет, не из-за этого. Наоборот, я бы с удовольствием поел, но, боюсь, вырвет...

— Ты сказал, что сегодня утром?..

— Мясник довольно долго сигнализировал... Он задержался не дольше пяти минут... Только он и бывает еще. Булочник не заезжает и бакалейщик... Летом они появляются из-за отдыхающих...

— Сколько человек живет здесь зимой?

Он посчитал на пальцах.

— Со мной девять. Лишь старики или совсем пожилые. Я просто мальчик... Папаша Пишо говорит, что поселок когда-нибудь вымрет... Молодежь приезжает только летом...

— И на рождество, может быть?

— Те, у кого есть дети, предпочитают ездить в город... Здесь нет комфорта. Только я один оборудовал туалет и душ в доме. У остальных все это находится в глубине сада... Да еще...

— Странно, что поселок так тесно построен и на повороте... Ведь было достаточно места.

— Когда-то это все принадлежало одному хозяину. Здесь он селил своих исполщиков. Стены ерундовые. Экономили материал и рабочую силу. Затем поместье разделилось на части, а люди продолжали жить по-прежнему.

Какая-то тяжелая машина пыталась пройти поворот. Мотор нетерпеливо фыркала, а шофер, наверное, ругался в кабине. Клер старалась разглядеть что-нибудь в окне, но безуспешно. В тумане едва маячил мутный свет. Наконец, грузовик проехал.

— Грузовик Бортелли, с лесопилки Бортелли. Они могут ехать по дороге Пон-д'Эн, но это дольше на десять километров... А в эти часы шофер торопится домой. На сегодня все. Теперь будет тихо.

— Ночью по этой дороге никогда никто не проезжает?

— Автомобили, иногда грузовик, но редко. В середине прошлой недели здесь, чуть подальше, занесло грузовик, перевозивший краску... Так мне сказали... Ночью. Но на следующее утро уже ничего не было.

Пьер улыбнулся:

— Вот и все новости Гийоза, как видишь, их немного... Да, еще как-то довольно долго не было электричества. Из-за этого я запоздал с работой.

¹ Минеральная вода.

¹ 100 старых франков равны 1 новому.

— Забастовка Э. Д. Ф.¹, да?
— Не думаю. Послушай, съешь еще что-нибудь...
Есть фрукты, яблоки. Извини, что нет вина; глотни ликера.
— Ты что, принимаешь меня за пьянчужку?
— Я знаю, ты любишь выпить стаканчик красного...

Откинув голову на спинку кресла, Пьер закрыл глаза. Клер казалось, что его лицо слегка порозовело, но это мог быть отблеск пламени. Во всяком случае, он похудел и выглядел старше своих 28 лет. Надо же придумать закопать себя в этой дыре и жить прямо в нищете! Пьер тоже был учителем, но не смог выдержать эту работу. Он давно уже собирался открыть свое дело, заняться ремеслом.

— Где игрушки для Стефана?
— Внизу. Накань что-нибудь, если пойдешь туда... За старой печкой.

Клер пришла в восторг от деревянной лошадки и машинки из фанеры. Их сын с ума сойдет от радости при виде этих необычных игрушек. Она вернулась наверх и улыбнулась бывшему мужу:

— Это просто чудесно... Ты мог бы их продавать.
— Невозможно... Цена будет чересчур высокой...

Он вновь закрыл глаза. Клер взяла большое яблоко, вытерла его рукой и надкусила. Ей захотелось пить. Она взяла стакан и подошла к крану.

— Нет! — закричал Пьер. — Возьми «Эвиан»!
Клер подскочила.

— Ты меня напугал.
— Не пей эту воду... Мало ли что...

Бутылка была теплой, вода показалась Клер безвкусной, и она не допила стакан.

— Хочешь чего-нибудь?
— Чтобы меня стошнило? Нет, сейчас мне хорошо... Я думаю, может, у меня что-нибудь вроде язвы.

Будучи человеком замкнутым, Пьер редко говорил о своих проблемах. Он носил их в себе, упорно скрывая. То, что они расстались, не облегчило положения. Пьер по-прежнему любил ее, и это было заметно.

— Ты мог бы лечь на обследование.
— Сейчас у меня денег...
— Но я могу помочь тебе.
— Это не годится... Я сам хотел так жить...

Разумеется. Она испугалась из-за Стефана. Не так уж она любила свою профессию преподавателя. Не из-за детей, а из-за того, чему она должна была их учить, из-за коллег, погрязших в рутине, из-за директора, который всегда при галстуке, в рубашках с воротником сомнительной чистоты, считающего ее хитри.

— Хочешь, я согрею твою постель? Бутылками с горячей водой...

— На печке лежат огнеупорные кирпичи... Я их заворачиваю в тряпки... Но я еще не хочу ложиться.

— Все же я отнесу их в постель.

Пьер спал в передней части дома, в большой комнате, которую печка, стоящая в вестибюле, едва согревала. Он побелел стены, очистил красивые балки. Комната была прекрасная, но холодная. Клер положила в кровать три кирпича, один на уровне спины, второй — у поясницы, третий — в ноги. В шкафу она нашла пижаму и согрела ее у пламени камина.

— Ты же знаешь, что я никогда не надеваю пижаму, — прошептала Пьер.

— А сегодня наденешь, — отрезала Клер.

— Эй! По какому праву ты распоряжаешься? — спросил он, повеселев.

— Чисто по-дружески... И я не хочу, чтобы Стефан остался без отца. Ты ему нужен.

— Не очень, — прошептала Пьер.

— Ошибаешься... Я никогда не говорю ему о тебе плохо, совсем наоборот. Он тебя обожает и ужасно радовался, что проведет эти дни в мастерской.

— Он у твоей матери?
— Только до завтра...

И чтобы он не строил никаких иллюзий, быстро добавила:

— Было бы неосторожно возвращаться в Лион по этому туману.

— Разумеется, — проговорил Пьер.

После этого они почти не говорили, лишь изредка обменивались банальными фразами. Затем он встал и хотел взять пижаму, чтобы переодеться в спальне. Она помогла ему раздеться, испытывая смутное волнение при виде его длинного, худого тела.

— Пойду в туалет.

Она набросила ему на плечи одеяло, хотела его проводить. Когда он лег, она подоткнула со всех сторон одеяло, положив перед этим по кирпичу с обоих боков.

— Позови меня, если что-нибудь понадобится.
— Надо подтапливать печку... Ночью я кладу

немного угля, чтобы она не погасла... Ты не замерзнешь в маленькой комнате? У меня есть пуховый спальный мешок.

— Не беспокойся.

— Уголь в мастерской в большом ящике...

Клер наполнила углем ведро, подбросила в печку дров, проверила тягу и пошла взглянуть на маленькую комнату. Она примыкала к стене, в которой находился выходящий в гостиную камин, и в комнатке было тепло. Здесь спал Стефан, когда приезжал к отцу. Клер разложила спальный мешок на небольшой кровати и вернулась в гостиную. Она почистила камин, собрала догорающие головешки в одну кучу посередине, чтобы не возник пожар. Подметая кирпичи цоколя, она увидела следы крови, высохшей от огня, но хорошо заметной. На этом месте стошнило Пьера, и в рвоте была кровь.

Обеспокоенная, Клер пошла умываться и на раковине опять обнаружила следы крови. Она стерла их губкой. Ее беспокойство возросло. Завтра же она повезет Пьера к врачу в Шаламон. Он болен серьезней, чем она думала.

Клер разделась в гостиной, оставив на себе свитер и трусики, накинута на плечи дубленку. Еще полчасика она курила, глядя на догорающие в камине дрова, а затем приоткрыла дверь комнаты Пьера.

Ей пришлось приблизиться к кровати и склониться к нему, чтобы расслышать наконец его дыхание. Она почувствовала неприятный запах. Клер не помнила, чтобы у Пьера когда-нибудь пахло изо рта.

Прежде чем лечь, она взглянула в окно на узкий переулок, где клубился туман. Даже дом напротив, расположенный в шести метрах от дома Пьера, не был виден. Не было слышно ни звука. Как будто весь поселок внезапно вымер. Клер поежилась и отошла от окна. Какое мрачное место! Ведь есть такие прелестные уголки в Бючей, например, на возвышенности.

Ей захотелось выкурить еще одну сигарету. Это был предлог: она просто не решалась лечь. Она оставит дверь открытой на случай, если вдруг понадобится Пьеру. Но Клер заранее знала, что он не позовет ее. Всегда эта маниакальная гордость, это извращенное восприятие вещей, отталкивавшее его от людей.

Огонь в камине догорал, и холод, отступивший ненадолго к толстым стенам, подкрадывался к Клер, леденил ноги. Она бросила окурок в красноватую золу, вернулась в комнатку и влезла в спальный мешок. Ей сразу стало тепло и хорошо. Она подумала, что Пьеру было бы лучше в этом мешке, чем на простынях, но теперь уже поздно говорить об этом.

Клер чувствовала, что погружается в сон, и испытала чувство вины; она быстро поднялась, чтобы еще раз взглянуть на мужа. Теперь она услышала его громкое дыхание уже с порога. Подойдя ближе к спящему, она догадалась, что он сильно потеет. Но он не метался. Клер прикоснулась ко лбу Пьера, лоб был холодный. Значит, жара нет. Возможно, какой-нибудь желудочный грипп.

Вернувшись в свой мешок, она быстро заснула с мыслью о том, что должна непременно встать через два-три часа, чтобы взглянуть на Пьера.

Глава II

В первый раз Клер проснулась в десять минут первого и не сразу поняла, где находится. Запах головешек напомнил ей, что она в Гийозе. Это оставший камин распространял запах дыма и сажи. Клер надела дубленку и пошла к Пьеру. Он спал на правом боку. Как ей показалось, сон его стал спокойней. Лоб был холодным, значит, температуры нет. Неприятный запах изо рта Пьера заставил Клер отойти от постели. У нее было впечатление, будто его желудок полон крови.

Печка почти остыла. Клер увеличила тягу, открыла заслонку, начала ворошить золу, но остановилась, чтобы не шуметь. Затем потыкала кочергой в головешки, оставила заслонку на какое-то время открытой. Клер была босиком, и ноги у нее замерзли, поэтому, заметив красную точку, она тут же закрыла печку, бросила быстрый взгляд в окно, — туман, казалось, стал еще плотнее, чем вечером, — поспешила вернуться в спальный мешок и, согревая ступни руками, сладко задремала.

В доме задребезжало оконное стекло, и в тот же момент зарычал мощный мотор. Надо быть просто сумасшедшим, чтобы заехать сюда. Но потом Клер подумала, что какой-нибудь чужак мог заблудиться в этом тумане среди переплетения дорог в Домбах и в департаменте Эн. Чтобы прочесть надписи на дорожных указателях, надо было выйти из машины и посветить электрическим фонариком. Невозможно постоянно продельвать это. Клер вспоминала, как часто в такие ночи она кружилась на одном месте.

Мотор продолжал глухо урчать. Должно быть,

грузовик остановился на самом повороте. Возможно, он застрял. Клер скорее грезилась, чем размышляла, убаюканная приятным теплом. Ее ноги согрелись. Она представляла себе, как встает, открывает окно, разговаривает с неизвестным водителем, но заранее ежилась от холода и не испытывала никакого желания сделать это. Она еще глуже погрузилась в пух и уже почти ничего не слышала. Лишь убаюкивающее урчание.

Но вот другой, более равномерный звук достиг ее ушей. Невероятно, но не будь густого тумана, она бы подумала, что идет дождь. Даже очень сильный. Как будто ливень стучал по крыше прямо над ее головой. В доме не было чердака. Все-таки этот дождь был неожиданным. Не мог туман смениться грозой. Тем более в такую холодную погоду.

Клер высвободила голову и ясно различила два этих странных звука: шум мотора и дождя. Даже если туман и превратился в моросающий дождь, тот не мог идти с такой силой. К тому же его стук перемещался по крыше. То он раздавался прямо над ее кроватью, то удалялся. И вдруг совсем прекратился. Но мотор грузовика продолжал урчать.

Клер вновь погружалась в сон, и ей привиделась поливочная машина, направляющая струи воды на фасады и крыши домов поселка. А потом внезапно появился запах.

Прошло несколько долгих секунд, прежде чем она его узнала и испугалась. Пахло бензином. Клер сразу же подумала о мастерской. Должно быть, у Пьера там стояла канистра. Она, наверное, опрокинулась, и воспламеняющаяся жидкость разлилась. Это могло быть очень опасно. Клер вскопчила, надела дубленку и туфли и бросилась к двери в гостиную. На лестнице она остановилась в нерешительности, так как запах, доносившийся снизу, был слабее, чем в ее комнате. Но, поскольку этажи разделял лишь тонкий пол, она подумала, что опрокинувшаяся канистра была прямо под ней. Клер зажгла свет, спустилась, но в мастерской ничего подозрительного не обнаружила. Тогда она вновь поднялась, и с каждой ступенькой запах бензина становился несносней.

В гостиной он теперь ощущался так же, как и в ее комнате. Сама не зная почему, Клер натянула джинсы, свитер, наклонилась, чтобы завязать шнурки, и увидела на паркете капли. Они были повсюду. Когда она подняла голову, капля упала ей на нос.

— Бензиновый дождь, — прошептала она.

В тот же момент печка вспыхнула, и языки пламени устремились из вестибюля в гостиную.

— Пьер! — закричала Клер. — Пьер!.. Пожар!

Она с ужасом видела, как пламя захватывает всю переднюю часть дома.

— Пьер!

Вскликая, она пыталась пройти к нему, но вестибюля больше не было. Печка взорвалась и выбросила раскаленные угли. В той стороне был настоящий ад. Комната Пьера — пекло. Лишь теперь Клер начала отступать. Сначала медленно. Она не могла смириться с мыслью, что там в своей кровати погибал Пьер, а она не в состоянии ничем этому помешать. Но струя обжигающего воздуха заставила ее окончательно отступить. Охваченная паникой, Клер кинулась к дверям, на ходу схватив свою сумку.

Мастерская превратилась в костер, пламя которого устремлялось к ней, всасываемое лестничным пролетом. Клер закрыла дверь, вспоминая, что огонь можно задержать на четверть часа, не больше. Но он был повсюду. На втором этаже, как и внизу, на ее пути. Оставалась только маленькая комната. Клер закрыла за собой дверь, ступила на влажный паркет, поднесла к носу руки и отдернула их. Бензин просочился с крыши, и теперь она буквально шлепала по лужам из бензина.

Она открыла окошко, выходящее в сад. Прямо под окном был навес. Внезапно погас свет, и Клер на ощупь нашла спальный мешок, расстегнула молнию. Она придвинула кровать к окну, сумела привязать мешок к деревянной спинке.

С оглушительным треском дверь разлетелась на куски и освободила проход ослепительной лавине огня, моментально заполнившей почти всю комнату. Клер спускалась, держась за спальный мешок. Ее ноги коснулись волнистой черепицы навеса. Соскользнув, она прыгнула вниз и приземлилась на ноги, сильно ударившись пятками. Удар отдался у нее в ушах. А пламя подступало к ней отовсюду. Туман, пожираемый пожаром, образовал вокруг Клер как бы кокон, стенки которого все отодвигались по мере того, как распространялся огонь.

Очувшись в саду, Клер поймала себя на мысли, что просит прощения у Пьера за растоптанные грядки лука. Теперь она добралась до луга, где огонь не мог ее достать.

Лишь тогда она осмелилась обернуться, и зрелище, открывшееся ее взору, всколыхнуло затаив-

¹ Э. Д. Ф. — «Электристе де Франс» (Объединение электроэнергетической промышленности).

**МЫ ОТКРЫВАЕМ
НОВУЮ РУБРИКУ —
«ОЛИМПИЙСКИЕ
ЭСКИЗЫ».**
**В НЕЙ ВЫСТУПЯТ
ВЫДАЮЩИЕСЯ МАСТЕРА
СОВЕТСКОГО СПОРТА —
ОБЛАДАТЕЛИ
ЗОЛОТЫХ МЕДАЛЕЙ
ОЛИМПИЙСКИХ ИГР
РАЗНЫХ ЛЕТ.
ВОПРОС К ЧИТАТЕЛЮ:
КОГО
ИЗ ОЛИМПИЙСКИХ
ЧЕМПИОНОВ
ВЫ СОВЕТУЕТЕ
ПРИГЛАСИТЬ
К ВЫСТУПЛЕНИЮ
В «СМЕНЕ»?**

ИГРА ИХ АРХИТЕКТЕР

**Лев ЯШИН,
заслуженный
мастер спорта СССР,
чемпион
Олимпийских игр 1956 года,
заместитель начальника
Управления футбола
Спорткомитета СССР**

К моему пятидесятилетию в октябре минувшего года в печати появилось несколько статей обо мне. Я отложил их, чтобы потом спокойно, не спеша перечитать на досуге и в одиночестве. Но сейчас понимаю: нет, не скоро еще соберусь перечитать... Пусть не обижаются на меня те, кто так тепло написал обо мне целых восемь лет спустя после прощального моего матча.—я благодарен им. Но с трудом могу теперь представить себя читающим о своем футбольном прошлом. Вместе с тем я и сегодня с не меньшим волнением читаю почти все, что пишут о футболе.

Я работаю в футболе, мне поручены важные дела — и в первую очередь меня

волнует день сегодняшний и завтрашний.

Помните у Маяковского: «... и больше понимаешь через вранду». Я полюбил эту строку, хотя, возможно, слишком по-своему ее толкую. Но я понимаю так: в большой жизни «вранды» не существует. Все слито, притерто, взаимосвязано. Когда живешь активно, мелочей не бывает — все важно. Люди, позволяющие себе в подробностях жизни самовыявляться, вряд ли многого добьются.

И вот, оглядывая свою жизнь, я вижу много интересного и существенного совсем не обязательно в тех событиях, что проходили у всех на виду. Понимаю, что как раз огорчения, пережитые в одиночестве, знакомом каждому человеку большого спорта, и приучали меня к самостоятельности мышления, к раздумьям о жизни вообще и своем будущем.

Футбол четверть века ежедневно, если не ежечасно, подчинял себе мою жизнь. Мяч, однако, никогда не заслонял собою мир, в котором я жил. Я не раз уже говорил, что благодарен футбольному мячу. Он позволил мне пови-

дать столько, сколько и не снилось никакому туристу, подарил мне знакомство с замечательными людьми, соединил с друзьями...

Но мир от меня футбольный мяч не заслонил. И не вижу в этом парадокса.

Я играл в футбол очень долго. Крайний нападающий Василий Трофимов в расцвете своей славы забивал мне на тренировках голы, когда другой игрок этого амплуа, впоследствии мой партнер по клубу и сборной Геннадий Еврюжихин, еще только учился ходить.

Мне приходилось — не без печали о том рассказываю — видеть людей футбола, взрослых лишь до тех пор, пока были они в славе. Первый же удар судьбы, да просто естественное завершение карьеры игрока, превращало их в обиженных детей, злых на себя и окружающий мир, прежде заслоненный от них мячом.

Мне очень нелегко осуждать их. В моей памяти они продолжают оставаться и великими и неповторимыми — братьями по спортивной борьбе. Я пристрастен к ним, привожу их в пример молодым игрокам. Но восхищение и любовь, не скрою, адресуются лишь футболистам. К людям же этим подчас отношение иное. Столкнувшись с кем-то, порою с болью ловишь себя на ощущении, что такой встрече не можешь по-настоящему обрадоваться, что тяготишься общением с бывшим партнером, что спешешь, ссылаясь на действительную занятость, прервать никчемный разговор, весь состоящий из однообразных воспоминаний-обид.

Недавно на встрече с болельщиками распорядитель вечера, желая похвалить меня за настойчивость, сообщил собравшимся, что при дебюте я пропустил четыре мяча и, дескать, не пал духом. Не совсем так оно было в моем первом матче. Я пропустил один мяч. Но стоил он, наверное, пяти...

Меня выпустили вместо Хомича за пятнадцать минут до конца очень важной игры с московским «Спартаком», и я успел пропустить гол, лишивший динамовцев победы. Я не только пал духом, но сидел, закрывшись ладонями, чтобы остальные игроки в раздевалке не видели моих слез. Знаменитые мастера молчали. Но тут в раздевалке появился ответственный работник общества «Динамо» и, не выбирая выражений, сообщил, что я из себя представляю.

Так что повторного выступления в основном составе мне пришлось подождать. И вот при следующем дебюте — смело говорю: дебюте, потому что публика про меня, слава богу, успела позабыть — я и пропустил четыре мяча, о которых так любезно вспомнил распорядитель вечера тридцать лет спустя (и пятый, о котором он забыл)... Но, как показала жизнь, не сдался.

Не хвастаюсь, но все же, вникая по долгу службы в характеры нашей футбольной молодежи, я отчасти даже удивляюсь стойкости, свойственной тогда большинству моих сверстников. И в футболе и не в футболе. Самое интересное, что внешне мы выглядели куда проще, я бы сказал, элементарнее, чем нынешние молодые футболисты. Мы совсем по-детски реагировали на вещи, на которые наши нынешние ровесники и внимания бы не обратили. Но, утверждаю, мы были взрослее, чем они.

Детство спортсменов моего поколения пришлось на войну, и в том возрасте, когда большинство мальчишек выбирает спортивный путь, им вроде бы и не до спорта было. Но не случайно, думаю я, они добились на мировой арене самых больших для советского футбола успехов и побед — выиграли Олимпиаду 1956 года в Мельбурне и Кубок Европы в Париже в 1960 году.

Мне могут возразить: так это же единицы, таланты. Но ведь таланты

ЛЮБИТЕЛИ СПОРТА ЕЩЕ НЕ ЗАБЫЛИ ЭТО: ПУШЕЧНЫЙ УДАР ФОРВАРДА, НО ДИНАМОВСКИЙ ВРАТАРЬ ЛЕВ ЯШИН НА МГНОВЕННЫЕ РАНЬШЕ ПРЕДУГАДЫВАЕТ НАПРАВЛЕНИЕ УДАРА — И ВОТ УЖЕ МЯЧ ЗАМЕР У НЕГО В РУКАХ!

Фото Анатолия БОЧИННИНА

встречались и поздне, однако не сумели проявить себя настолько ярко. А главное, в совершенно рядовых игроках, моих партнерах по динамовскому дублю, не получивших большой известности, я видел те же волевые качества, что с таким блеском проявились в игре их сверстников, прославившихся в Австралии и во Франции.

Помню: хватало любого пустяка, чтобы доставить нам, дублерам знаменитых динамовских футболистов, радость, привести в хорошее настроение. Мы и физически чувствовали себя прекрасно, хотя совсем недавно стали есть досыта, спать по восемь часов в сутки, носить хорошую одежду. Детство у нас было трудным—без лишнего куска хлеба. А глядя на нас, скажем, летом сорок девятого года, человек, не знающий, кто мы и откуда, подумал бы, наверное, что за легкомысленные парни?!

Нет, это не было легкомыслием. Теперь я могу твердо сказать: это была жизнестойкость.

В некоторых статьях обо мне говорилось о моем рабочем происхождении. Что ж, это приятно. Я горжусь медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В свои неполные восемнадцать я был уже и слесарем, и строгальщиком, и шлифовальщиком. В четырнадцать лет я пришел вместе с отцом на завод, а в девятнадцать был в рядах армии—тогда и футболом серьезно занялся. Но, не считайте за несерьезность, к приходу в армию и команду мастеров «Динамо» у меня очень развито было то качество, которое я назвал бы ответственностью рабочего человека. Именно ответственностью. И именно рабочего человека. Не больше. Но и не меньше.

Пусть я покажусь кому-то придирчивым ворчунком, но сегодня у многих способных молодых футболистов, причем и у тех, кто воспитан рабочей средой, этого как раз качества я что-то не замечаю. Возможно, я либо сейчас воду на мельницу тех, кто считает мастеров футбола бездельниками и белоручками. Очень жаль, если создалось такое впечатление...

Большой футбол—большой труд. Тяжелый и ежедневный.

Даже нерадивый игрок выполняет такой значительный объем физической работы, выдерживает такие нагрузки, что любой непосвященный в подробности жизни современного футболиста ужаснется. Но ответственность рабочего человека измеряется не одной лишь обязательностью выполнения заданий.

Иной «из-под тренерской палки» чуда трудолюбия творит. Но вот уважать свой и общий футбольный труд не научился. Трудился-трудился, а достиг первого признания—и сразу же требования к себе снизил. И к соблюдению обязательного для спортсмена режима отношение детское—со взрослыми, разумеется, последствиями... Человек вдруг начинает шадить себя, жалеть, жаловаться на судьбу, трудности которой его предшественники гордились. И, конечно, труд в футболе ему уже не в радость.

Мне понравилась фраза в книге известного актера Сергея Юрского. Он пишет: «...мастерство—это владение технологией и умение преодолевать творческие кризисы». Именно мастером, самостоятельно определяющим свою судьбу в спорте, мне и хотелось быть с самого начала. И до самого последнего своего выступления на футбольном поле.

Настоящие мастера, на мой взгляд, отчетливо понимают, что уважающие дело люди свои ошибки не прячут, не отрицают, а исправляют. А если чувствуют, что ошибку исправить нельзя, поздно, они покидают арену. Но с большой, как говорится, головы на здоровую не велят.

Поэтому хочу заметить, достоинство надо воспитывать в себе с первых шагов в спорте.

В «Динамо» меня взяли третьим вра-

тарем—дублером Алексея Хомича и Вальтера Санаи. За Алексеем Петровичем Хомичем, как когда-то в юности за вратарем заводской команды Алексеем Гусевым, я носил чемоданчик с формой и бутсами, буквально ловил каждое его замечание до и после игры в раздевалке, во время матча стоял за его воротами. Кто-то, может быть, улыбнется: «И он еще про достоинство заговорил!» Да, заговорил. И, надеюсь, с достаточными к тому основаниями.

Я уважал Хомича прежде всего как замечательного вратаря. И служил я не ему, а футболу. Вратарский талант Хомича я искренне считал принадлежащим всему футболу. А значит, и мне—дублеру. Я носил чемоданчик Хомича, но при этом никогда, ни на секунду не чувствовал себя приниженным.

Сейчас что-то существенно изменилось во взаимоотношениях внутри команд мастеров. И я бы не решился сейчас рекомендовать никому из молодых нести за своим кумиром и старшим товарищем «адидасовскую» сумку. Действительно, засмеют, сочтут подхалимом. Да и многих ли старших товарищей молодежь числит кумирами? Но это уже отдельный разговор. На другую тему...

Тогда же, когда начинал я, все было иначе. Хомичу бы и в голову не пришло посчитать меня, солдата, вчерашнего рабочего, подхалимом. Ношение чемоданчика было каким-то ритуалом—посвящением, приобщением. Уверен, что и Алексей Петрович относился ко мне по-своему уважительно. Мы же одному делу были преданы—вратарскому. Наверное, он, как и другие игроки, с интересом и любопытством приглядывался ко мне, отмечая и серьезное и смешное во мне, пришедшем сменить его.

В марте сорок девятого года в Гагре со мной произошел конфуз, какого, кажется, не бывало. С моря дул резкий ветер, когда мы играли дублями против «Трактора». Вратарь «Трактора» сильно выбил мяч. Мяч взлетел высоко, и ветер понес его в мою сторону. Я, кажется, угадал все: и свое положение, и силу ветра, и скорость полета мяча. Одного не предвидел—того, что мне захочет помочь защитник. Мы столкнулись, как клоуны в цирке,—и мяч, посланный от одних ворот, никого не задев, влетел в противоположные.

Самое страшное, что за игрой с трибуны наблюдали лучшие динамовские игроки—Бесков, Карцев, Сергей и Леонид Соловьевы, Блинков... Я готов был сквозь землю провалиться, увидев, как они буквально корчатся от смеха.

В хохоте этих замечательных мастеров не было ничего злого. После случившегося со мной комического эпизода дистанция между нами сократилась.

Об этом случае я недавно вспомнил, читая книгу того же Юрского. Он хорошо формулирует мысль, занимавшую меня во все мои вратарские годы: «Надо сразу же учить сосредоточенному, свободному, волевому состоянию под взглядами смотрящих... Будущий актер (и футболист, конечно, тоже—Л. Я.) должен отключиться от боязни быть неловким, неточным, смешным в глазах смотрящих...»

Пять лет провел я в запасе. Казалось бы, срок вполне достаточный, чтобы усомниться в своих способностях. Шансов перейти в основной состав при наличии таких вратарей, как Хомич и Саная, у меня, прямо скажем, было мало. Но, вспоминая это пятилетие, я прямо удивляюсь постоянству своего приподнятого настроения. При всех страданиях и сомнениях.

Мне каждый день было интересно жить—и в футболе вообще и в «Динамо» в частности. Я видел в непосредственной близости выдающихся мастеров, чей класс меня завораживал. Их уход из футбола казался мне невозможным—как же без них? Я впитывал в себя ежедневно превосходный футбол в их исполнении и не представлял себе много.

Я не верил, что они могут покинуть футбол, и вместе с тем стремился в основной состав. Нет ли здесь противоречия? Для меня и тогда не было, а сейчас тем более. Я видел себя в футболе—при всей проблематичности тогдашнего моего участия в составе великих мастеров московского «Динамо». Подчеркиваю: в футболе. Поскольку в хоккее с шайбой шансы мои были гораздо предпочтительнее. Я уже получил серебряную и бронзовую медали за успехи в чемпионатах страны, стоял в воротах «Динамо», выигравшего Кубок СССР по хоккею, был кандидатом в хоккейную сборную, когда меня включили кандидатом в сборную по футболу.

Я припомнил здесь случившееся со мной за пять лет, проведенных в динамовском дубле,—то, о чем мало кто знает. И самому сейчас странно связать «невидимый миру слезы» с теми событиями, что так скоро произошли со мной—на этот раз уже у всех на виду.

В 1952 году наши футболисты проиграли в практически равной борьбе матч с югославами на Олимпиаде и были подвергнуты уничижающей критике. Критиковали и «отлучали» от футбола людей, которым мы привыкли поклоняться. Кумиры наши уходили без подбоющих почестей. Не доиграв, на мой взгляд. Но такая уж вещь спорт, что, заняв места ведущих, мы не имели права на робость. Мы заиграли в основных составах клубов и сборной. И очень недолго смотрели на нас скептически—не дали мы к тому оснований.

Два только матча 1954 года—с венграми и с командой ФРГ—заставили меня позабыть, что я всего второй сезон, как вышел из дубля. Это памятная всем на годы и годы победа над тогдашними чемпионами мира, футболистами ФРГ, когда стадион «Динамо» встал на ноги, глядя за нашим решительным штурмом и аллодируя Анатолию Масланкину, который забил свой знаменитый гол, сделав счет 3:2. И боевая ничья с венграми—олимпийскими чемпионами. После таких матчей ни новичком, ни случайным человеком в футболе себя не считаешь и никаких скидок делать себе не станешь. И следующие испытания это подтвердили.

Зимой 1956 года спортсмены Советского Союза приняли участие в Белой Олимпиаде. А летом мы уезжали в Мельбурн, напутствуемые героями Кортина д'Ампеццо. Их пример был для нас очень впечатляющим.

Меня особенно взволновала победа хоккеистов. Большинство из них я хорошо знал. Правда, хоккей с шайбой к тому времени совсем отделился от футбола, и в сборной не было игроков, выступавших, как прежде случилось, и на поле и на льду. Только несравненный Всеволод Бобров был в этой команде известен и прежними успехами в футболе. Но я-то играл со многими из хоккеистов-олимпийцев...

Мы тогда уже отчетливо понимали, что Олимпиада—особое соревнование, где воспринимаешь себя не только как футболиста, но и как олимпийца, защищающего честь страны.

Мы были свидетелями фантастических взлетов. Скажем, боксер Володя Сафронов приехал на Олимпиаду первоарядником, а в Мельбурне ему как олимпийскому чемпиону—первому среди советских боксеров—вручали удостоверение и значок заслуженного мастера спорта СССР.

Но наибольшее впечатление произвели, конечно, победы Владимира Куца и Виктора Чукарина.

Куц—мой сверстник, всего на два года старше. Но он имел военные, боевые заслуги.

Восхищаясь его бегом, его победой в остродраматической борьбе над англичанином Пири на обеих стайерских дистанциях, я даже не о том думал, какой это мастер и талант. Я думал: «Какой великий характер!» И еще думал: «Как стыдно будет перед таким спортсменом, а он ведь наверняка придет на какой-

нибудь из наших матчей, проявить мало-душье...»

Стыдно будет, считал я, и перед гимнастом Виктором Чукариным, прошедшим фронт и фашистский плен. Он стал мастером спорта еще до войны. И после Победы он, перенесший тяжелое ранение, вернулся в гимнастику...

В 1952 году в Хельсинки Виктор Чукарин становится—в тридцать один год—абсолютным чемпионом Олимпийских игр. А через четыре года в Мельбурне своей успех повторяет.

Вот с какими людьми выпала мне судьба вместе сражаться на Олимпиаде!

На Олимпиаду в Мельбурн мы, футболисты, приехали сильной командой, счастливо собранной, сплоченной и точно настроенной тренерами. У нас были все шансы победить, взять реванш за прошлую летнюю Олимпиаду. Но в этом турнире драматически складывались поединки и с заведомо слабыми противниками. Так, при полном нашем преимуществе мы никак не могли открыть счет в игре с командой Индонезии. И я тоже был хорош: заставлял в одном почти безобидном эпизоде поворачивать тренеров и товарищей.

...Мяч после нашей атаки рикошетом отлетел к середине поля. Там никого не было, кроме центра нападения индонезийцев, он и подхватил мяч. А я, как нарочно, вышел далеко вперед из ворот. Что теперь делать? Я решил и дальше идти вперед. И, видно, смутил форварда своим рейдом, отпустил он от себя мяч. Вот тут я и увлекся. Мне бы отбить мяч посылнее, а я решил обвести форварда и обвел—обошлось. Но никогда больше я так судьбу не испытывал. И сейчас страшно подумать, что было бы, не удайся мне финт: гола-то мы тогда не забил...

После повторного матча, легко выигранного со счетом 4:0, выпала нам тяжелейшая игра с болгарями. Героем той игры стал наш защитник Николай Тищенко. В самом начале добавочного времени ему сломали ключицу, но он не только доиграл матч, преодолевая сильную боль, но и сделал ценнейший навес в штрафную площадку болгар, после которого был забит решающий гол.

В финале с югославами ничейный нулевой счет держался еще до последних минут. Но тут обошлось без добавочного времени. В самом конце матча Толя Ильин сумел добить мяч, отскокивший от рук вратаря после удара Никиты Симоняна.

И вот, прибывшие на теплоходе «Грузия» из Австралии в бухту Золотой Рог, мы пересекаемся в экспресс Владивосток—Москва. Мы—олимпийские чемпионы Мельбурна. Думал ли кто-нибудь из нас, футболистов, что в пяти последующих Олимпиадах наша команда лишь однажды дойдет до финальной стадии и то ограничится бронзовыми медалями!

Экспресс останавливался даже на небольших полустанках, где нас приветствовали тысячи людей, счастливых нашей победой. У Байкала на одной из остановок в наш вагон ввалился могучий старик в тулупе и треухе—мороз был под тридцать—и загудел: «Где бы мне, сынки, Льва Яшина найти? Двести

верст прошел, чтобы на него поглядеть, едва успел к поезду».

Мы обнялись с дедом. Я был, понятно, тронут до слез. Но ясно помню: при всей безмерной радости что-то и тревожное шевельнулось во мне, хотя виду я не подал. Вдруг совершенно четко почувствовал: не может жизнь притормозить на столь высокой ноте. Мне представились дальнейшие испытания на еще не изведанном мной уровне. На уровне новом и для всего нашего футбола...

Мне приходилось потом переживать глубокие огорчения. Выглядеть перед всеми, возможно, потерянными, подавленным. Вышедшим в тираж. Удары футбольной судьбы парировать, поверьте, труднее, чем одиннадцатиметровые. И я, случалось, склонялся под такими ударами. Но временно, ненадолго. Я не мог предотвратить эти удары, но морально, хочу сейчас сказать, был к ним готов. Все-таки очень надежно, как выяснилось, закалили меня военное детство и рабочая юность.

Во втором для себя чемпионате мира в Чили я выступил неудачно. В матчах с командой Колумбии, в общем-то совсем не сильной, и в игре с командой хозяев чемпионата я пропустил досадные голы. Не хочу задним числом оправдываться, но вратарской практики без серьезных срывов не существует.

Мне шел тридцать четвертый год, и кое-кому показалось удобным посчитать, что чемпионат мира проиграл Яшин. Что в «его возрасте» нечего и претендовать на место в сборной. Да и в клубе—так надо было понимать...

На московском стадионе меня встретили свистом. Этого я не мог понять. Ну хорошо—пусть я действительно из рук вон плохо отыграл в Чили. Но чилийских матчей московская публика не видела, а игры, вроде бы неплохо проведенные

на Родине,—она, что же, успела позабыть?!

Публика была несправедлива на первый взгляд, но по сути права. Я мог бы сказать: все ошибаются на своих рабочих участках, но никто не слышит оскорбительного свиста. Но ведь и оваций в момент удач не слышат ни рабочий, ни академик. Значит, воспринимаемая как должное такие знаки внимания, нечего пенять на неделикатность аудитории. Мы сами выбрали себе свой путь. И обязаны стойко переносить на этом поприще все превратности судьбы и отношения к нам наших болельщиков. В конце-то концов они за нас болеют. За футбол в нашем лице. И вот тут-то в пору вспомнить и про ответственность рабочего человека. А не ходить в обиходных...

И все же мне, ожившему московскими болельщиками, было очень тяжело. Подошел к нашему старшему тренеру и сказал: «Больше играть не буду». И тренер Александр Пономарев, выдающийся в прошлом игрок, сам все в футболе повидавший и переживший, не стал меня утешать и удерживать. Он ответил: «Поступай, как знаешь. Тебе видней...»

Я уехал в деревню. Рыбачил, ходил на охоту, размышлял о дальнейшей жизни—без футбола. И спокойно, с глазу на глаз с самим собой понял: без футбола я не могу.

Начав тренироваться сначала с дублерами, я прожил, несмотря на трудность тренировок и плохо скрываемое скептическое отношение к моим усилиям, времена очень хорошие. Вышел на поле с чувством облегчения, обновления, с чувством, что самое страшное позади. Это, пожалуй, было как в сорок девятом году в Гагре... Я уже ничего не боялся.

А вскоре меня пригласили играть в матче века, посвященном столетию английского футбола. Я приехал в Лондон, как лауреат приза еженедельника «Франс футбол» и встречен был с теми же почестями, что и ди Стефано, Эйсебио, Кола, Шнеллингер, Масопуст, Джалма Сантос, Лоу... Воспоминания моей футбольной юности, посетившие меня, когда я в дубли после игр в Чили снова готовился к чемпионату страны, в Лондоне сомкнулись с настоящим очень своеобразно. Великие футболисты мира, знаменитые в разные годы, чем-то напоминали мне моих динамовских учителей: Бескова, Трофимова, Карцева, выступавших, кстати, здесь, в Лондоне, в первый послевоенный год. В таком настроении я и сыграл свой тайм в матче века. Тайм, вернувший мне мою репутацию. И позволивший уйти из футбола не тишком, а открыто и честно. С поднятой головой.

Выйти на поле с поднятой головой нелегко. Уйти, не стыдясь товарищей и болельщиков, еще труднее. Но это необходимо и возможно. Вся история отечественного футбола, переживающего сейчас не лучшие времена,—тому подтверждение. Урок, о котором особенно важно помнить сейчас, в преддверии XXII Олимпийских игр, которые летом пройдут в нашей стране.

Наша футбольная команда, готовящаяся выступать на Олимпиаде в Москве,—команда новая. В нее включены и известные и молодые игроки. Но объединить их должна новая игровая идея. Поэтому можно было бы и не ставить никому из кандидатов в олимпийскую сборную в вину те неудачи, свидетелями которых мы были,—игры против футболистов Финляндии и Греции.

Но плох, на мой взгляд, игрок, не извлекающий из поражения урока для

себя, урока горького, даже если сам он и не подвергся особой критике. Характер большого игрока да и вообще спортсмена проявляется в том, что для него непереносима мысль о поражении. Мне, не скрою, дорого такое качество! Оно родственно, мне кажется, той ответственности рабочего человека, о которой я здесь уже говорил.

Непереносимость мысли о поражении ничего общего не имеет со страхом проиграть или робостью перед сильным соперником.

Среди кандидатов в олимпийскую сборную сейчас достаточно талантливых игроков, показавших себя с самой лучшей стороны. Я хотел бы назвать здесь имена Дасаева, Шавло, Юрчишина, Гаврилова, Андреева, Хидиятуллина, Никулина, Шенгелия, Дараселия и других. И все же неровность их выступлений в матчах высокого международного уровня, неуверенность, проявленная именно в играх, где надо бы играть с блеском, заставляют нас слишком долго числить этих интересных футболистов в подающих надежды...

Я верю, что звездный час этих талантов придется на Олимпиаду в Москве. Что именно в этом турнире они и продемонстрируют прежде всех иных качеств свою высокую стойкость.

Как человек, имеющий отношение к подготовке нашей сборной, как спортсмен, на себе испытывавший всяческие превратности судьбы, я полагаю своим долгом не только ободрять младших товарищей, но в первую голову предостерегать их от ошибок в игре и в жизни. А применительно к предстоящему экзамену—от недооценки соперника, что именно в олимпийском турнире чревато серьезными последствиями. И, главное, от слабодушия.

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

Наш журнал открывает 22-ю шахматную олимпиаду «Смены», посвящает это ежегодное традиционное заочное комплексное соревнование предстоящим Олимпийским играм в Москве и приглашает всех читателей—поклонников древней и мудрой игры выйти на старт.

При составлении программы новой сменовой олимпиады редакция учла немало пожеланий, которые читатели высказали в своих письмах в редакцию в минувшем году. Это касается не только содержания олимпиады, но и более целесообразных сроков, отведенных для выполнения участниками заданий.

В десяти турах любителям шахмат будет предложено разобрать не сложные, но и не шаблонные фрагменты из практики сыгранных партий, найти решение красивых композиций, ответить на вопросы общедоступной викторины.

В третьем туре, который «Сме-

на» опубликует в феврале, участникам предстоит показать себя в качестве популяризаторов шахмат, выполняя «фирменное» задание наших олимпиад—организовать и провести классификационные турниры новичков. Можно посоветовать к этому заданию приступить досрочно, в самом начале года, ибо, как правило, именно в зимний период в такие турниры можно привлечь гораздо большее число начинающих шахматистов. А итоговые турнирные материалы надо будет послать в редакцию позднее, в письме на третий тур. Заметим, что читателям, которым те или иные обстоятельства не позволяют стать организаторами турниров новичков, жюри предложит компенсирующее задание—прокомментировать содержательный гроссмейстерский поединок.

Тем участникам олимпиады, кто безуспешно выполнит задания всех туров, будет присужде-

но по 100 баллов. В случае, если при разборе фрагмента, этюда или задачи читатель найдет побочное решение, опровержение авторского замысла и т. п., ему засчитывают количество баллов, обусловленное для правильного ответа.

Товарищей, приславших письма на все, без единого исключения, десять туров, ожидают классификационные нормативы. Четвертый спортивный разряд получают участники, которые впишут в свой актив 22 балла из 100 возможных. Третий разряд присваивается за 52, а второй—за 86 баллов. Справки о присуждении разряда по шахматам редакция вышлет также тем товарищам, кто успешно сыграет в упомянутых выше турнирах новичков.

И главные и второстепенные варианты решения задач или этюдов, анализа фрагментов из практики нужно указывать только в сокращенной нотации. Словесные примечания следует сводить к минимуму или вообще их опускать.

В письме на первый тур, кроме фамилии, имени и отчества, сообщите, пожалуйста, свой возраст, место работы или учебы, разряд по шахматам (если имеется), точный домашний адрес. В это же письмо обязательно вложите обыкновенную почтовую открытку. Включив вас в число участников, жюри отправит эту открытку обратно, и каждому станет известен его регистрационный олимпийский номер. Учтите, что ваши письма на второй и все последующие туры, присланные без сообщения соответствующего регистрационного номера, жюри рассматривать не будет.

Не забудьте сверху слева на конверте сделать пометку «22-я

шахматная олимпиада», а внизу аккуратно указать свой обратный адрес, фамилию и инициалы. Запомните и разборчиво пишите адрес нашей редакции: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бульварный проезд, 14, «Смена».

Победитель и пятеро призеров олимпиады определяются по наивысшей сумме баллов. Они награждаются специальными дипломами, фотоснимками советских обладателей мировой шахматной короны и шахматной литературой. Будут также отмечены участники, занявшие последующие за призерами двадцать мест, а также наиболее активные организаторы классификационных олимпиадных турниров.

В жюри 22-й шахматной олимпиады «Смены» входят: чемпион мира Василий Смыслов, международный гроссмейстер Александр Котов, мастера спорта Сергей Веселовский и Юрий Гусев, международный арбитр Юрий Карахан, заслуженный тренер РСФСР Виктор Люблинский.

ПЕРВЫЙ ТУР

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?

Какой комбинацией черные добиваются победы? (2 балла)

II ВОТ ТАК ЗАДАЧА!

Мат в два хода (2 балла).

III ЭТЮД—ВСЕГДА КРАСИВО!

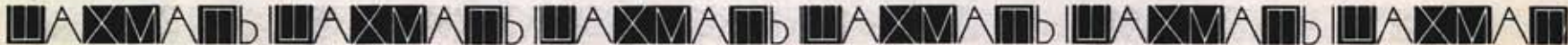

Белые делают ничью (3 балла).

IV НАША ВИКТОРИНА

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cb5 f5. Как называется этот дебют и кто его автор? (1 балл.)

Сроки отправления писем на первый тур этой олимпиады истекают 29 февраля 1980 года (по почтовому штемпелю).

ОЛИМПИЙСКИЙ ТУРНИР ЗНАТОКОВ

Всем, кто любит и знает спорт!

В преддверии XXII Олимпийских игр, которые состоятся в Москве летом 1980 года, редакция журнала «Смена» открывает на своих страницах конкурс читателей — спортивных болельщиков. К участию в этом зрелищном соревновании приглашаются все желающие независимо от возраста, профессии и спортивных пристрастий.

«Олимпийский турнир знатоков» будет проводиться в три тура. Окончательные итоги состязания спортивных эрудитов будут подведены в одном из осенних номеров журнала, посвященном Олимпиаде-80. Имена победителей турнира назовет авторитетная судейская коллегия, в которую войдут видные советские спортсмены — чемпионы Олимпийских игр, сотрудники Спорткомитета СССР и Государственного института физической культуры, журналисты.

Редакция журнала «Смена» учреждает следующие призы турнира:

— Три равных первых приза для победителей конкурса — дорожные складные велосипеды марки «Кама» с нанесенными на них надписями «ПРИЗ ЖУРНАЛА «СМЕНА».

— Десять равных призов для активных участников — олимпийские сувениры «Мишка».

— Пятнадцать поощрительных призов — олимпийские подарочные альбомы с автографами советских спортсменов, обладателей золотых медалей XXII Олимпиады.

По условиям «Олимпийского турнира знатоков» в каждом туре читателям будет предлагаться по пять вопросов и заданий: три — на знание истории спорта и олимпийского движения, два — на умение прогнозировать результаты напряженной спортивной борьбы, которая, несомненно, развернется на Олимпиаде-80.

Ответы читателей будут оцениваться по 5-балльной системе. Таким образом, за полный и точный ответ участнику будет выставляться «пятерка», как в школе. Но в отличие от школы за дополнительные сведения и подробности, имеющие прямое отношение к существу вопроса, будут начисляться еще 1 или 2 балла.

Вниманию тех, кому не удалось подписаться на наш журнал!

Для вас редакция намеревается повторять вопросы каждого тура в двух последующих номерах журнала. Но даже если кто-то из участников турнира включится в борьбу со второго либо третьего тура, авторы самых верных, обстоятельных и остроумных ответов смогут претендовать на поощрительные призы.

Срок отправки ответов на вопросы I тура — до 1 марта 1980 года (включительно). Дата отправки письма будет определяться по штемпелю на конверте. Просим не забывать делать на конверте приписку: «На «Олимпийский турнир знатоков». И еще одно условие — в конце письма надо сообщить краткие сведения о себе: фамилию, имя и отчество, домашний адрес, профессию и место работы, возраст.

Итак, на старт, знатоки! Мы болеем за вас...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ I ТУРА

1. На первом конгрессе, посвященном возрождению Олимпийских игр современности, обсуждалось несколько вопросов. Какие это были вопросы и когда проходил конгресс?

2. Назовите имена двух олимпийских чемпионов, которым воздвигнуты памятники в одной стране.

3. Сколько медалей советские спортсмены завоевали в своем первом выступлении на Олимпийских играх? Когда и где состоялся наш олимпийский дебют?

4. Ваш прогноз: кто из бегунов станет победителем Олимпиады-80 в беге на 100 метров?

5. Попытайтесь назвать обладателей всех трех комплектов медалей в мужском волейбольном турнире.

Светлана СОЛОЖЕНКИНА

Кучевые облака,
кочевые,
вы пришли издалека,
чуть живые.

Навидались вы в пути,
настрадались,
обо всем, что не спасти,
нарыдались.

И, могучие, потом
просветлели...
После ливня — в новый дом
въедут ели,

отражаясь в зеркалах
придорожных —
недостроенных мирах
невозможных,

Отдыхают облака
неподвижно.
Их дорога далека,
непостижна.

И стою я на краю
синей бездны,
не считая жизнь свою
бесполезной.

Счастье, если мы могли
с небом слиться,
в глубине родной земли
отразиться...

У яблони засыхающей,
что видела детство мое,
есть несколько яблок пока еще,
и длится ее бытие.

И грустно, а все-таки весело
глядеть на белеющий ствол...
Пять яблок, а как их развесила!
Как будто кто в гости пришел.

И вправду ведь: гости у яблони!
Сначала пожаловал дрозд,
а после — синицы и зяблики...
И все пировали до звезд.

И яблоня даже не думала,
что вот засыхает листва...
И я позабыла угрюмые,
а светлые помню слова.

И снится мне сон, что настала весна,
и я на зеленой поляне — одна.
Одна ли? Вон птица медведю поет.
Он слушает важно, в затылке скребет.
И божья коровка — пока я стою —
в росинке стирает рубашку свою.
И солнечный зайчик у самой ноги,
«Я твой, — говорит, — ты меня береги».
Да сон ли все это? Быть может, и нет.
Всю жизнь приручала я тени и свет.
Какою ценою — об этом ли речь?
Но все, что любила, старалась сберечь.

А юность? Она не вернется!
Не думай, я помню о ней.
Но легкость, волшебная легкость
дается трудней и трудней.

Мне в снах не летать: не расту я,
лишь зерна в ладонях ношу...
И холст свой я дольше грукую,
чем после картину пишу.

Уже не кончается осень.
...Апрель. В мастерской, на полу,
в кувшине — охалкой колосьев
стоят мои кисти в углу.

Рисунки Сергея ТЮНИНА

ОДНА У ЧЕЛОВЕКА РОДИНА

Петр Андреевич Абрахимов работает над книгой «20 лет послем Советского Союза». Он представлял нашу страну в Китае, Польше, ГДР, Франции, по совместительству на Мадагаскаре и опять в ГДР. Широк и разнообразен круг обязанностей посла, сложен его труд, включающий в себя выполнение важнейших заданий партии и правительства. Политика, экономика, культура... Нет такой сферы жизни, которая оставалась бы за пределами внимания дипломата, представляющего свое государство за рубежом. В предлагаемом отрывке из книги П. А. Абрахимова рассказывается о встречах во Франции с деятелями культуры — русской и зарубежной, об эпизодах, которые раскрывают одну из сторон многогранной деятельности Чрезвычайного и Полномочного Посла Союза Советских Социалистических Республик...

В Париже мне приходилось встречаться не только с государственными и политическими деятелями, финансистами и промышленниками. Многие меня связывало с литераторами и художниками, артистами и музыкантами — словом, людьми искусства.

— Вы знали Пэна?! Расскажите, пожалуйста, о нем подробнее...

Мой собеседник, известный всему миру художник, вдруг потерял всякий интерес к окружающим, отмахнулся от осаждавших его поклонников и, крепко ухватив меня за руку, увел в одну из комнат, усадил в старинное кожаное кресло и начал жадно расспрашивать о профессоре Пэне. Далеко не каждому известно имя этого талантливого художника, нашего общего земляка, окончившего Петербургскую Академию искусств, а затем много и плодотворно работавшего в Белоруссии, в том числе и в советские годы. Пэн трагически погиб — его убили обуреваемые жаждой наживы родственники.

Художника, так настойчиво расспрашивавшего меня о Пэне, звали Марк Шагал. Когда-то Шагал был учеником Пэна. Затем решил, что учиться ему уже нечему, и вовсе уехал из России, обосновавшись во Франции.

И вспомнилось, как, бывало, старик Пэн ворчливо говорил мне: «Шагал талантливый, очень даже талантливый, но как бы он там не сбился с пути в этой Франции, как бы не начал писать на потребу толстосумам всяких там козочек в облаках... Я ведь учил его реализму, я так любил его, верю в него, до сегодняшнего дня верю — он так одарен от природы».

...Марк Шагал. Салфетка, на которой он шутки ради или всерьез оставляет свой автограф, набросок с мордочкой козы, несколько штрихов городского пейзажа или забавный рисунок деревни, оценивается на «рынке маршалов» в круглую сумму. После Пикассо он, наверное, самый известный и самый дорогой художник на Западе.

Над обеденным столом на вилле Шагала висит картина, изображающая знакомые мне с детства горбатые улицы нашего города, а над подслеповатым домишком — синяя вывеска: «ЛАФКА».

— Почему же через «эф», Марк Захарович? — спросил я его удивленно.

— Молодой человек, пожалуйста, не учите меня, какие были тогда вывески! — по-стариковски ворчливо, с некоторым даже вызовом ответил Шагал, а в глазах его стояли слезы... Слезы неизбежной ностальгии — тоски по далекой, брошенной в трудные годы Родине.

Во время поездок на Запад такие слезы мне приходилось видеть не раз при случайных и неслучайных встречах с людьми, в разные годы и по разным причинам покинувшими Россию.

Помню, как довелось мне увидеться с артистом Андреевым. Волею судеб, когда многих людей разметало по миру лихими ветрами горькой эмиграции, оказался бывший актер бывших русских императорских театров во Франции.

Когда я встретился с Андреевым, было ему за восемьдесят, но, несмотря на преклонные годы, оставался он подтянутым, бодрым, ясноглазым; голова у старика светлая — никаких провалов памяти; реакция на слова собеседника — моментальная, юношеская, сказал бы; голос — актерский, великолепно поставленный, с хорошим тембром.

В далекие, трагические для Андреева годы, после унижительных скитаний по «заграницам» женился он на французке: пошли дети — полурусские-полуфранцузские, потом «внучки-четвертушки». Но сердце-то у него русское, тянулся, видно, к Родине, страдал внутренне.

Когда мы встретились, он рассказывал, все время рассказывал, страшно, видно, что не сможет сказать всего, что накопилось в сердце за долгие годы эмиграции, то есть оторванности от того, что мы определяем двумя всеобъемлющими словами — Родина-мать. Главное, что запомнилось мне из его исповеди: ох, как плохо живется русским людям на чужбине, так горько, что горше и быть не может.

— Я стар, — говорил он мне, — и нет у меня ничего такого, что бы мог я завещать после смерти Родине. Однако я не зря попросился к вам. Есть у меня стародавний друг, мсье Леонидов, бывший администратор МХАТа. Так вот, у него, у мсье Леонидов, — на французский манер сказал старик, — сохранилась уникальнейшая библиотека по истории русского театра. Он хотел бы эту свою редкостную коллекцию книг передать в дар Харькову — он там родился.

— Спасибо, — ответил я, — передайте господину Леонидову нашу благодарность.

— Но он хочет непременно увидеться с вами. Он желал бы изложить вам нечто, по его словам, крайне важное.

Назавтра я встретился с Леонидовым. Как же разительно отличался он от восьмидесятилетнего Андреева! Значительно моложе «бывшего артиста», Леонидов еле двигался, глаза его были слезящимися, тусклыми, руки мелко тряслись. Открыв потрепанный черный портфель, он достал большой лист мелованной бумаги с круглыми красными печатями и протянул мне.

— Это — завещание. Мое завещание. Я передаю всю мою библиотеку. Согласно описям, — он достал несколько страниц машинописного текста, также заверенных печатями, — коллекция уникальных книг составляет четыре тысячи томов. После моей смерти я хочу, чтобы все фолианты по истории русского театра стали достоянием харьковской библиотеки, которая имеет честь находиться на Дворянской улице.

— Такой улицы в Харькове нет, — ответил я, — с 1917 года не существует.

Пошамкав белесыми губами, утерев слезу, Леонидов после долгого и тяжелого молчания глухо ответил:

— Названия-то нет, но ведь улица осталась...

Ушел он сторбленный, шаркая ногами, и в сердце моем шевельнулась жалость к этому человеку.

— Жалеть его вообще-то не следует, — сказал мне

во время следующей встречи Андреев, — он ведь не только сам остался в Париже, когда вез за границу МХАТ на гастроли, но и многих актеров уговорил. Сколько им, ныне широко известным в Москве, пришлось помыкаться, прежде чем смогли вернуться на Родину... Так что вину свою он хочет изгладить... По-человечески я его понимаю, — вздохнул Андреев, — очень хорошо понимаю...

Однако слова «по-граждански» старик так и не произнес.

Именно Андреев впоследствии сказал мне, что неподалеку от Парижа, в городе Нейи, на маленьком кладбище похоронен великий русский композитор Глазунов, автор бессмертной «Раймонды», в которой так блистательно выступали величайшие балерины нашего времени.

Я поехал на это кладбище и среди безвестных могил французских граждан нашел небольшой мраморный крест и плиту — «Александр Глазунов». Ни венков, ни цветов — запустение; непонятное имя среди тысяч французских. А ведь Глазунов тут лежит, великий композитор, один из корифеев русской музыки — гордость наша и слава.

Сердце мое сжалось, вспомнились поруганные гитлеровскими вандалами могилы Толстого, Пушкина, вспомнилось, с каким трудом, ценою каких усилий восстанавливали мы эти святыни, вспомнилось, каким почетом окружено искусство у нас на Родине, как торжественно отмечаются Пушкинские дни в Михайловском, как празднуется на Смоленщине день рождения Глинки, когда десятки тысяч людей заполняют улицы и площади города, восставшего из пепла, и звучат вдохновенные мелодии великого сына великого народа...

— Кто из родственников Глазунова живет в Париже? — спросил я Андреева.

— Право, не знаю, — ответил он, — кажется, после смерти его вдовы единственная наследница, дочь композитора, перебралась в Германию.

— Это все, что вы знаете?

— Увы, все.

Задача оказалась очень трудной. Во-первых, ныне существуют две Германии: ГДР и ФРГ; во-вторых, человек в стране подобен иголке в стоге сена. Андреев, впрочем, вскоре позвонил мне и доложил:

— Кажется, дочь Глазунова вышла замуж за какого-то немецкого писателя, но и это неточно, так сказали знакомые, на память которых я не могу полагаться совершенно определенно.

— Это тем не менее была хоть какая-то зацепка.

Я связался с моими друзьями, работавшими в ГДР и ФРГ. Из ГДР ответили быстро — помогли немецкие товарищи, сразу же откликнувшиеся на нашу просьбу. Ответ, однако, был неутешительным: опросили членов Союза писателей, связались со всеми литераторами, не состоящими еще членами союза, но никто не был женат на дочери Александра Глазунова, никто ничего не слышал ни о ней, ни о ее муже.

Из ФРГ ответ пришел значительно позже, и радости моей не было предела: в Мюнхене живет литератор, искусствовед, выпустивший несколько книг по истории французских импрессионистов, ныне работающий над монографией о Глазунове. Жена его зовут Елена Александровна, она русская, единственная на всем белом свете наследница великого композитора.

Через несколько дней в Мюнхен вылетел работник посольства Володин, занимавшийся вопросами культуры. Я с нетерпением ждал его возвращения — мы условились, что в тот же день, сразу после беседы с Еленой Александровной, он вернется, чтобы рассказать о том, как прошла встреча. Однако ни в тот день, ни утром следующего дня Володин не вернулся. Лишь только поздним вечером он пришел ко мне — усталый, но счастливый.

— Ну, как? — спросил я.

Не говоря ни слова, Володин достал из кармана конверт и протянул его мне.

Елена Александровна Глазунова писала, что она благодарна советским людям за память о ее отце, и выражала согласие на перенос праха композитора на его Родину, в Ленинград. Имея согласие единственной наследницы, я договорился о встрече с Перетти, председателем Национального собрания Франции, который одновременно являлся мэром города, где был похоронен Глазунов. Приехав к господину Перетти, я сказал:

— В Нейи покоится прах композитора Глазунова, автора «Раймонды».

— О, это великий балет! — воскликнул Перетти. — Кто бы мог подумать, что этот замечательный русский спит вечным сном у нас!

— Вы должны понять меня: Глазунов рожден в России, он заявил себя выдающимся композитором в России, первые его произведения прозвучали в России, оттуда, из России, он пришел в мир. Следовательно, и возвратиться он должен туда, где начал.

Председатель Национального собрания задумался.

— Видите ли, я, конечно, понимаю вас и не могу оспаривать ваши доводы, но по законам моей страны перезахоронение возможно лишь в том случае, если на это есть согласие наследников усопшего.

Я достал из кармана письмо Елены Александровны Глазуновой и протянул его вместе с приложенным переводом господину Перетти.

Внимательно прочитав письмо дочери Глазунова, председатель Национального собрания вернул его мне, сказав:

— У меня одно неперемное условие.

Я подумал: «Ну, началось».

— Слушаю, господин председатель.

— Все расходы, связанные с транспортировкой праха господина Глазунова по территории Франции, вплоть до аэродрома, принимает на себя наша мэрия.

Я вернулся от председателя Национального собрания в свое посольство счастливым.

Вечером, после того, как я договорился с ленинградскими товарищами о времени и месте захоронения праха Глазунова, раздался телефонный звонок.

— Добрый вечер,— слышу голос.

— Добрый вечер.

— Это говорит Елена Александровна Глазунова.

— Здравствуйте, Елена Александровна. Я только-только сел писать благодарственное письмо— спасибо большое за то, что вы остались патриоткой Родины.

— Я всегда была и буду патриоткой Родины,— ответила женщина. По голосу чувствовалось, как она волнуется.— Мой отец умер гражданином СССР, он с советским паспортом умер, отказался его поменять, говорил: «Я был, есть и останусь русским»... Так вот, у меня есть одно условие, которое я не высказала вашему коллеге...

— Слушаю вас,— ответил я, но без того волнения, которое испытал, разговаривая с председателем Национального собрания Франции, потому что сразу же услышал и почувствовал в голосе этой женщины из Мюнхена что-то наше, родное.

— Условие мое состоит в том, чтобы при перезахоронении праха отца могли присутствовать я и мой муж— не только, естественно, в Париже, но и на Родине.

...Прошло несколько дней, и улицы Ленинграда были заполнены тысячами людей, почитателями таланта великого композитора. Через репродукторы, установленные по пути следования кортежа, передавали музыку Александра Глазунова. Могила его в Ленинграде стала громадным холмом из цветов— так много венков принесли граждане города-героя своему композитору.

...Спустя несколько лет я встретился с Еленой Александровной и ее мужем.

— Мы недавно еще раз побывали в Ленинграде,— сказала она,— и были поражены, как много цветов приносят на могилу отца советские люди; только Родина умеет так хранив благодарную память о тех, кто вдохновенно творил для народа.

Был и другой эпизод, в чем-то похожий, а в чем-то совсем иной.

Расскажу и о нем...

Оказавшись однажды в Марселе, я посетил мэра— социалиста Дэффера. Кое-кто говорил мне, что он правый социалист и человек по отношению к нам весьма и весьма сдержанный. Я, однако, этого не заметил. Принял нас Дэффер отменно дружески. Он был обычным средним французом, гордым тем, что его уже много раз подряд выбирают мэром Марселя, влюбленным в свой город, хорошо его знающим.

И вот во время обеда у мэра кто-то из гостей упомянул, что в Ницце, «жемчужине Франции», самом красивом городе Средиземноморья, похоронен Герцен.

Желая уточнить, я спросил:

— Где именно в Ницце похоронен Александр Герцен?

Точного места захоронения никто не знал. Более того, многие из присутствующих вообще впервые слышали его имя.

Решил начать поиск. Поехал на кладбище, на другое, третье. Никаких следов. Что делать?! Такое потом не простишь себе. Устал, ноги подкашиваются, но, думаю, все равно своего добьюсь! К концу дня счастье, наконец, мне улыбнулось.

— Герцен... Герцен...— задумчиво повторил следом за мной один из посетителей кладбища, к которому я обратился.— Это русский анархист, который призывал бомбы кидать?

— Да не призывал он бомбы кидать,— ответил я, раздражаясь.

— Мне кажется, в Ницце есть один старик,— заметил мой собеседник,— в прошлом кладбищен-

ский смотритель. Он живых не жалуется, оттого что скуп и нелюдим, но зато великолепно знает всех именитых усопших. Он в этом деле живая энциклопедия.

С трудом нашел я «энциклопедиста». Развалина развалиной, но глазенки, что называется, острые.

— Как же, как же, знаю, где могила Герцена находится.— И назвал по памяти, не заглядывая даже в реестры, номер кладбищенской аллеи.

— Так ведь я один не найду,— сказал я.

— А у меня ноги больные, мсье, мне ходить тяжело.

— Это не проблема, на улице стоит автомобиль.

— Это, конечно, хорошо, что мсье отвезет меня, да только по кладбищу пока еще автомобили не ездят, а лекарства, чтобы потом ноги растереть, весьма дороги у нас.

Я понял намек, достал франки и протянул их деду. Тот сразу оживился, ноги мгновенно поправились, и мы поехали на кладбище. В дальнем углу в полнейшем запустении, в безвестности, в тишине— тропа-то «заросла», если приложить пушкинские строки,— стоит памятник Александру Герцену, и никому во всем этом красивейшем городе нет дела до него— какой-то иностранец захоронен, мало ли их тут?!

Когда я рассказал об этом французским друзьям, те ответили:

— А что вы хотите? Попробуйте спросить любого парижанина, где похоронен Федор Шалапин, вряд ли из десяти тысяч один знает...

Я начал действовать— решил приложить все силы к тому, чтобы вернуть на Родину прах человека, память о котором всем нам дорога. Возвратившись с кладбища, сразу же попросил отвезти меня к префекту. Префект оказался славным человеком. Выслушав меня, он ответил:

— У нас возражений нет, господин посол! Считайте эту проблему решенной!

В Париж возвращался словно на крыльях— в прямом и переносном смысле: самолет— как явление материального плана и мое внутреннее состояние— как явление плана душевного.

Не успел я дома прийти в себя после дороги, как раздался телефонный звонок. На другом конце провода префект говорил извиняющимся голосом:

— Господин посол, простите великодушно, однако возникла серьезная проблема: по французскому законодательству мы не можем позволить перевоз праха без разрешения на то наследников умершего.

— Это я беру на себя,— ответил я,— об этом не беспокойтесь.

На том и порешили.

Отыскал я тут же с помощью французских друзей телефон внучки Герцена. Лет внучке не меньше девятина. Попросил секретаря набрать ее номер. Отрекомендовавшись, сказал, что являюсь большим почитателем таланта ее великого деда и хотел бы... Старуха резко оборвала:

— Коли по поводу перезахоронения, прошу не обременять себя звонками.

И бросила трубку. Я не сразу понял, что старуха бросила трубку: решил, что разъединили. Набрал номер еще раз. К телефону никто не подходил. Только тогда я понял, что для девяностолетней внучки великий дед мало что значит. Можно только диву даваться: не желать того, чтобы прах Александра Ивановича оказался в России, куда так стремился великий писатель-демократ, изгнанный царскими палачами в эмиграцию.

В сердцах подумал: «Если ты, древняя развалина, повернулась спиной к тем двумстам шестидесяти миллионам, для которых Герцен— национальная святыня, человек, именем которого названы театры, улицы, институты, библиотеки, то правнуки должны быть иными— не зашоренными, как лошади в дореволюционной донбасской шахте».

Помогли французские друзья— собрали всех правнучек и праправнуков. По-русски из тридцати наследников с грехом пополам человек пять говорят. Выступил я перед потомками, втолковал им, что означает для нас Герцен, корил их тем, что мы столетие со дня его смерти отмечаем всенародно, а они всего лишь один веночек на могилу предка соизволили принести. Словом, и так и сяк их уговаривал. Один из правнуков, юрист, посмотрел на меня с сожалением и вздохнул:

— Ничего у вас, господин посол, не получится, хотя я готов поддержать идею: я в Москве был и, когда мне показали улицу Герцена, не поверил. Вечером привел другого переводчика и попросил прочесть мне надпись на табличке: все верно— улица Герцена. Не скрою, был весьма и весьма удивлен, не мог себе представить ранее, что мой предок столь известен в России.

Порешили, что, когда девяностолетняя внучка преставится, мы снова вернемся к обсуждению этой проблемы— праправнуки, не говорящие по-русски,

книг предка толком не знающие, обещали вроде бы дать свое согласие на перевоз в Москву праха Александра Ивановича Герцена.

После «эксперимента» с родственниками Герцена в отношении праха Шалапина я решил действовать более осторожно. Мне рассказали, что у Шалапина осталось пять или шесть наследников: сын Борис, художник, живет в США, другой сын, мелкий бизнесмен, работает в Италии, дочь Ирина— актриса одного из московских театров, четвертая дочь, Марина— замужем за англичанином, крупным предпринимателем, пятая, Марфа, тоже проживает где-то в Англии, а шестая, Дассия, обитает в Париже, но уже в облике графини Шуваловой: вышла замуж за столбового дворянина, батюшка коего владел десятками тысяч десятин земли в России, множеством усадеб, поместий. Послали из посольства запросы. Ответ от сыновей Шалапина пришел быстро: «Согласны, благодарим, гордимся». Прислала телеграмму из Москвы Ирина Шалапина. Согласились «английские» дочка Федора Ивановича. Я торжествовал победу. Положив в карман все эти «наследниковы ответы», попросил связать меня с «графиней».

— О, советский посол! Как интересно! Хотите увидеться по делу, связанному с моим отцом? Что же, пожалуйста! Приезжайте, вместе пообедаем.

Встретила меня молодящаяся еще дама, вся в белых и румянах. Сели за стол— хрусталь, ножей и вилок серебряных несчетное количество, лакей во фраке, русская водка на столе.

Когда дворяне мои крепко подвыпили, граф, откашлявшись, произнес следующее:

— Я понимаю, зачем вы к нам пришли. Мы и про ответ Бориса все знаем, и про Ирину согласие вместе с другим братцем, и про лондонских сестриц. Так вот, господин советский посол, мы согласимся на перезахоронение праха Шалапина лишь в том случае, коли вы, большевики, выплатите мне хотя бы часть компенсации за поместья и земли, которые были конфискованы вами у моего незабвенного батюшки.

Повернулся я к Дассии: как-никак дочка, может, граф спяну не то говорит, может, она обворует его?

— Это наша общая точка зрения,— ответила Дассия, словно бы поняв мой немой вопрос,— мы с мужем это для себя давно решили.

Встал я и уехал.

Горько мне как-то тогда стало и пусто в этом прекрасном городе, залитом огнями и бешеной разноцветной рекламой, заполненном миллионами автомобилей разных марок...

Я познакомился в Париже с Пабло Пикассо, написавшим, как известно, гневную картину «Герника». Испанец по крови, Пикассо сказал:

— Я не вернусь на родину до тех пор, пока там правят фашисты. Я никогда не прощу им Герники. Вспоминаю я и Пабло Неруду, сражавшегося против фашистов в Испании и Чили, вспоминаю нашу с ним встречу в Париже. После победы правительства Народного единства, когда президентом Чили народ избрал Сальвадора Альенде, великий поэт нашего времени, коммунист и антифашист Неруда стал послом страны Народного единства во Франции. Когда я спросил Пабло, отчего он ушел на дипломатическое поприще, Неруда ответил:

— Так нужно моему народу, так, увы, нужно и мне.

И он показал на свои больные ноги.

— Организм, видно, здорово подызолился, физически я чувствую себя неважно, говоря откровенно. Здесь есть врачи, которые, надеюсь, помогут мне подремонтироваться. От работы отходить не могу и вот совмещаю труд с лечением... Давайте встретимся у меня дома,— предложил Неруда,— вы приедете не к послу, а просто к человеку, который очень любит вашу родину.

Через несколько дней я приехал к Неруде. Жена поэта провела меня в кабинет. Пабло полулежал на диване.

— Извините, что не смог выйти к вам,— вздохнул он,— мне сегодня что-то особенно нездоровится.

Неруда расспрашивал меня о Москве, где он часто бывал, о наших писателях, с которыми встречался. Я, в свою очередь, спросил о новой его деятельности— дипломатической.

— Здесь, в Париже, именно сейчас,— задумчиво ответил он,— я больше всего могу помочь моему другу, президенту Альенде. Ведь Чили блокируют империалисты везде, где только можно. Им нужно вызвать внутренний разлад в стране, помочь реакции, всей правой сволочи, которая в свое время аплодировала Гитлеру, Муссолини, Франко. Вот и приходится мне бороться здесь с теми, кто налаживает арест на прибывающую в европейские порты чилийскую медь,— ведь это почти единственный наш источник получения валюты.

Кабинет Неруды был небольшой, кабинет поэта,

художника — всюду книги: в шкафах, на столе, на подоконниках. Рядом с диваном, на маленьком столике лежала стопка бумаги, частью исписанной. Неруда заметил мой взгляд.

— Новая поэма, — сказал он, — тороплюсь закончить... Поэма будет воспевать кубинскую революцию. Условно я ее назвал «Песни о подвиге»... Но это все еще в работе, поэзия — это очень трудно, потому что она совмещает в себе красоту и честность.

Он попросил жену, которая любовно укрывала пледом его ноги, достать с полки книгу.

— А вот эту книгу я подарю вам. Это «Песни любви Сталинграду».

Он подписывал мне свой том, и я видел, как лицо его медленно бледнело от боли. Я поднялся. Поблагодарил Пабло.

— До встречи в Москве, — тихо, с грустью сказал Неруда.

Но встрече этой не суждено было состояться. Перечитывая сборник стихов Неруды, я остановился на пророческих строках:

*Отныне здесь
я остаюсь с
тобой.
Во имя Чили —
воли голубой...
Во имя красных флагов
на востоке,
их страсти,
их движения к свободе...
Иди со мной, борись.
Отныне твой —
мой стихотворный
склад пороховой.*

Мертвый Неруда, как и мертвый Гарсиа Лорка, был опасен чилийским фашистам: скромные похороны поэта прошли в окружении карабинеров, а муниципальное кладбище в Сантьяго было оцеплено полицией. Дом, в котором жил и творил поэт-революционер, фашисты разграбили, надругавшись над памятью того, кто вступил в схватку с фашизмом в Испании и оставался верен идеалам социализма до последнего своего часа.

Встретился я в Париже и с известной художницей Надеждой Леже. Пятнадцатилетней девчонкой Надя Ходасевич попала вначале в Варшаву (она жила на самом «стыке» Польши и Белоруссии), а затем волею судьбы оказалась в Париже. Здесь талантливая девушка начала учиться у Фернана Леже, замечательного художника, антифашиста, коммуниста. Потом Надя стала его верным другом и спутником жизни.

Надежда Петровна, известная художница, большой друг нашей страны, передала в дар советским музеям много картин и мозаики. Она подарила нам произведения живописи Фернана Леже, а также несколько тысяч превосходно выполненных репродукций шедевров мирового искусства, десятки монументальных мозаичных произведений, созданных ею... Первая выставка репродукций шедевров мировой живописи, организованная в Музее изобразительных искусств еще в 1968 году, вызвала огромный интерес советской общественности. Из подаренных Надеждой Леже репродукций, слепков, мозаик были сформированы передвижные выставки, которые побывали во многих городах нашей Родины. Такие выставки всегда оказывались большим событием в жизни каждого города, где они побывали. Дар Надежды Петровны помогает познакомиться с произведениями искусства, которые находятся не только в разных музеях мира, но и в частных коллекциях.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за большой вклад в советско-французское сотрудничество и в связи с 50-летием творческой деятельности в области изобразительного искусства Надежда Петровна Ходасевич-Леже была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

...Не так давно мне вновь довелось встретиться с этой простой и доброй женщиной в Советском посольстве в Париже. Она пригласила меня посмотреть в представительство советского агентства «Аэрофлот» в центре Парижа созданный ею мозаичный портрет В. И. Ленина. И если ныне в белорусской деревне, где родилась Надежда Петровна, портрет Ленина можно увидеть в каждом доме, то образ нашего Ильича в самом центре Парижа, на Елисейских полях, — это словно удар молнии для одних, а для других — надежный, одухотворенный свет.

На Елисейских полях всегда шумно, оживленно,людно. Всякий парижанин или приезжий, откуда бы он ни был, непременно пройдет по Елисейским полям. И увидит портрет великого Ленина — творение дочери белорусского народа, человека, глубоко преданного советско-французской дружбе.

СОЖГИТЕ ВСЕХ!

Начало на 22-й стр.

шпийся в ней страх. Клер зарыдала, глядя, как горит весь целиком поселок Гийоз; не только дома, но и сараи, пристройки. Все.

Вдруг что-то возникло в этом пекле. Черный шар. Огромного размера. У Клер мелькнула мысль, что оживший огонь подсылает к ней какого-то невероятного палача. Но, выйдя из пламени, эта темная форма оказалась, в свою очередь, огненной массой. Эта масса ужасающе мычала, устремившись к Клер. Охваченная страхом, Клер бросилась бежать, но корова, превратившаяся в живой факел, преследовала ее. На что надеялось животное? Что человек сможет ему помочь? Или в смертельной отчаянной ярости хотело увлечь за собой единственное оставшееся в живых существо?

Клер остановилась перед высокой изгородью, повернулась, чтобы встретить опасность лицом к лицу, но корова упала на середине луга. Горящее туловище осело, задние ноги дернулись несколько раз. Клер не могла двинуться с места, пока животное еще подавало признаки жизни. Потом она пошла вдоль изгороди, нашла деревянную калитку, открыла ее, пересекла еще один луг и, наконец, увидела дорогу.

Примерно минут через десять Клер остановилась. Опять ее окутывал туман, и ничего не было видно, кроме узкой черной линии — поросший травой кювет. Она была рада вновь очутиться в ледяном тумане, с наслаждением окунувшись в него и шла не оборачиваясь, пока не исчез из виду не только горящий поселок, но и розовый ответ пламени. Лишь тогда она почувствовала себя в безопасности и продолжила путь.

Ей придется вернуться туда. Не может ведь она вот так сбежать, бросив Пьера и остальных. Ее бывший муж сказал, что в поселке восемь жителей. Пожилых людей. Не может быть, чтобы все они погибли в пожаре. В любом случае ее машина цела, и она сможет поехать за помощью в соседнюю деревню.

Клер повернула, но ее шаги были неуверенны. Она отдала себе отчет, что топчется на месте и ее тело отказывается возвращаться в этот кошмар. Она стиснула зубы, сделала над собой усилие, чтобы идти быстрее.

Вначале путь ей указывало пятно, различимое в тумане, а затем — некое радужное свечение. Клер прошла сквозь кокон тумана и очутилась перед пожарницей. Никто не мог бы сказать, что это горит. Слева не менее минуты виднелся скелет дома, но и эта почти абстрактная картина растаяла в огне.

Возле прачечной Клер нашла нетронутую свою машину. Но ее радость едва не сменилась рыданием: эту машину они купили вместе с Пьером, когда еще были женаты. Не отрывая взгляда от пожара, она нашарила в сумке ключи, открыла дверь. Когда Клер взглянула в сторону поверх заиндевшего капота машины, ей показалось, что она видит удаляющуюся белую фигуру.

— Эй! — крикнула Клер. Она приподнялась на цыпочках и ясно различила белый силуэт. Весь белый с ног до головы.

— Мсье? Пока Клер обошла машину и остановилась в нерешительности у откоса, под которым виднелась лужа, никого уже не было. Она решила, что ей померещилось.

Мотор долго не заводился. Клер уже казало, что она никогда не двинется с места, когда он вдруг заработал. В реве двигателя его едва было слышно.

Туман быстро укутал Клер в свое уютное покрывало. В конце концов он был естественным явлением зимы. Позади же осталась ужасающий беспорядок, разрушение. Она ехала к живым людям. Она была жива. Ей не терпелось позвать чью-нибудь руку, опереться на секунду на чье-нибудь плечо.

Клер так торопилась, что вначале слабая видимость на дороге не мешала ей, но постепенно она поехала медленнее между двумя неясными линиями, ограничивающими путь. По краям дороги фары высвечивали траву, покрытую инеем.

Быть может, она проехала пересечение дорог, откуда значительно быстрее добралась бы до населенного пункта? Быть может, не заметила указатель? Клер подумала, что кружила на месте, потому что увидела то же розовое пятно, то же радужное свечение и тот же кошмар...

Потом она увидела машины, сигнальные фары, пожарных. В этом месте дорога была очень широкой, посредине стоял жандарм и делал ей знак проезжать, не останавливаясь. На обочине уже

выстроилось много автомобилей. Клер опустила стекло.

— Пожар... В Гийозе...

Жандарм услышал лишь начало фразы.

— Да, мадам, пожар... Горит лесопильня Бортели. Но уже поздно, поезжайте домой.

Клер объяснялась с трудом. Пришлось съехать на обочину, и рассерженный жандарм подошел к ней.

— Пожар в Гийозе! — крикнула она.

Он посмотрел на нее как на сумасшедшую.

— Пожар в Гийозе?

— Скорее пошлите туда пожарных! Все горит...

Все уже сгорает.

Жандарм бросил на нее странный взгляд и, повернувшись, куда-то зашагал. Клер пошла за ним, путаясь в шлангах. Она слышала вокруг разговоры о замерзшей воде, которую пришлось разогревать автогеном... Жандарм подошел к капитану, что-то ему прокричал.

Клер увидела, как слева от нее сильное пламя охватило со всех сторон большое здание. Она остановилась как вкопанная. Жандарм и капитан стояли перед ней.

— Вы говорите, что горит Гийоз? Один дом, наверное?

— Весь поселок, — сказала Клер. — Везде бензин... Я слышала, как грузовик...

Внезапно ей пришла в голову мысль, что между грузовиком и пожаром есть связь.

— Да, это так... Наверняка цистерна... Она застряла в улочке...

— В этом поселке есть очень опасный поворот, господин капитан... — вмешался жандарм.

Капитан рассматривал Клер.

— Вы запачкали лицо, — заметил он.

Клер провела по лицу рукой. На ней осталась копыть.

— Вы ехали через поселок? — спросил жандарм.

— Я ехала через поселок? Да я ночевала там... У мужа... У моего бывшего мужа. Он был болен. Я должна была привезти к нему Стефана и...

Все это было ни к чему, и Клер покачала головой.

— Мне едва удалось спастись... Там горит... Говорю вам, все горит! — крикнула она.

Вокруг собирались местные жители, которые пришли поглядеть на пожар. На нее смотрели с изумлением.

— Должно быть, и в Гийозе пожар, — сказал жандарм.

Вдруг Клер почувствовала, что падает, а очнувшись в машине «Скорой помощи».

— Вам лучше? — спросил ее, улыбаясь, незнакомый молодой человек.

Клер удивило, что он смог улыбнуться: туго натянутый под подбородком ремешок придерживал каску. Она вздохнула, приподнялась.

— Все в порядке, спасибо.

— Одна машина поехала туда, но вызовут еще пожарных из Бурга и других городов. Мы не можем бросить этот пожар...

— Здесь есть жертвы?

— Нет... Ночной сторож живет рядом, с ним все в порядке...

— Там они все погибли. — сказала Клер.

Пожарный посмотрел на нее с упреком, как будто она произнесла что-то неуместное. Она вышла из санитарной машины, достала сигарету, но в последний момент не смогла закурить. Многие люди покинули спектакль, который являла собой горящая лесопильня, чтобы отправиться в Гийоз. Клер поехала вслед за светящимися фарами фургончика и была удивлена, что так быстро добралась до места. Когда она бежала оттуда, ей показалось, что путь был гораздо длиннее.

Поселок все еще пылал, но уже не так сильно, как в момент, когда ей едва удалось спастись. Конечно, пламя еще не погасло, но оно дожидало теперь остовы домов. Туман вокруг стал еще плотнее. В свете вспыхнувшего над остатками строения пламени Клер различила каркас автоцистерны, застрявшей на том самом повороте. Она правильно угадала.

Капитан жандармерии увидел Клер и подошел к ней.

— Здесь уже мало что можно сделать. Вы уверены, что никто не уцелел?

Она собиралась ответить утвердительно, когда вспомнила о белой фигуре у прачечной. Это мог быть мужчина в рубашке с длинными рукавами и в длинных кальсонах. Так, возможно, оделся бы старый человек, ложась спать?

— Не знаю, — сказала Клер. — Мой бывший муж лежал в постели больной, а я не смогла его вытащить из пожара. Сначала загорелась передняя часть дома... Но потом вспыхнуло все.

Клер хотела взглянуть капитану в глаза, удивилась, когда увидела, что они голубые.

— Шел дождь из бензина...

— Из бензина? — переспросил он в изумлении. — Значит, вначале взорвалась цистерна?

Клер покачала головой.
— Я не слышала взрыва.

— Тем не менее он, должно быть, произошел.

Возможно, пока она шла по дороге или позднее, когда она уже ехала в машине.

— Шел дождь из бензина,— сказала Клер.— До того, как все загорелось. У меня хватило времени встать с постели, спуститься в мастерскую мужа, посмотреть, не опрокинулась ли канистра... подняться и тогда...

Капитан как-то странно смотрел на нее.

— Я не выдумываю,— сказала она мягко.

— Может быть, цистерна была продырявлена, и под давлением брызнули струи бензина.

— Не знаю,— проговорила Клер.— У меня было впечатление, будто поливают стены и крыши.

— Вы никого не видели?

— Корову, которая превратилась в живой горящий факел. На лугу за домом мужа... И еще, но тут я не уверена, какую-то белую фигуру... Я стояла здесь...

Она указала на прачечную, на крутой откос.

— Я подумала, что это пожилой мужчина в белье... Испугавшись, он мог убежать... Может, он бродит в поле, ничего не помнит...

— Мы займемся поисками.

По всей видимости, он ей не верил. Несколько пожарных, которых перебросили с лесопилки, почти ничего не могли сделать. Они поливали из шланга первый дом справа. Следующий после сарая был дом Пьера.

Клер села на камень у прачечной и обхватила голову руками. Возможно ли, чтобы от одной цистерны загорелась целая группа домов и сараев, по меньшей мере дюжина строений? Здесь были заброшенные или пустые дома, сараи, дворы, обнесенные стенами.

— Обнаружено тело,— произнес кто-то, приближаясь к Клер. Это был мужчина лет пятидесяти в теплой вельветовой куртке.— Я всех тут знаю. Ваш муж мастерил разные вещи из дерева, не так ли? Но вы не жили с ним вместе.

— Мы разошлись,— прошептала Клер устало.

— А сегодня ночью вы были здесь?

Клер не сочла нужным вдаваться в объяснения. Она встала, взглянула на откос. Галлюцинация? Возможно, оставшись целой и невредимой в этом кошмаре, она пожелала увидеть еще одно живое существо, просто пожелала? А ее воображение сделало остальное. Но почему же оно одело этого человека в нечто, напоминающее белый комбинезон?

Вдруг Клер направилась к капитану жандармерии:

— А шофера нашли?

— Шофера? Нет...

— Некоторые водители носят белые комбинезоны... Я подумала, может, человек, которого я заметила,— это шофер...

— И под влиянием шока он сбежал?

— Именно.

— Здесь ходит патруль.

Вдалеке послышалось завывание сирены, и кто-то сказал, что это пожарные из Бурга. Они приехали на четырех машинах, одна из которых автоцистерна. Вскоре в действие вступило несколько брандспойтов.

По мере того как спасатели продвигались по узкой улице, жандармы разогнали зевак. Клер разрешили остаться. Люди ступали по черноватой воде, которой нелегко было стечь.

— Знаете,— обратился к Клер жандарм,— раз горел бензин, они ничего не смогли бы сделать.

— Сколько его в этой цистерне?—спросила она.

— Наверное, 20 тысяч, 30 тысяч литров...

Казалось, будто цистерна согнулась пополам, и это могло объяснить, почему струи брызнули на крыши и стены домов.

— Скоро можно будет пробраться в ваш дом,— сказал Клер все тот же жандарм.

Тогда она подумала об игрушках, которые Пьер с такой любовью смастерил для Стефана. О самом Пьере, от которого остался там, наверху, лишь пепел.

Из ближнего дома вытащили тело и унесли на носилках. Покрывало прятало то, что пожарным удалось освободить из развалин. Как могли они быть уверены, что вот эта зола—останки живого

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Глава III

существа, а эта—какого-то предмета? Действовали ли они наугад?

Пожарный в противогазе с брандспойтом проник в мастерскую Пьера. Здесь остался лишь металлический станок, весь покореженный. Пьер потратил на него все свои сбережения.

— Вы в самом деле хотите посмотреть?—спросил капитан.

Она не знала. А что сказать Стефану об отце, которого он обожал? И потом, позднее, когда он захочет узнать подробности? Рассказать ему о теле, от которого огонь оставил лишь горсточку пепла?

— Вы нам понадобится в качестве свидетеля, но если вы хотите вернуться домой...

— В Лион?

Ее мать включала радио очень рано, как только просыпалась, еще лежа в кровати. Будут ли уже в это время передавать информацию о пожаре? Клер не видела журналистов, но всегда найдется кто-нибудь, кто позвонит. Кажется, «Европа-1» давала премии тому, кто сообщал о подобных происшествиях.

— Оставьте свой адрес.

— Я подожду еще немного.

Она вернулась к своей машине, забралась в нее, закурила. Запотевшие стекла сразу словно отделили ее от всех.

Но в окно постучали. Человек, закутанный в шерстяной шлем, протянул Клер термос.

— Я ходил домой за кофе для пожарных... Хватит и вам.

Она выпила два стаканчика, поблагодарила. Мужчина исчез так же незаметно, как и появился. Когда Клер вышла из машины, пронесли носилки с другим телом, и она заметила небольшой грузовичок с гробами.

— Они всегда есть в запасе,— сказал кто-то.— По плану ОРСЕК.*

К Клер подошел капитан, указал на носилки.

— Нашли вашего... бывшего мужа...

Он как будто с трудом произнес «бывшего».

— Огонь его почти не тронул... Видимо, пламя очень быстро миновало его и скорее удружило, чем обожгло.

— Его теперь же положат в гроб?

— Так было бы лучше.

Клер направилась к грузовичку с гробами, и капитан счел нужным подержать ее за руку.

* ОРСЕК—план организации помощи (при национальном бедствии). (ORSEC—organisation des secours).

К 10 часам туман немного рассеялся, но повис непрозрачным куполом надо всей местностью, словно дожидаясь вечера, чтобы опять прилепиться к земле. На дорожном перекрестке Женис Монтелье увидел щит Дорожного управления, указывающий, что в двух километрах дорога перекрыта. Тем не менее он продолжал путь. Известие о том, что поселок Гийоз уничтожен огнем, он услышал, включив приемник в машине, когда выезжал из Лиона. Посреди поселка взорвалась автоцистерна. Погибло девять человек. Никто не выжил. В сущности, его работа была облегчена. Если все жители мертвы, нет причин туда ездить. Достаточно будет показать патрону вырезку из вечернего или завтрашнего выпуска газеты. Кредитное общество разберется со страховкой. Возможно, однако, что автомобиль не сгорел, и Женис сможет забрать его. Он предпочел поехать взглянуть.

Второй щит был установлен за километр до поселка, третий—за пятьсот метров. Какой-то человек в рабочей одежде стоял на дороге. Наверняка дорожный рабочий—на нем была оранжевая куртка, которую теперь носят эти рабочие, чтобы быть заметней для автомобилистов. Он сделал Женису знак, и тот остановился.

— Вы не проедете. Каркас цистерны загорелся, улицу.

— Быть на месте событий—моя работа,—сказал Женис, улыбаясь.

Ему показалось, что для дорожного рабочего у мужчины чересчур белые и холеные руки.

— Во всяком случае, там дежурит жандармерия.

— Все же я взгляну. В самом деле никто не выжил?

Дорожный рабочий покачал головой, медленно, как бы нехотя отступил в сторону.

Женис Монтелье сразу же заметил ограждение из старых балок и двух жандармов в касках с автоматами у бедра. Полевая жандармерия! Черт возьми! Один из них поднял руку, и Женис посчитал за лучшее остановиться и выйти из машины.

— Вы не видели надписи? У вас были родственники в поселке?

— Нет, я еду сюда по работе.

— Ваши документы, пожалуйста.

Женис достал визитную карточку, где были обозначены его должность и название Общества.

— Следовательно?—прочел жандарм насмешливо.—Следовательно по каким делам? А В. Р. Н., что это значит?

Объяснение было у него перед носом, но Женис примирительно расшифровал каждую букву.

— Взыскания, Расследования, Наблюдение...
Здесь жил один клиент, который не внес плату за машину, я хотел попросить у него объяснения.

— Имя?
— Женис Монтелье...
— Клиента?
— Пьер Давьер.
— Он умер...
— Послушайте, он купил подержанный грузовичок «Рено»... Вдруг грузовичок остался цел... Должен же я отчитаться.

У другого жандарма висела на ремне рация, и он отошел в сторону, чтобы передать сообщение. Женис Монтелье в изумлении оглядывался по сторонам:

— Но что происходит? Это что, какое-нибудь покушение?

— Пусть вас это не беспокоит, мсье.

— Однако...

Он счел за лучшее промолчать, потопал на месте:

— Не жарко, а?

Жандарм не ответил, и Женис закурил, шагая

взад-вперед, пока второй жандарм не вернулся.

— Развалины расчищены еще не до конца,— сообщил он.— Вам придется подождать пару дней.

— Хорошо,— сказал Женис,— и на том спасибо.

Под бдительным взглядом жандармов он развернулся и поехал обратно. Проезжая мимо необычно

дорожного рабочего, Женис махнул ему рукой и машинально взглянул в зеркало заднего вида.

— Черт!— пробормотал он.

Рабочий вытаскил из куртки какой-то аппарат и, казалось, говорил в него. И у него тоже имела

рация? Что все это означает?

В первой половине дня Женис посетил две семьи в этом районе. Из тех, кто покупал в кредит различ-

ные бытовые приборы и забывал вовремя платить. Его роль состояла в том, чтобы пригнать их,

пригрозить, что немедленно заберет цветной теле-

визор или электрическую плиту. Они приходили в ужас и спрашивали, что же делать.

— Я, знаете ли, добрый малый... Заплатите мне

два взноса, я дам вам квитанцию... Но впредь

постарайтесь платить аккуратней.

Они обещали... Было указание—получать по

максимуму и даже отбирать приборы, если послед-

ний взнос не уплачен. В некоторых магазинах

подержанных вещей их потом хорошо перепрода-

вали. А когда женщина нравилась Женису и пони-

мала что к чему, он великодушно соглашался зайти

позже, когда дома будет муж. Женису нечего

было бояться. Общество финансировало клуб кара-

тэ, и следователи обязаны были регулярно трениро-

ваться. В период выборов Женис руководил специ-

альными командами; иногда возникали острые си-

туации.

В полдень он позавтракал в деревенском бистро

недалеко от Гийоза. Все говорили о двух пожа-

рах—на лесопильне Бортелли, конечно, тоже, но в

основном о целиком сгоревшем поселке. Все хоро-

шо знали погибших в пожаре жителей поселка. Это

были старые люди, за исключением одного посе-

лившегося там молодого мужчины, мастерившего

по дереву. Из разговоров Женис Монтелье узнал,

что одной женщине удалось спастись, как раз жене

Давьера.

— Вы уверены?—спросил Женис у старого кре-

стьянина, который пил у стойки красное вино.

— Я был там сегодня ночью у Бортелли, когда она

приехала... С черным лицом, вся перепуганная,

бедняжка... И надо ж, чтоб все местные пожарные

были на лесопильне... Вот ведь как совпало...
Несчастная.

— Говорят, что у Бортелли это был поджог,— ска-

зал хозяин бистро, прохаживаясь за стойкой ба-

ра.—Леваки... Бортелли поставлял дрова электростан-

станции Крейс Мальвиль... А нынче на некоторые

предприятия покушаются... На те, которые работа-

ют для Супер-Феникса...

Монтелье спрашивал себя, почему дорожный

рабочий не сказал ему об этой женщине, которая

спаслась от пожара и поехала за помощью. Черт

поberi! За кого они его принимают? Он должен был

делать свое дело, и никто ему не помешает получить

назад этот автомобиль или деньги. Сверх зарплаты

Женису полагался еще небольшой процент со всех

сумм, которые ему удавалось взыскать с клиентов,

а средства, которыми он для этого пользовался.

В. Р. Н. не интересовали. Если вдруг грузовичок

«Рено» уцелел, он мог проверить неплохое дельце.

Эта мадам Давьер, должно быть, в таком состо-

янии—подпишет, что угодно.

Перевод с французского Надежды НОЛЛЕ.

Конкурс Эрудитов

Итак, мы начинаем конкурс эрудитов. В течение последних недель почта приносила и продолжает приносить много интересных вопросов. Приятно отметить, что читатели отнеслись к предложению редакции с большой заинтересованностью, проявив при этом широкую эрудицию.

Редакция благодарит всех, кто быстро, с душой откликнулся на нашу идею. Наиболее интересные, по мнению жюри, вопросы послужили материалом для составления I тура. Ответьте на предлагаемые вопросы. Претендовать на победу могут те, кто наиболее точно и полно ответит на пять любых—на выбор—вопросов из двадцати. Разумеется, преимущество получит тот, кто ответит на шесть или большее количество вопросов. Победители определяются в конце каждого тура. Призы—книги и альбомы.

Конкурс будет проведен в несколько туров в течение года. Все читатели, в том числе и победители предыдущих туров, могут принять участие во всех последующих.

Напоминаем, что авторами конкурса являетесь вы сами, дорогие читатели. Поэтому мы по-прежнему ждем от вас интересных, содержательных вопросов. Не забудьте к вопросам написать ответы со ссылкой на первоисточники. Срок отправки ответов на I тур и вопросов на II тур—25 февраля (по почтовому штемпелю).

I ТУР

1. Какой цветок—самый крупный?

С. ЛЕОНИДОВ,
Евпатория

2. Когда и кем в России были введены ордена? Когда был учрежден боевой орден Св. Георгия и кто был полным кавалером этой награды?

Н. СЫЧЕВ,
Аркалык, Казахская ССР

3. Что означает выражение «Сжечь за собой мосты»? Расскажите кратко о том, при каком историческом событии появилось данное выражение.

4. Над проектом памятника, посвященного Куликовской битве, в разное время работали известные архитекторы и скульпторы. Кого из них вы знаете, какие работы принесли им мировую известность?

5. Сколько лет велосипеду, кто его изобретатель?

С. КАЛУГИН,
г. Дзержинск, Донецкая обл.

6. Какой химический элемент назван в честь Парижа?

7. Где и когда создан в Африке первый, ныне действующий университет?

В. ГАГИН,
Скадовск, Херсонская обл.

8. В прошлом году наше киноискусство отметило 60-летие. Какие фильмы были первыми: звуковой, цветной, стереоскопический, широкоэкранный, широкоформатный? Укажите год выпуска и название.

Н. ДМИТРИЕВ,
Воронеж

9. Царь-пушка—боевое орудие или бутфорфия? Когда она была отлита и каким мастером?

С. ФЕДОРОВ,
г. Свердловск

10. Когда и кто из русских спортсменов совершил кругосветное путешествие на велосипеде?

В. КИСЛИНСКИЙ,
Киев

11. Сколько лет могут пролежать семена в земле, не теряя всхожести?

12. Почему рыбы в стае действуют, как связанные?

С. КОЗЛОВСКАЯ,
Жлобин, Гомельская обл.

13. Первой песней, сошедшей с экрана и обретшей самостоятельную жизнь, была «Песня о Встречном» композитора Шостаковича. А кто автор ее слов?

Ю. СТУДЕНЦОВ,
г. Ленинград

14. Какая птица выкармливает своих птенцов молоком?

М. КОЗАРЧУК,
г. Пушкино,
Московская обл.

15. Подавляющее большинство живых существ имеет кровь красного цвета. Но есть исключения. Кто обладает кровью другого цвета и чем это объясняется?

Э. СИМОНОВСКАЯ,
пос. Черноголовка,
Московская обл.

16. Что означает выражение: «Тащить и не пущать»? Откуда оно?

К. ПАВЛОВСКАЯ,
Тула

17. В 1903 году известный географ Л. С. Берг, плывя в лодке по реке, спустился в озеро. Он обнаружил, что в одной части озера вода соленая, а в другой—пресная. Что это за озеро и чем объяснить такое исключительное разделение его воды?

Л. ЛИ,
Ташкент

18. Назовите кинофильм, в котором дебютировали популярные советские актеры В. Тихонов, Н. Мордюкова, И. Макарова. И в каких ролях?

19. Когда и кем введен термин «робот»?

В. ЕГОРОВ,
Тбилиси

20. Назовите одно из самых теплых и соленых морей.

Е. БУХАРЕВА,
Караганда

Музыка Александра Пахмутовой.
Стихи Николая Добронравова

ДОБРАЯ СКАЗКА

Музыка Александра ПАХМУТОВОЙ.
Стихи Николая ДОБРОНРАВОВА

*Добрая сказка с хорошим концом...
Синие звезды горят над прудом.
Серый зайчонок, встречая весну,
В темном лесу сторожит тишину...*

*Ты эти песни счастливые пела,
Ты навсегда мое сердце согрела,
Милая мама, милая мама, милая мама...*

*Добрая сказка—родительский дом...
Тихо погасла звезда над прудом.
Где-то под сенью травы-лебеды
Серого зайца исчезли следы.*

*Только росистой капелью детства
Мне твоя песня досталась в наследство,
Милая мама, милая мама, милая мама...*

*«...Сел Иван-царевич на волка верхом, серый волк
и поскакал—синие леса мимо глаз пропускает,
озера хвостом заматает. Долго ли, коротко ли
скакали они, вдруг видит Иван-царевич терем, а в
тереме том—Жар-птица...»*

*Добрую сказку в душе берегу...
В небе я синие звезды зажгу,
Сонных волшебников я разбужу,
Серых зайчат я в лесу разыщу.*

*Встану под вечер над полем притихшим,
Снова твой голос ласковый слышу.
Милая мама, милая мама, милая мама...*

КРОССВОРД

Составил Е. ХВОЕВ,
Москва

По горизонтали:

- Изобретатель машины времени в драме В. В. Маяковского «Баня».
- Басня И. А. Крылова.
- Литературный псевдоним трех русских писателей.
- Трамвайный вагон без мотора.
- Образное определение в стилистике.
- Персонаж оперы Д. Верди «Аида».
- Памятная вещь, подарок.
- Действующее лицо в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин».
- Рассказ А. П. Чехова.
- Азербайджанский композитор, дирижер, народный артист СССР.
- Регистр певческого голоса.
- Стихотворная форма.
- Театральное или цирковое представление со сказочным сюжетом.
- Мелкая промысловая рыба.
- Карикатурист, Герой Социалистического Труда.
- Сказка в стихах К. И. Чуковского.
- Персонаж романа «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова.

По вертикали:

- Возлюбленная Дон Кихота.
- Узбекский и таджикский бубен.
- Артист, разработавший систему дрессировки животных.
- Заросли ягодного кустарника.
- Венгерский народный танец.
- Горный хребет в Киргизии.
- Вечнозеленое хвойное растение.
- Изменение пути небесного тела под влиянием другого.
- Цирковой артист.
- Картина художника - передвижника Н. А. Ярошенко.
- Обитатель Луны в научно-фантастических произведениях.
- Прибор для нагревания в системе воздушного отопления.
- Русский народный музыкальный инструмент.
- Французский карикатурист, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».
- Русский поэт, автор песни «Из страны, страны далекой».
- Форма поведения, учтивости.
- Ком-

позитор, автор «Сибирского вальса». 29. Курорт в Польше, место международных фестивалей песни.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали:

- «Мелодия».
- Вольфов.
- Нансен.
- Платформа.
- Бельканто.
- Одоевский.
- Еватория.
- Пластика.
- «Вечеринка».
- Малица.
- Сарнай.
- Курбе.
- Миндаль.
- Плоешти.

По вертикали:

- Беранке.
- Рондо.
- Пироп.
- Дойна.
- Лыжня.
- Корелли.
- «Юдифь».
- «Счастличик».
- Определение.
- Скетч.
- «Цветы».
- Вокализ.
- Куранты.
- Арапа.
- Гиады.
- Вафля.
- «Асель».
- «Орфей».

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

Рисунок Николая МАЛОВА

Рисунки Сергея ТЮНИНА

Рисунки Анатолия ОРЕХОВА

